

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2018

Содержание

1. Ноги Изольды Морган
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Бюджет 2019, скроенный под выборы и медленный рост
5. Европа подает на развод с Америкой. Мы стоим у края истории?
6. Культурная хроника
7. Ежи Едлицкий — критик критики современности
8. Стихотворения
9. Разговор с без-начала
10. Несколько слов о необыкновенной женщине
11. Выписки из культурной периодики
12. Вот так скандал!
13. Кристина Янда
14. Письма Юлиуша Словацкого
15. О Зигмунте Мыцельском
16. Две встречи с Вагнером
17. Из редакционной почты

Бруно Ясенский

Ноги Изольды Морган

Перевод Игоря Белова

В сентябре этого года исполнилось восемьдесят лет со дня смерти Бруно Ясенского, поэта и прозаика, расстрелянного в Москве после года следствия и пыток. Он был самым ярким представителем польского футуризма, затем стал коммунистическим деятелем и, наконец, советским писателем и литературным сановником.

Его личность по-прежнему вызывает в Польше довольно противоречивое отношение, но творчество — прежде всего стихи и роман «Я жгу Париж» — высоко ценится свободными от политических предрассудков литературоведами.

Сегодня нам хотелось бы познакомить читателей с полузабытым произведением Ясенского — микроповестью «Ноги Изольды Морган» (1923), которую мы публикуем вместе с не менее интересным программным вступлением, предвосхитившим эксперименты в нашей современной прозе.

Редакция

Exposé^[1]

«Словно небо в тяжелых складках,
что нависло, опять не в духе,
я — огромная свиноматка
с миллионом сосков на брюхе».
«Футбол всех святых»

Сдается мне, что на этот раз без предисловия не обойтись.
Попробуем подойти к этому по возможности хладнокровно.

Отношение польской публики к моей персоне за последние нескольких лет стало совершенно очевидным и при этом довольно оригинальным, так что в комментариях оно не нуждается. Бывали у нас и раньше авторы любимые и нелюбимые, популярные и непопулярные, обожаемые и вызывающие равнодушие. Эти категории авторов образовывали и образуют так называемую литературу. Но рядом с этой «официальной» литературой, как бы за ее скобками, в каждой эпохе есть свои «проклятые поэты», о которых говорят неохотно, вскользь, с явной неприязнью. Тут уж ничего не поделаешь. Люди с такими взглядами — заурядные варвары, либо не понимающие той утонченной игры, каковой и является так называемая литература, либо упрямо делающие вид, что ее не понимают.

Представьте, что в некое светское общество, где люди забавы ради разыгрывают какую-нибудь изящную комедию, попадет человек непроинформированный либо, что еще хуже, просто плохо воспитанный и начнет ко всему относиться всерьез. Разумеется, игра будет испорчена, ее участники заберут свои игрушки и повернутся спиной к непрошенному болвану.

Так было всегда.

Случается, что последующие эпохи возводят этих невоспитанных людей на пьедестал и именно их начинают считать героями своего времени, совершенно не переживая за оскорбленную ими приличную компанию.

Иногда такое отношение в общих чертах остается неизменным.

Все зависит от того, выступали ли эти люди от имени какой-то очевидной для них истины или руководствовались исключительно снобизмом *pour passer le temps*^[2].

Примеры: Христос и Оскар Уайльд.

Пусть история рассудит, к какой из этих двух категорий причислят нас. Споры на эту тему, ведущиеся в нашей прессе вот уже два года, как минимум бесплодны и пусты.

Когда в августе 1921 года в Закопане я возвращался с поэтического вечера, на котором читал свои лучшие стихи, а зрители на протяжении всей Крупувки^[3] (от «Морского Ока»^[4] до ресторана Тшаски^[5]) провожали меня градом камней, достаточно больших, чтобы разбить голову простого (и даже непростого) смертного (к несчастью для них, было слишком темно), я думал о том, что мнение элиты нашего общества, с

такой непосредственностью высказанное мне после моего вечера, было для меня вообще – то... слишком лестным. Избиение камнями в 1921 году от Рождества Христова отнюдь не входило в перечень моих амбиций. Я был просто смущен, как бывает смущен автор, которого перехвалили. Вспоминая о том, что я успел сделать до этого, приходится со стыдом признать, что сделано было очень мало и что публика меня явно переоценивает. Впрочем, таково уж свойство публики, она умеет награждать своих любимцев сверх их заслуг. И у этого есть свои плюсы. Ибо автор, которому дано было пережить минуту такого конфуза, наверняка напряжет все свои силы и не обманет возлагаемых не него надежд. Поэтому, несмотря на то, что мои заслуги перед польской литературой довольно скромны, я благодарен закопанской публике за тот вечер. Я в очередной раз убедился, по какой дороге мне следует идти, чтобы не сбиться с пути. И если однажды мне посчастливится вновь пережить нечто подобное, я уверен, что эта щедрость меня больше не унизит.

В различных городах Польши проходили антифутуристские манифестации, полиция сорвала мой вечер в Варшаве, конфисковывались книги, депутаты Кракова просили городские власти не предоставлять мне впредь помещение городского театра для организации там моих вечеров, из Крыницы, где я хотел встретиться с читателями, меня в административном порядке выдворила полиция, поскольку «в интересах Речи Посполитой» мое пребывание там было признано «возмутительным», общественность и депутаты (Дымовский) регулярно срывали с афишных тумб мои плакаты, «национально-демократическая» учащаяся молодежь пыталась не допустить моих чтений во Львове и так далее, и тому подобное — и все эти вехи указывают мне, что с правильного пути я не сошел.

Так что публика была бы несправедлива, считая, что я недооцениваю той роли, которую она сыграла в моем творческом развитии. Наоборот, она выступает постоянным регулятором моего творчества, чем-то вроде предохранительного клапана, определяющего стоимость производимых мной вещей.

Выпуская мою новую книгу, я по ряду причин посчитал необходимым снабдить ее некоторыми *confessions*^[6] частного характера.

Книга эта несколько отличается от моих предыдущих работ, известных уважаемой публике. Некоторые наверняка тут же

начнут рассуждать о смене направления, новом творческом этапе, литературном дрейфе «вправо» и так далее. Этим людей я хотел бы заранее успокоить.

В первую очередь именно эта книга выдержана в духе моего творчества и представляет из себя нечто вроде подведения итогов определенного, хоть и небольшого, его периода.

То, что в качестве литературного жанра я в данном случае выбрал роман, совершенно логично.

Во-первых, провозглашая лозунги демократического искусства, трудно игнорировать роман как таковой, поскольку из 15% читающих поляков 14,75% читают одну беллетристику, и только 0,25% — поэзию.

Во-вторых, пытаясь очистить от гноя польское искусство, невозможно не задеть эту ее ветвь, поскольку она самая гнилая.

Я не утверждаю, что эта книга может служить примером того, как нужно писать современные романы.

Но она, безусловно, служит примером того, как в наши дни нельзя писать романы. (Эта шутка, которая здесь, дорогой читатель, приходит тебе в голову, свидетельствует только о твоей наивности).

Назло всем моим издателям, которые платят мне за авторский лист, в этом романе ровно столько страниц, сколько нужно (не больше и не меньше), и его архитектурная конструкция абсолютно железобетонна. Унизительные тесемки старого романа, вредящие принципам простой конструкции, надеюсь, бесповоротно остались в далеком прошлом.

Сегодняшний роман должен перестать быть изложением определенных фактов, последовательность которых вызывает у читателя соответствующие этим фактам психические состояния. Эта стратегия изначально ошибочна и может быть успешной только в отношении читателей с очень примитивной душевной организацией.

Современный роман вызывает у потребителя определенные ключевые психологические состояния, на основе которых читатель и конструирует ряд соответствующих этим состояниям фактов. Поэтому каждый читатель может выстроить фабулу по-своему, и в этом заключается ее неисчерпаемое богатство.

Тему для этого романа я выбрал остросюжетную, что, впрочем, не имеет особенного значения. Она зловеща ровно настолько, насколько зловещим становится любой вопрос, если мы решимся додумать его до конца. Попробуем в течение часа поразмышлять о каком-нибудь здании, мимо которого мы проходим ежедневно, совершенно его при этом не замечая — и это здание постепенно приобретет для нас поистине кошмарные размеры. Точно так же, если слишком долго вглядываться в одну точку, реальные контуры предмета начнут расплываться, и там, где только что стояла античная статуя, мы сможем увидеть корову в жилетке и китайца.

Бешеный ритм современной жизни, с неумолимой логикой катящейся, словно по наклонной плоскости, к некоему назначенному пункту со скоростью разогнавшегося радиосигнала, породил совершенно новую разновидность реальности — реальность раскаленной до красна стали, балансирующей на границе галлюцинации.

Вот какова эта книга.

Она также препарирует некий очень характерный аспект современного сознания (который я назвал бы футуристическим сознанием), ставшего итогом последних полутора десятка лет.

Это все, что мне хотелось о ней сказать.

Так называемый дуализм содержания используется здесь мной совершенно сознательно и последовательно, поэтому я прошу уважаемых критиков не тратить время на открытие этой Америки.

НОГИ ИЗОЛЬДЫ МОРГАН (роман)

«Уж какая ж эта ножка,

ножка, вспухшая немножко!»

Достоевский, «Братья Карамазовы»

«Это случится однажды — внезапно, точно удар под дых...»

1.

Когда четырнадцать пар дрожащих рук, в перчатках и без, наконец-то вытащили из-под передних колес трамвая №18 окровавленное тело Изольды Морган с волочащимися на нитях нескольких сухожилий ногами, отрезанными ниже паха и вселяющими ужас, всеми этими людьми вдруг овладело неприятное чувство совершенной ими бестактности.

Девушке было двадцать три года, у нее были длинные каштановые волосы, рассыпанные в беспорядке, безусловно прекрасное тонкое лицо и чудесные ноги «от ушей» — верный признак всякой породистой женщины.

Дальнейшие события развивались как-то даже чересчур стремительно. Примчалась санитарная карета и тут же умчалась, увозя в своих недрах весь инцидент. Через час обе ноги были уже ампутированы, а вечером больная, помещенная в отдельную палату, спала тяжелым целительным сном без сновидений.

2.

Берг, который на этой неделе развлекался в соседнем городе, был извещен о случившемся только на другой день коротким и невнятным письмом, в котором шла речь о какой-то аварии. Его просили немедленно приехать.

Гомон перрона, грохот дверей, запах свежей краски, пляшущий калейдоскоп деревьев на диафрагме окна — все это, словно бисеринки четок, нанизанные на нитку неясного глухого беспокойства, осыпалось в глубину его души, оставив на ней длинную отвесную царапину.

Когда, представившись дежурному врачу, он слушал бесстрастный отчет о произошедшем, то был уже совершенно спокоен.

После того, как ему все рассказали, он попросил о свидании. В палату он вошел в сопровождении доктора.

Больная не спала.

Она лежала на спине с широко открытыми глазами.

Берг встал у нее в ногах. Он был готов к тому, что нужно будет что-то сказать, однако в этот момент ничего подходящего ему в голову не приходило (...тяжелые, пушистые свечи каштанов в долгой, идеально прямой перспективе, холодный влажный вкус губ, прижатых к губам, тепло маленькой руки, проникающее сквозь замшевую перчатку... помнишь...).

Он даже попытался улыбнуться, но в этот момент его взгляд наткнулся на обвисшую линию одеяла, создающую уму непостижимую пустоту ниже бедер (...Боже, Боже, только не думать...).

Какая-то липкая сладкая жижа подступила ему к горлу.

И снова каштаны, и снова вкус влажных губ, и долгая узкая нагота, выныривающая из солнечной пены юбок (...тихо, тихо, дорогая, не буду же я кричать...).

Какая забавная физиономия у этого доктора. Левый ус у него обвис, словно у майского жука, на кончике носа вскочил прыщик.

И тогда он встретился взглядом с ее глазами, глазами испуганной побитой собаки (...у отца, во дворе — утопили ее щенков...). Глазами, словно молящими о пощаде, впившимися в него в напряженном ожидании.

Он почувствовал, что тушуетсЯ под этим взглядом, что краснеет, как мальчишка, что стоит тут уже несколько минут, что нужно наконец что-то сказать и что он ничего не скажет. И вдруг ему захотелось сбежать (...на улице люди, экипажи, гомон и грохот, звон трамваев, дзынь-дзынь...). Почему у этого доктора такая странная физиономия? О, вот и дверь, теперь скорее домой, домой!

Он бежал, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, пока не оказался на улице, где смешался с пестрой разгоряченной толпой. Споткнулся и упал, весь красный, горячий, как кумачовая тряпка. Круглая, круглая бесконечность. И над раздувшейся буквой «I» улиц горит жирная точка солнца.

Люди бежали, шли и толкались, рычали автомобили, звенели трамваи, выплевывая и заглатывая на остановках пассажиров и проезжая мимо него с равномерным скрежетом граненых рельсов.

3.

Уже поздно вечером к старшему санитару клиники, Тимотеушу Лерхе, старому бывалому громиле с лицом, покрытом оспинами и рыжей щетиной, подошел хорошо одетый молодой человек, который, отозвав санитару в сторону и вертя в пальцах пятисотфранковую банкноту, спросил его, не окажет ли он ему одну услугу. Тимотеуш Лерхе заверил незнакомца, что находится в его полном распоряжении. Тогда тот, по-дружески взяв его под руку, пояснил, что он является родственником привезенной сюда два дня назад Изольды Морган, попавшей под трамвай, и что он хотел бы, если это возможно (при этих словах банкнота многообещающе зашелестела), получить обе ампутированные ноги своей кузины.

Тимотеуш Лерхе, ничем не выдав своего удивления, послушно кивнул в знак того, что все понял, пообещав только уточнить, не были ли уже выброшены конечности вместе с другими отходами, после чего удалился, указав посетителю на стул.

Через двадцать минут он вернулся, неся под мышкой большую длинную коробку, тщательно завернутую в серую бумагу. Со стороны могло показаться, что это коробка из модного магазина готового платья, а розовая ленточка, которой была обвязана картонка, придавала ей праздничный вид. Тимотеуш Лерхе молча подал сверток незнакомцу. Пятьсот франков опустились в карман его халата. Затем санитар поинтересовался, не прикажет ли незнакомец, чтобы мальчик-посыльный отнес коробку к нему домой.

Молодой человек, однако, не воспользовался этим предложением и, взяв сверток под мышку, вышел на улицу один, сопровождаемый низкими поклонами санитару и двух вахтеров.

4.

В конторе, где работал Берг, новость о случившейся с ним беде распространилась молниеносно, создав вокруг несчастливца атмосферу приглушенных перешептываний и молчаливого сочувствия.

«Товарищество городской электростанции», где Берг был одним из дюжины инженеров, предложило ему месячный отпуск. Берг отказался. Он по привычке приходил на работу

очень рано. Вечерами его нигде не видели. Приятели, решив однажды провести его после работы, обнаружили на дверях листок бумаги с надписью «Не беспокоить».

Все знали, что после того визита у Изольды он больше ни разу не был у нее в клинике, и находили этому самые разные объяснения. Во всем остальном он был такой же, как и всегда, разговаривал, улыбался. Со временем окружающие стали поговаривать, что любовь Берга к Изольде была не такой уж сильной. Понемногу эта уверенность передалась всем. А вскоре на Берга и вовсе перестали обращать внимание. Разве что чувствовали какую-то необъяснимую обиду за то, что он так легко смирился со своим несчастьем и обо всем забыл.

5.

Это были вызывающе белые и удивительно длинные ноги. Увенчанные маленькой узкой стопой с высоким сводом, весьма изящные в суставах, они вспыхивали безупречно вылепленной голенью, очень продолговатой, твердой и упругой. Начиная с миниатюрных колен белое бедро с его бархатным лоском было целиком покрыто сетью едва заметных голубых жилок, придающих женскому телу величественность мрамора. Маленькие стопы по-прежнему утопали в неглубоких лакированных туфельках, а черные шелковые чулки окаймляли ноги выше колен, как и в те времена, когда те еще носили свою хозяйку. Ампутация произошла очень быстро, и ноги были отрезаны возле самого паха, так что обнажать их полностью не было необходимости. Помещенные на кушетку и небрежно закинутые одна на другую, укрытые сверху широким пледом, они производили впечатление живых конечностей спящей, накрытой с головой женщины.

Берг просиживал над ними часами. Он знал любую их мышцу, называя каждую по имени. Проводя рукой вдоль *quadriceps cruris*^[7], он нежно ласкал внутреннюю сторону бедра в том месте, где пах с коленом соединяет тонкая, едва заметная мышца *gracilis*^[8], известная также как *defensor virginitatis*, самая слабая из всех мышц женской ноги. Вся его болезненная любовь к Изольде сконцентрировалась теперь на ее ногах. Он часами лежал на кушетке, прикинув губами к мягкой ароматной коже порозовевших бедер, как в те дни, когда он ласкал их, а они еще принадлежали ей. О самой Изольде он думал очень редко. Точнее, не думал совсем. Сцена в клинике не вызвала в нем ничего, кроме чувства отчуждения и брезгливости. Какое

ему, собственно, дело до этого отрезанного куска женской плоти, бесформенного обрубка, отвратительного и зловещего? Прижавшись в сладкой истоме к ее чудесным ногам, которые теперь полностью принадлежали ему, он чувствовал себя абсолютно счастливым.

То, что ноги Изольды спустя две недели оставались столь же розовыми и свежими, как и в первый день после операции, было для него чем-то совершенно естественным. Ничего другого он себе и представить не мог — это показалось бы ему таким же нонсенсом, как утверждение, что Нике Фидия грозит разложение, поскольку у нее нет головы. Впрочем, это ведь по-прежнему были ноги живой женщины, простой случайностью отделенные от всего остального тела, но не переставшие из-за этого быть ее органической частью, слившейся навсегда с ее живой неделимой личностью.

6.

На часах полночь. Нынче ночью Берг дежурит на электростанции. В принципе, он мог бы сидеть в своем кабинете наверху, однако в глубине души он боится одиночества, хотя и не признается себе в этом.

Яркий свет ламп, ровное гудение машин успокаивают и навевают сон.

Берг проходит по очереди между двух рядов работающих машин.

Свист вращающихся спиц и рокот двигателей. Музыка разогретой стали.

Некоторое время Берг неотрывно смотрит на вращающееся колесо, и у него слегка начинает кружиться голова. Тут же его внимание привлекает огромный поршень, равномерно вздымающийся и опускающийся. Поршень издает глухое усталое сопение. Бергу это напоминает совокупление. Он почти с ужасом смотрит, как огромный поршень неумоимо опускается и вновь поднимается. Машина сношается.

— Почему же они все-таки не размножаются сами, — бормочет Берг и чувствует, как вдоль его позвоночника бегут холодные мурашки. — Дикие бесплодные звери, — бросает он, не оглядываясь, и ускоряет шаг.

Но аллее машин конца-края не видно. Справа и слева в безумном темпе опускаются и поднимаются двигатели. Берг чувствует, как его обдаёт суровой безграничной ненавистью, веющей от машин. Извечная ненависть работника к своему эксплуататору. Он чувствует себя маленьким и беспомощным в окружении этих железных существ, словно его бросили им на растерзание. Ему хочется кричать, и только последними усилиями сознания он приходит в себя. «Они ненавидят меня, — отчетливо понимает он, — но они вмонтированы в пол и не могут мне ничего сделать». Желая показать самому себе, что ему не страшно, он останавливается возле одной из машин и некоторое время насмешливо присматривается к ней. Колеса вращаются здесь немного медленнее, словно нехотя. Зверь притаился и ждет. Берг внезапно чувствует непреодолимое желание коснуться рукой вращающейся спицы. Он не может отвести взгляд от стальной детали.

— Только дотронусь и сразу отдерну руку, — внятно говорит он сам себе. Он хочет отскочить от машины и убежать, но не может. А колесо, кажется, вращается все медленнее, все ленивее... Огромная рука спицы растёт, вытягивается... Слышно ее холодное дыхание. Еще секунда — и она коснется его лица. Господи!

Внезапно Берг чувствует острую боль в плече. Чьи-то крепкие пальцы хватают его и отбрасывают с невероятной силой вбок. Он слышит суровый хриплый голос, похожий на звук иерихонской трубы:

— Осторожно! Еще немного, и вас затянуло бы в машину.

Он видит над собой закоптелое лицо рабочего, его большие голубые глаза, всматривающиеся в Берга из-под нахмуренных бровей.

— Идите-ка лучше наверх и поспите, мы уж там сами за всем присмотрим, — произносит рабочий с той самой не терпящей возражений интонацией, перед которой Берг чувствует себя безвольным и слабым, как ребенок.

Сильная костлявая рука ведет его, почти несет через зал, и отпускает во дворе.

— Спасибо, — тихо говорит Берг и видит над собой огромное черное лицо неба, обильно усеянное прыщами звезд.

Спустя неделю после этого происшествия Берг покинул электростанцию раньше обычного и направился за город. Золотой осенний день пахнет китайской розой. Безграничное спокойствие воздуха внушает тревогу и ужас. Все погружено в сон, ни одна ветка не дрогнет, только один за другим в этой убийственной тишине облетают листья и падают на песок, неспешно закручиваясь серпантинном. Неподвижная поэзия осени.

*Сухие падают листья,
размеренно падают, тихо,
шелестя, устилают бархатом землю,
испугавшись разлитой в воздухе смерти.
Над складками этой постели,
красной, лиловой и желтой,
солнце садится неспешно,
вяло, меланхолично.*

Только что в шестерни самой большой машины попал старший механик Гинтер. Когда его вытащили, он был уже бесформенной кровавой массой.

Бергу вспоминать об этом неприятно, и он старается не думать о Гинтере. За неделю, прошедшую с той памятной ночи, ощущение какой-то навязчивой и упрямой враждебности нарастает с каждым днем, и Берг не может от него отделаться. Всякий раз, когда ему нужно пройти через машинное отделение, он старается сделать это побыстрее, не глядя по сторонам. Дуновение тупой бессильной ненависти, которой веет из машинного зала, наполняет его холодным необъяснимым ужасом. Он смотрит в лица рабочих и пытается уловить на них похожее чувство, однако их лица непроницаемы, они глядят на него невесело и строго. С некоторого времени Берга преследует мысль, что эти люди, работающие здесь по несколько лет, давно посходили с ума. Он ловит себя на том, что следит за их движениями, рассчитывая найти подтверждение своим догадкам. Когда ему случается перекинуться парой слов с рабочим, он чувствует, что приходит в замешательство, и поэтому ему приходится заканчивать разговор как можно скорее.

«Только бы самому не сойти с ума», — думает Берг, а подумав так, решает сменить место работы.

Да, это будет лучше всего. Он уволится, затем устроится на конторскую работу. Это наверняка его успокоит.

Внезапно он слышит за собой дикий рев мотора. Проносящийся мимо автомобиль задевает его поворотником и отбрасывает на тротуар. Из автомобиля раздается площадная брань.

Берг совершенно выбит из колеи. Ему приходится опереться о дерево, чтобы собраться с мыслями. Страх, загнанный куда-то в глубь, снова подкрадывается и заглядывает ему в глаза.

— Нужно все это продумать, как следует продумать, — повторяет Берг и в ту же секунду чувствует, что все за него уже продумано изначально. Выхода нет. Пару минут назад он наивно полагал, что достаточно сменить работу, чтобы отгородиться от ненависти машины. Теперь он видит, что машина подстерегает его повсюду. Каждый его шаг определяет машина.

Берг вдруг чувствует себя в осаде. Все машины, которые он когда-либо видел, выползают из закоулков сознания и окружают его железным кольцом. Как слабая нить света посреди этого лабиринта криком вспыхивает в нем имя: Изольда! Он оглядывается по сторонам. Он забрел куда-то далеко, в неизвестные ему места. Только сейчас Берг чувствует, как же сильно он устал. Нужно возвращаться домой. Подъезжает трамвай. При виде трамвая он вздрагивает. Ему хочется кричать. Берг смотрит в лицо пассажира, сидящего у окна справа. Оно похоже на маску — добродушную, спокойную, самодовольную. Внезапно под действием взгляда Берга эту маску раскалывает надвое жуткая щель улыбки, и Берг на долю секунды видит алую зияющую пасть безумия в нескольких сантиметрах от своего лица.

8.

Все более странная атмосфера царит на электростанции. Незаметные перешептывания рабочих после смерти Гинтера превратились в тихое ворчание. Берг все чаще натывается в машинном отделении на группы рабочих, разбегающихся при его появлении.

На дверях электростанции вот уже два дня висит небольшой квадратный лист бумаги с воззванием. Его никто не срывает.

Берг долго плакал той ночью, положив голову на ноги Изольды. Час пробил. Судьба выводит его на авансцену, наделив ролью

освободителя.

9.

Машинное отделение, погруженное во мрак, зияет пустотой. С того момента, как Берг закрыл за собой дверь, он стоит, опершись о стену и все хуже понимает, зачем он вообще сюда пришел. С тех пор, как он появился здесь впервые, будучи еще совсем молодым инженером, он никогда не видел этого зала молчаливым и неосвещенным. Он ошеломлен. В первую секунду ему хочется зажечь свет, однако он тут же вспоминает, что электричества нет во всем городе, так как электростанция не работает. Это возвращает его к действительности. Он старается мыслить трезво. Берг достает из кармана специально приготовленный фонарь и включает его. Узкая полоска света разрезает мрак. Из-за этого мрачная бездна кажется еще более темной. Словно черные крылья гигантских чудовищ, из нее показываются огромные контуры колес.

Берг чувствует, что если останется здесь хотя бы еще на минуту, то обратится в бегство. Он делает несколько шагов. Теперь он двигается уже совершенно механически. Путь кажется ему удивительно длинным. Берг думает, что он его уже прошел, и нужно возвращаться. Он поднимает фонарь. И только сейчас видит, что стоит под тем же самым приборным щитком. В резком свете луча, словно зрачки дикого животного, тлеют глаза часов.

Берг вынимает из кармана пальто молоток и ножовку.

Глаза часов всматриваются в него спокойно и безучастно. Рука, в которой он сжимает молоток, холодна и уверена. Главное сейчас — сохранять спокойствие.

Очи манометров становятся странными и магнетическими. Они напоминают Бергу увиденного однажды в цирке факира, который взглядом гипнотизировал змею. Сейчас он чувствует себя, как змея, которая хочет ужалить, но не может пошевелиться, обездвиженная этим странным взглядом. Это продолжается не дольше минуты. Тогда последним усилием воли Берг резко взмахивает молотком и с удивительной для себя самой силой обрушивает его на приборный щиток.

Треск крошащегося мрамора разрывает тишину. Ясный и теплый покой, глубокий, как пруд... И вдруг происходит что-то невероятное: яркий безбрежный свет ослепляет его на секунду.

Черные неподвижные колеса начинают вращаться. Берг вдруг чувствует удар чем-то твердым по голове и падает, ударяясь лицом об пол.

10.

На четвертой странице единственной газеты, весь тираж которой расхватили буквально за час, между объявлениями чернеет маленькая заметка, набранная петитом: «...обвиняемый в саботаже инженер Витольд Берг, задержанный с поличным при попытке уничтожить машины, обеспечивающие работу городской электростанции, предстанет перед рабочим трибуналом...».

11.

В огромном фабричном цехе колыхалось море людских голов. В центре возвышалась наспех сколоченная из ящиков трибуна. Худой веснушчатый студент, моргая белесыми ресницами, равнодушно зачитывает обвинительное заключение. Чернявый прилизанный бухгалтер, перехваченный в талии широким ремнем, медленно, с благоговением переворачивает страницы общей тетради. Веснушчатый студент время от времени повышает голос, который сразу начинает звучать немного плаксиво, и тогда ему вторит ропот толпы, словно ветер, проносящийся по цеху. От заседателей веет скукой и безнадегой. Приговор всем заранее известен, речь идет только о соблюдении необходимых формальностей.

Наконец студент садится, вытирая нос платком, а бухгалтер произносит тонким металлическим голосом, обернувшись куда-то вправо:

— Прошу привести обвиняемого.

Глухой ропот проносится по залу. Затем правая дверь с грохотом распаивается, и под конвоем четырех рабочих, вооруженных маузерами, входит Берг. Толпа слегка расступается, чтобы пропустить их к трибуне.

Гомон усиливается, постепенно превращаясь в шум недовольных голосов.

Звонок. Допрос продолжается.

Стрелки часов движутся с упрямой черепашьей немощью.

Неожиданно шум усиливается, и море людских голов, словно его кто-то подтолкнул, разворачивается в сторону трибуны.

На трибуне стоит Берг. Он очень бледен, взгляд его блуждает, прядь волос спадает ему на лоб. Одет он безупречно, на нем жакет. Он говорит звонким спокойным голосом, часто останавливается, подыскивая нужное слово:

— Настал день мести. Осознав свои цели, пролетариат начинает борьбу. Чтобы борьба увенчалась успехом, необходимо в первую очередь понять, кто же наш смертельный враг. Нужно уничтожить этого врага, и со злом будет покончено.

Достаточно отобрать средства у буржуазии, и армия пролетариата сразу вырастет на несколько миллионов голов. Но главная проблема пролетариата все равно не будет решена. Есть у него и другой враг, находящийся совсем близко, враг, с которым рабочий сталкивается ежедневно, за работой, которая незаметно пожирает его силы, здоровье, а иногда и жизнь. Этим врагом является машина. Напрасно буржуазная цивилизация гордится машиной, как величайшим достижением, которое так облегчает ей жизнь. Полагая, что изобретение машины дало ей новое оружие для борьбы со стихией и новый способ эксплуатации пролетариата, буржуазия ошиблась. Машина вымахала как паразит, проникла во все уголки жизни, и из рабочего инструмента постепенно превращается в хозяина. Буржуазия уже полностью порабощена машиной и не может без нее обойтись.

Но рабочий всегда ненавидел машину. С самого начала она была для него бедой и проклятием. Десятки тысяч безработных, тысячи смертей и увечий, вдовы и сироты без хлеба — вот что такое машина для рабочего. Сейчас, когда настал час открытой и победоносной борьбы, задача пролетариата — освободить человечество из-под власти машин. Необходимо уничтожить машину, уничтожить немедленно, если мы не хотим, чтобы она уничтожила нас.

Берг прекрасен в эту минуту. Его лицо горит румянцем, пряди волос закрывают лоб.

Раздается несколько аплодисментов, затем наступает долгая неуверенная тишина. Берг спускается с трибуны. Из-за стола встает веснушчатый студент. Он перепуган. Суетливо моргает глазами. Говорит торопливо и раздраженно. Ему кажется, что инженер решил просто поиздеваться над трибуналом, но

аплодисменты, которые он слышал (следует нерешительный поворот в сторону), вынуждают его ответить. Уничтожение машин, которые являются культурным достижением всего человечества, а значит и пролетариата, было бы возвращением к варварству. Машины одинаково служат как хозяевам, так и работникам. Как же пролетариат обойдется без машин? Ведь и трамваи, и водопровод, которыми пользуется каждый — это тоже машины.

Берг не слушает до конца. Он протискивается сквозь толпу на улицу. Люди расступаются перед ним. Идет мелкий осенний дождик, сбивчивый, словно плач. Берг чувствует, как что-то душит его за горло. Его речь и его призывы кажутся ему дурацкой пародией. К чему все это? Ведь они такие же, как и их хозяева, только немного глупее. Да и потом, уже поздно.

12.

Несколько дней спустя, когда началась всеобщая забастовка, Берг утром вышел на улицу. День начинался ясный, солнечный. На площадях стояла тишина. Трамваи не ходили. Берг вышел на самый широкий проспект и шел вверх. Улицы как-то странно пульсируют, словно пьяные. Из каждой подворотни тянет тревогой. Тишина медленно тяжелеет. Все затаилось, словно в ожидании какого-то события. Берг ускоряет шаги. Необычная тишина начинает мучить его. Ему хочется вернуться домой. На углу улицы кто-то хватает его за плечо. Светло-голубые глаза и кепка с козырьком, которую он уже где-то видел. Механик с электростанции.

— Я слышал, как вы выступали в суде, — говорит рабочий звучным мягким голосом. — Я не все понял из того, что вы говорили, но вы сказали, что наступает время, когда машины будут управлять нами, а не мы ими. Но посмотрите — одно наше движение, и все остановилось. И тишина такая, как перед сотворением мира. Что вы теперь скажете?

Он весь цветет и сияет, источая солнечный свет, радость и силу: мы! мы! Берг смотрит ему в лицо, и его охватывает безумное желание лишить его этой радости и увидеть в этих круглых глазах животный ужас. Они идут по тротуару в сторону триумфальных ворот. Берг говорит:

— Теперь уже все равно. Вы не разгадали душу машины, вы, те, кто стоял к ней ближе всех. А ведь это так просто. Душа машины — это движение, *perpetuum mobile*. Так что

единственный воздух, которым нам остается дышать — это наша ограниченность. Последствия очевидны. Мы сделали себе смертельную прививку, которая постепенно подчинит нас целиком.

— Мы движемся к финалу, причем с математической точностью. Вскоре все вокруг нас заменят машины. Мы будем передвигаться среди машин. Каждый наш шаг будет зависеть от машины. Мы капитулируем. Мы полностью отдаем себя в руки чуждой, враждебной нам стихии. Обруч железного усилия нервов, который еще удерживает нашу власть над ними, вот-вот лопнет. И тогда нам остается либо борьба, либо безумие. Никто пока что этого не видит и не понимает. Мы ослеплены своей силой. Но выхода нет. Мы сами окружили себя со всех сторон. Впрочем, это уже успело проникнуть и в наши души. Вы уже не можете жить без машины. Вы — уже нет. Сопротивление бесполезно. Остается ждать. Яд уже бродит в нашей крови. Мы отравлены собственной силой. Сифилис цивилизации.

— До свидания, — наклонился он вдруг к уху механика, крепко сжав ему руку. — Мне в ту сторону...

13.

Поздним вечером, когда дежурный полицейский 10-го комиссариата уже собирался вздремнуть, в комиссариат заявился мертвенно бледный человек со сверкающими глазами, представившийся Витольдом Бергом, инженером городской электростанции, и заявил, что у него украли ноги. При этом он категорически настаивал, чтобы ему немедленно выделили в помощь несколько агентов, поскольку он не может ждать ни секунды.

В комиссариате на тот момент было всего два человека, поэтому дежурный полицейский очень вежливо объяснил посетителю, что ему придется немного подождать, поскольку людей нет на месте, и с ними можно связаться только по телефону. Прибывший заявил, что дело не терпит отлагательств, и раз ему не могут помочь в этом комиссариате, он отправится в другой.

Дежурный старался задержать его, используя все мыслимые аргументы. Его товарищ, отлучавшийся позвонить, вернулся и заявил, что самое большее через три минуты агенты будут здесь.

Приступили к составлению протокола.

Однако полицейским больше ничего не удалось выведать у незнакомца — он только повторял, что сегодня, пока его не было дома, у него украли ноги.

— Вот и наши люди, — дружелюбно сказал дежурный. — Зря вы переживали.

Вошли несколько плечистых мужчин и встали по обе стороны двери.

— Агенты в вашем распоряжении, — сказал звонивший полицейский. — Будьте любезны, покажите им дорогу.

Берг на прощание пожал полицейскому руку, которую тот поспешно протянул ему, и вышел первым. Однако не успел он переступить порог комиссариата, как почувствовал на себе дюжину сильных рук, которые повалили его на землю. Он пытался вырваться, дергался, кусался, катался вместе с державшими его людьми по земле, несколько раз ему даже удавалось освободиться, но в конце концов он упал, оглушенный и связанный. Он чувствовал, что плывет куда-то вниз по крутому склону; потом ненадолго его овеял влажный весенний воздух. Наконец ему показалось, что его запихивают в какую-то тесную коробку. Крышка коробки захлопнулась. Берг потерял сознание.

Дежурным 10-го комиссариата, видимо, не суждено было уснуть той ночью. Едва стихли шаги внизу, комиссариат был извещен по телефону, что на улице N в доме №14 отравилась серной кислотой журналистка Изольда Морган, которая два месяца назад в результате трамвайной аварии потеряла обе ноги.

14.

Когда он очнулся, было уже совсем светло. Через небольшое зарешеченное окно под потолком в помещение струился ослепительно белый свет месяца. Комната была маленькая, без мебели. В снопе лунного света переливался вымощенный камнями пол.

Он поднялся легко и плавно. Только теперь он заметил, что связан. Без малейших усилий он сорвал с плеч какой-то подозрительный халат и сунул его под кровать. Месяц светил ясно и невозмутимо.

«Пойду на улицу», — подумал Берг и подошел к двери. Однако у двери не было ручки, и она была заперта. Тогда он медленно подошел к стене, поднажал слегка, отодвинул ее и вышел.

На улице его сразу поглотила возбужденная, спешащая куда-то толпа. Он шел, то и дело подталкиваемый другими людьми, по широким, ярко освещенным улицам, которые были ему незнакомы. Месяц сиял, словно огромная электрическая лампа, заливая все вокруг ярким холодным светом. На углу одной из улиц он вдруг почувствовал, что кто-то взял его под руку. Он повернул голову. Рядом с ним шла стройная молодая девушка с милым детским лицом и длинными темными ресницами. Они шли, не говоря друг другу не слова. На следующем перекрестке девушка свернула. Он послушно шел рядом с ней, даже не задумываясь, куда идет. Так они прошли вместе всю улицу. На следующей девушка завела его в большой черный дом, слабо освещаемый керосиновой лампой. Он поднялся по узким деревянным ступенькам на третий этаж. Она повернула ключ в замке и открыла дверь.

В небольшой, чисто обставленной комнате она усадила его на кровать и начала раздеваться. Когда она сняла сорочку, он увидел, что у нее маленькие, очень белые и упругие груди и широкие, ладно скроенные бедра. Он вспомнил, что уже два месяца у него не было женщины. Он взял ее жадно, как вгрызаются в краюху хлеба во время голода. Бедра у нее были мягкие и эластичные, словно на пружинах — они ритмично поднимались и опускались, так что Берг мог оставаться неподвижным, а соитие происходило как бы само по себе. Он брал ее еще и еще. Когда он, уставший, вытянулся на подушках, она начала одеваться. Тут он вспомнил, что у него нет денег, и сказал ей об этом. Она не рассердилась. Быстро оделась. Сказала, что ей нужно идти. Они вышли, и у подъезда разошлись в разные стороны.

Улица, по которой шел Берг, была полна народу. Все быстро бежали, будто чем-то напуганные, в одну сторону. Чтобы его не затолкали, Берг сошел с тротуара и дальше шел по проезжей части. Он думал о странной женщине, с которой он только что был, и о ее удивительных бедрах. Вдруг он услышал за спиной протяжный зловеющий скрежет. Он обернулся. Прямо за ним ехал трамвай, уже почти касаясь его спины. В этот момент Берг заметил, что идет прямо посередине стертых до блеска рельсов. Он кинулся бежать что было сил. Свернуть в сторону он не мог. Берг отлично понимал, что стоит ему коснуться ногой рельса, как он поскользнется и трамвай переедет его. Он бежал вперед между рельсами с поразительной для самого себя скоростью,

слыша за спиной злое пение гонящегося за ним трамвая. Он пытался кричать — бесполезно. Стоп, секунду, тут ведь должна быть какая-нибудь остановка... Но остановки не было. Наконец она замаячила вдали. Берг напряг все силы. Только бы добежать. И он добежал.

Но трамвай не притормозил на остановке и несея дальше все с той же скоростью. Так они миновали одну остановку, потом следующую. Вдруг Берг почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове, а ноги словно налились свинцом. В голове зазвучало старое, полузабытое, когда-то написанное им восьмистишие:

*Это случится однажды — внезапно, точно удар под дых,
но при этом буднично, как история, почти бытовая:
вы вдруг заметите, что на остановках любых
перестали останавливаться грохочущие трамваи.
Они будут вихрем лететь, источая адреналин,
и трястись на ходу, как если бы бил их припадок,
чехарда одуревших, багровых, задыхающихся машин —
двоек, троек, пятерок, девяток.*

Он обернулся — трамвай догонял, почти касаясь его спины. На табло горел номер «9». Мимо проносились другие трамваи. На задней площадке одного из них Берг увидел держащуюся за поручень Изольду, которая махала ему платочком. Тогда из последних сил он подпрыгнул и уцепился обеими руками за торчащий глаз фонаря, повиснув в воздухе.

Рядом с ним пролетали один за другим длинные ошалевшие трамваи, полные бледных, обезумевших от ужаса людей.

-
1. Объяснение, заявление (фр.) — Здесь и далее примеч. пер.
  2. От скуки, развлечения ради (фр.)
  3. Улица в Закопане
  4. Один из старейших отелей в Закопане, располагавший зрительным залом, в котором выступали многие легендарные деятели польской культуры.
  5. Имеется в виду ресторатор Франтишек Тшаска.
  6. Признания (англ.)
  7. Четырехглавая мышца (лат.)

8. Тонкая мышца (лат.)

Хроника (некоторых) текущих событий

• «Реформа будет доведена до конца, несмотря на отчаянное сопротивление, принявшее невиданный доселе масштаб. И тут не поможет давление из-за границы, не спасут попытки втянуть в это дело Европейский суд! (...) Существенная часть судейского сообщества объявила нам войну. Наша реформа саботируется, а в некоторых регионах имеет место сидячая забастовка», — министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Зёбро. («Сети», 20–26 авг.)

• «Европейская комиссия постановила, что закон о Верховном суде противоречит законодательству ЕС, в первую очередь потому, что лишает действующих судей возможности выносить решения. Если Варшава с этим не согласится и оперативно не скорректирует польское законодательство, дело, скорее всего, будет направлено в Европейский суд». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 16 авг.)

• «Если Европейский суд совершит прецедент и санкционирует приостановление Верховным судом юридической силы законов, у нашего правительства не будет другого выхода, кроме как проигнорировать решение Европейского суда как противоречащее Лиссабонскому договору и самому духу европейской интеграции», — вице-министр Ярослав Говин, министр науки и высшего образования. («До Жечи», 27 авг. — 2 сент.)

• «“Правление Европейской сети Советов правосудия полагает, что Национальный совет правосудия перестал быть независимой от исполнительной власти структурой и в этой связи не может гарантировать поддержку судейского сообщества в его миссии независимого осуществления правосудия. В этих обстоятельствах правление предлагает приостановить членство Национального совета правосудия в Европейской сети Советов правосудия. Это станет отчетливым сигналом для польского правительства и польских судей”, — говорится в резолюции, принятой в четверг Правлением Европейской сети Советов правосудия. Резолюцию подписали представители советов правосудия из Голландии, Бельгии, Хорватии, Англии, Уэльса, Италии, Литвы, а также Португалии. Европейская сеть объединяет советы правосудия стран Европы,

в ее состав входят 24 члена». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 18-19 авг.)

- «“Закон должен служить обществу (...), а не только крупнейшим политическим партиям. И тем более правящая партия не должна воспринимать свою лидирующую позицию как привилегию, защищающую ее от граждан”, — подчеркнул в своем заявлении пресс-секретарь Конференции Епископата Польши, о. Павел Рытель-Андрианник». («Супер-экспресс», 11-12 авг.)

- «Вице-председатель Конституционного трибунала Мариуш Мушинский не обладает полномочиями по вынесению решений в составе Конституционного трибунала, постановил в июне Воеводский административный суд в Варшаве». («Газета выборча», 25-26 авг.)

- «В ночь с 16 на 17 декабря 2016 г. (...) перед Сеймом собрались люди, чтобы выразить свой протест в отношении политики парламентского большинства. (...) 13 из них было предъявлено обвинение за то, что не они не желали покидать место собрания. (...) Во вторник (...) суд оправдал всех обвиняемых. “Протестующие пришли к зданию парламента, чтобы воспользоваться своим правом на свободу собраний. Правом, которое им гарантирует конституция, — обосновал свое решение председатель судейской коллегии Лукаш Билинский. — Трудно понять, для чего нужно было пытаться помешать людям воспользоваться этим правом. А именно такой попыткой и было направление в суд обвинительного заключения”». (Норберт Фронтчак, «Газета выборча», 22 авг.)

- «Станислав Дембовский, активист люблинского Комитета защиты демократии, надел на памятник Леху Качинскому в Бяла-Подляске футболку с надписью “Конституция”. Полиция мгновенно задержала Дембовского, обвинив его в осквернении памятника, за что уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде денежного штрафа либо ограничения свободы. Сотрудники полиции также забрали у Дембовского мобильный телефон и фотоаппарат. (...) Станислав Дембовский — инженер-строитель на пенсии». (Томаш Ковалевич, «Газета выборча», 8 авг.)

- «Все большие масштабы приобретает хеппенинг Комитета защиты демократии, в ходе которого активисты надевают на различные памятники футболки с надписью “Конституция”. (...) В четверг вечером в Гданьске футболки с надписью “Конституция” украсили памятник Яну Собескому, скульптуру “Дыхание свободы”, а также популярную среди туристов

фигуру Нептуна. (...) Группа “Подкарпатские мятежники” в Жешуве одела в такую футболку памятник Тадеушу Налепе. В Познани на скульптурах борющихся козликов, Зыги-фонарщика, а также на памятнике Каролю Марчинковскому тоже появились футболки с надписью “Конституция”». («Ангора», 19 авг.)

• «За несколько дней в такие же футболки с надписью “Конституция” были одеты памятники в различных городах Польши. “Приоделись”, в частности, Николай Коперник в Ольштыне, Тадеуш Костюшко в Радоме, варшавская Сирена (русалка) и краковский Дракон на Вавеле. В Бяла-Подляске активисты Комитета защиты демократии надели футболки на памятник Марии и Леху Качинским. Как и в Щецине, полиция отреагировала молниеносно. Обвинения в осквернении памятника предъявлены двум людям, еще к одному активисту полиция явилась домой в шесть утра, чтобы провести там обыск. (...) В центре Лодзи на улице Петрковской ночью в футболку был облачен памятник Мишке-ушастику. (...) В Радоме полиция записала данные четырех активистов из ассоциации “Радомчане для демократии”, которые надели футболку с надписью “Конституция” на памятник Яну Кохановскому. (...) В Торуни полиция собирается направить в суд ходатайство о применении меры наказания к члену Комитета защиты демократии, который “одел” памятник Николаю Копернику. (...) В Познани (...) на площади в центре города группа активистов Комитета защиты демократии (...) обрядила в футболку с надписью “Конституция” памятник Адаму Мицкевичу». (Петр Житницкий, «Газета wyborcza», 20 авг.)

• «Вечером в воскресенье футболка с надписью “Конституция” вновь украсила щецинский памятник Моряку, с которого она была украдена в ночь с субботы на воскресенье. (...) Ранее памятник был одет в футболку с надписью “Конституция” в субботу, причем по согласованию с городскими властями». («Газета wyborcza», 10 сент.)

• «Снова приходится с болью в сердце слушать заявления о том, что в Польше правит конституция, а не Евангелие», — архиепископ Вацлав Дедо. («Тыгодник повшехны», 26 авг.)

• «Предприниматели вслух выражают свою обеспокоенность польским судопроизводством. Все чаще менеджеры крупных фирм, работающих в Польше, в случае тяжбы отдают предпочтение не отечественной юрисдикции, а немецкой либо французской. (...) Все чаще не хотят иметь дела с польским правосудием также предприниматели, ведущие бизнес

исключительно в Польше. (...) Мы поинтересовались у юристов, станет ли за ближайшие пять лет политическая ситуация в стране более благоприятной для бизнеса. 52% юристов считают, что будет еще хуже, 46% не ждут каких-либо изменений, и только один респондент ответил, что ситуация улучшится». (Патрик Словик, «Дзенник газета правна», 6 сент.)

• «Складывается такая система функционирования государства, в которой теоретически работают все демократические институты: суды, парламент, аудиторские и контрольные палаты, конституционный суд, уполномоченный по правам человека. Только вот все это по большей части лишь фасад. Ибо правящие круги методично создают свое постоянное конкурентное преимущество над теми, кто стремится к власти. Во-первых, это выражается в ограничении доступа к публичным ресурсам и средствам массовой информации. Во-вторых, в деятельности таких структур, как Польский национальный фонд. Неизвестно, на что он тратит государственные деньги. Нельзя не упомянуть и так наз. правовую дискриминацию (...), лишение оппозиционных депутатов иммунитета, финансовые взыскания, налагаемые на депутатов (...) и маргинализацию роли парламента», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека. («Жечпосполита», 24 авг.)

• «В Турции? Там президент сажает судей в тюрьму. (...) В Польше же, которая отличается от Турции своим членством в ЕС, судебная система уничтожается по-другому — посредством выхолащивания. Этот способ, известный в литературе как hollowing out, заключается в том, что формально институт сохраняется, однако лишается своего содержания и ключевых функций. (...) И поэтому всегда можно сказать, что трибунал, суд, совет работают, в то время как на самом деле они превратились в фикцию. (...) Как это делается? С помощью выдвижения посредственностей (mediocre appointments). Вместо квалифицированных специалистов (...) назначаются лица, не имеющие профессиональной квалификации, этической составляющей либо внутреннего «стержня». Эти люди чувствуют безграничную благодарность за то, что их заметили и возвысили, и поэтому абсолютно лояльны по отношению к тем, кто их назначил. Более того, сохранить свои должности они могут только в том случае, если будут отстаивать позицию тех, кто их назначил. (...) Процесс выхолащивания демократических институтов при помощи назначения посредственностей начался у нас с Конституционного трибунала. (...) Сегодня он вовсю идет в Верховном суде. (...) Не имеет значения, как уничтожать

институты — ликвидировать ли их или превращать в пустышки. Эффект будет один и тот же — институты, призванные защищать правовое государство, не работают, поскольку не могут выполнять свои функции. А в такой ситуации политики могут делать все, что им угодно», — проф. Мартин Матчак. («Газета wyborcza», 6 сент.)

• «“Нужно сделать все, чтобы Польша была похожа на нынешнюю Турцию”, — заявлял Ярослав Качинский в 2014 году». (Кшиштоф Адам Ковальчик, «Жечпосполита», 16 авг.)

• «Польские власти внесли имя Людмилы Козловской, президента фонда “Открытый диалог” в информационную базу Шенгена, что влечет за собой немедленную депортацию из стран Евросоюза. “ПИС пыталась в принудительном порядке сменить состав правления фонда «Открытый диалог» и лишить его аккредитации при ЕС. Не вышло. Теперь они отчаянно пытаются мстить”, — так Людмила Козловская, гражданка Украины, прокомментировала решение, о котором узнала по прибытии в Брюссель в понедельник вечером». («Жечпосполита», 16 авг.)

• «Меня очень тревожит, что сегодня полиция может взять человека “на карандаш”, записав его данные, за неуместный с точки зрения правоохранителей вопрос в ходе публичного мероприятия во время избирательной кампании. И то, что полиция является к такому человеку домой в шесть утра. Это очень опасные симптомы. (...) Все, что делает правящая партия, поддерживают 40% населения, это примерно семь миллионов поляков. Правительство ПИС представляет чаяния и стремления части народа. Не всего народа, а лишь его части, которая в политическом смысле оказывается решающей», — Стефан Хвин. («Газета wyborcza», 1–2 сент.)

• «Авторитарная пропаганда превращается в убойное оружие на страницах независимой прессы, меняя само содержание понятия “Польша”. (...) Это не “Польша” объясняется в Брюсселе. В Брюсселе объясняется Моравецкий. Это не “Польшу” критикуют. Критикуют польское правительство. Это не “Польша” реформирует судебную систему, просто Качинский распорядился нарушить конституцию». (Якуб Бежинский, «Газета wyborcza», 1–2 сент.)

• «Мы окружены невежами, безропотным стадом идущими за теми, кто обещает все. (...) Я многое вижу отчетливей не только благодаря опыту жизни при коммунизме, но и благодаря прочитанным книгам, рассказывающим о зарождении

авторитарной системы. У меня в этом смысле хорошая школа, так что красная лампочка загорается во мне довольно часто. А когда человек ничего не знает, то и загораться нечему», — Анда Роттенберг. («Газета wyborcza», 18-19 авг.)

• «ПИС поддерживает та часть общества, которая в силу различных факторов (в частности, более низкого уровня образования и достатка, места жительства и отношения к религии) легче поддается манипуляциям и подкупу. Экономика в порядке, хотя инвестиции по-прежнему невелики, а это значит, что экономическая ситуация нестабильна, люди получают от власти подарки, а бесчисленное количество новых налогов и пошлин изобретательно скрывается от населения либо мелкими, незаметными суммами распределяется по ценам на топливо и электроэнергию. (...) Большинство духовенства поддерживает ПИС и националистов. Масс-медиа о Рыдзыка тоже стараются. В общем, перед нами довольно прочный союз бедности, невежества, душевных болезней и комплексов», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и юстиции. («Жечпосполита», 10 авг.)

• «Кто больше даст, за того и голосуют. (...) Польская деревня относится к Брюсселю как к щедрому, но не слишком любимому и внутренне чужому дядюшке, который ежегодно доплачивает к каждому гектару какие-то 200-400 евро. (...) Жители деревень не считают демократию какой-то высшей идеей, которой подчинена общественно-политическая жизнь. Они воспринимают ее как инструмент для достижения рациональной выгоды, помогающий, к примеру, укомплектовать органы власти и управления своими людьми. Это видно и по избирательной активности, которая растет на муниципальных выборах и слабеет во время выборов парламентских и президентских, не говоря уже о выборах в органы власти ЕС, которые мало кого волнуют. Кроме того, деревня гораздо позитивнее относится к идее авторитарной власти, которую нужно уважать, чтобы она была эффективной. (...) Сейчас, когда поток европейских денег начнет слабеть, власть готовится громко хлопнуть дверями ЕС. (...) Политики правящей партии разделяют точку зрения сельского населения, считающего, что кроме денег ничто нас в объединенной Европе не держит. (...) День, когда польская деревня почувствует, что деньги, поступающие из ЕС, постепенно заканчиваются, будет началом конца пребывания Польши в объединенной Европе», — проф. Ежи Вилькин. («Тыгодник повшехны», 12 авг.)

- «В Польше свыше 7,6 млн пенсионеров. Средняя пенсия составляет чуть больше 2100 злотых “брутто”. Минимальная пенсия — чуть больше 1029 злотых (на руки 880 злотых). (...) “В декабре 2017 года минимальная пенсия, выплаченная Управлением социального страхования, составила четыре гроша, а самая высокая — 21 100 злотых, включая патронажное пособие”, — сообщает Бартоломей Целеевский из пресс-службы Управления социального страхования». (Агнешка Уразинская, «Газета wyborcza», 4 июля)

- «СМИ подсчитали, что президента биржевой компании с участием Государственного казначейства меняют в среднем каждые 20 дней! Такая скорость свидетельствует, что причиной кадровых перестановок вряд ли являются вопросы, связанные с деятельностью компании. (...) Новый состав правления первым делом начинает тормозить процессы, запущенные его предшественником. (...) Заказывает разработку новой стратегии развития. На это уходит немало времени. Затем правление анализирует эту стратегию и вносит в нее коррективы. Наконец, объявляет о начале новой стратегии, и вскоре оказывается распущенным. И все начинается заново. Таким образом, важнейшие компании с участием Государственного казначейства целыми годами остаются без реальной стратегии развития», — Анджей Малиновский, председатель организации “Работодатели Республики Польша”, объединяющей предпринимателей. («Жечпосполита», 3 сент.)

- «Техосмотр машин, осуществляемый пилотами, а не техниками, бесконечные неисправности, сотни отмененных и тысячи опоздавших рейсов в течение месяца — таков предварительный итог управления национальным перевозчиком. (...) “Ситуация с безопасностью полетов еще никогда не была настолько драматичной, — говорит представитель пилотов польской авиакомпания “LOT” Адам Жешот (...). — Заказать кому-нибудь техосмотр самолета стоит денег, а их постоянно урезают. Поэтому самолет осматривает капитан, но на это у него есть только час перед вылетом. Все чаще бывает так, что при обнаружении неисправности, капитан ее просто фиксирует в документах, и самолет летит неисправный”. “Раньше после каждой посадки самолет в обязательном порядке осматривали механики, — добавляет вице-председатель Международного забастовочного комитета авиакомпании “LOT” Агнешка Шелогдовская. — Теперь же механики вызывают только в случае обнаружения неисправностей”. (...) По мнению председателя забастовочного комитета Моника Желязик, аварийные посадки у нас

случаются в среднем раз в неделю». (Катажина Вежбицкая, «Пшеглэнд», 10–16 сент.)

• «ПИС открыла каналы социального, профессионального и финансового роста для своих сторонников, которые годами занимали последние места в своих сферах деятельности. Преданность действующей власти дает им шансы сделать головокружительную карьеру, поэтому они с энтузиазмом хунвейбинов принялись эту власть обслуживать. Это самая настоящая и довольно основательная революция “мелких сошек”. (...) Социальные программы обеспечили правящей партии поддержку беднейших слоев населения, национализм привлек на ее сторону всех, кто не нашел себя в стремительно меняющемся мире, но именно открывшиеся перспективы социального продвижения для прозябавших в роли “середнячков” гарантировало Качинскому мощную и уверенную поддержку новых элит. (...) Остается только вопрос — как Качинскому удалось до них достучаться? Ответ относительно прост — он сам когда-то был одним из них, и поэтому отлично понимает чаяния таких людей. Он возглавил эту революцию. Пока что с успехом». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 29 авг.)

• «Кумовство, nepoтизм, покровительство — все это мы неоднократно наблюдали на протяжении трех десятилетий существования Третьей Речи Посполитой. В этих видах спорта правящая партия разбила все рекорды, однако запустила еще один, необыкновенно опасный механизм открытого использования государственной машины для сведения личных счетов. (...) Целые государственные секторы Качинский позволил выстроить на основе стремления к личному реваншу и личной же мести. (...) В самых серьезных конфликтах председатель ПИС руководствуется личными предубеждениями и желаниями реванша. (...) Построение государства, которое позволяет людям высшего ранга реализовывать свои низшие инстинкты — это дорога в пропасть». (Анджей Станкевич, «Тыгодник повшехны», 19 авг.)

• «То, что на протяжении нескольких лет происходит в Польше — это не столько политика, сколько автотерапия. Власть сама по себе тут не самое главное, она выступает только в качестве орудия мести. (...) Качинский говорил о профессоре Герсдорфе с тем же презрением, с каким отзывался о Туске и Жеплинском. Что общего у этих трех человек? А вот что. Все помнят Качинского в те времена, когда он не был окруженным кордоном охраны хозяином Польши, а всего лишь самим собой. Туск знал его еще в те годы, когда Качинский сидел в приемной

Валенсы, ожидая аудиенции. Герсдорф играла с ним в песочнице во дворе на Жолибуже. А Жеплинский с ним учился и был на военных сборах, где, на свое несчастье, наблюдал, как этот недотепа, ставший посмешищем всего батальона, плетется в последнем ряду. (...) Качинский ведь юрист. У него в свое время были научные амбиции. При этом главное его научное достижение — это кандидатская диссертация “Роль коллегиальных органов в управлении высшей школой”, имеющая мало общего с настоящей юриспруденцией, к тому же построенная в основном на цитатах из Берута, Гомулки, Циранкевича и Клишко. (...) Похожая история с Зёбро, который в свое время сдал квалификационный экзамен только со второго раза, и поэтому, спустя годы, дважды понижал в должности госпожу прокурор из экзаменационной комиссии, когда-то “завалившую” его на экзамене», — Томаш Лис, главный редактор. («Ньюсуик Польска», 9-15 июля)

- «“Это нельзя назвать “переменой к лучшему” в нашей правовой и демократической системе”, — так президент Дуда обосновал вето, наложенное им на проект закона о выборах в Европейский парламент. Как подчеркнул президент, принятый правящей партией в июле законопроект серьезно нарушает принцип пропорциональности». («Жечпосполита», 17 авг.)

- «Деятельность президента Дуды положительно оценивают 43,1% опрошенных, отрицательно — 51,5% респондентов. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября». («Жечпосполита», 14 сент.)

- «В годовщину подписания Августовских соглашений, давших начало движению “Солидарность”, премьер-министр Матеуш Моравецкий (...) откроет мемориальную доску в память об участии братьев Качинских в знаменитой забастовке на судовой верфи имени Ленина в Гданьске в 1988 году». (Кшиштоф Катка, «Газета wyborcza», 29 авг.)

- «Ситуация вызвала резонанс среди бывших работников верфи, политиков, а также журналистов. (...) “Поскольку установление мемориальной доски не было согласовано с председателем Качинским, открыта она не будет. Это решение высшей государственной власти”, — заявил вчера Кароль Гузикевич, вице-председатель заводского профкома “Солидарности” на судовой верфи и деятель ПИС». (Иоанна Вишневская, «Газета wyborcza», 30 авг.)

- «Леха Качинского за все дни забастовки с 14 по 31 августа я видел всего один раз на протяжении каких-то пятнадцати минут. О существовании Ярослава Качинского я тогда даже не

подозревал. Если он и появлялся на верфи, то разве что в гриме», — написал в своем Твиттере Ежи Боровчак. Вот какова роль братьев в событиях тех лет». (Роберт Валенчак, «Пшеглэнд», 3-9 сент.)

- Заявление конференции послов Республики Польша. «Открытие мемориальной доски проф. Бронислава Геремека состоится 19 сентября в Варшаве. Институт национальной памяти требует убрать из текста, размещенного на табличке, слова о том, что профессор Геремек был “одним из создателей демократической Польши” и подлинным “европейцем”. (...) При жизни его неумело и безрезультатно цензурировали коммунисты (...). Аналогичным образом поступает теперь Институт национальной памяти, пытаясь цензурировать достижения Геремека даже после его смерти. Пока живы те, кто был свидетелем тех лет, кто помнит и знает, такие действия будут решительно осуждаться». Под заявлением подписались 32 человека. («Газета wyborcza», 7 сент.)

- «На наших глазах начала переписываться история, из нее пытаются вычеркнуть великих деятелей. Началось с Леха Валенсы, а теперь я читаю, что профессор Бронислав Геремек тоже, оказывается, не был создателем новой, демократической Польши», — Ежи Штур. («Жечпосполита», 7 сент.)

- «Недавно он сказал, что это он вел переговоры о вступлении Польши в ЕС. Но ведь каждый знает, благодаря кому мы вступили в Евросоюз. И Матеуш Моравецкий тут совершенно не при чем! (...) Моравецкий был председателем Западного банка WBK, когда Барбара Хусев с мужем брала там кредит. И она помнит, как он тогда говорил в каком-то интервью, что его банк начал выдавать кредиты во франках, зная, что с этими кредитами могут быть проблемы. (...) “А уже в 2018 году в Давосе он лгал прямо в камеру, что Западный банк WBK был одним из немногих банков, которые этих кредитов не предоставляли. (...) Если он даже тут обманывает избирателей, страшно представить, как он лжет по другим вопросам”, — говорит Барбара Хусев». (Рената Ким, «Ньюсуик Польска», 27 авг. — 2 сент.)

- «Деятельность премьер-министра Моравецкого положительно оценивают 43,7% опрошенных, отрицательно — 51,3%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября». («Жечпосполита», 14 сент.)

- «Сотрудникам Государственной службы охраны (ГСО) подняли специальную надбавку с 50 до 75% основного оклада. Также увеличен период выплаты этой надбавки — с шести месяцев до

года. Это следствие новшеств, внесенных в закон о ГСО. За это в 2018 году мы заплатим почти четверть миллиарда злотых. В июне правительство также повысило зарплаты сотрудникам ГСО до 6 тыс. злотых. Работа в этой структуре сегодня является одной из самых высокооплачиваемых». («Жечпосполита», 21 авг.)

- «1 января 2018 г. в польской полиции была 4621 вакансия, в июне министр внутренних дел Ярослав Зелинский упоминал уже о 6283 свободных штатных должностях. (...) Больше всего не хватало людей в службе предупреждения преступности — 2652 вакансии». (Эва Роговская, «Пшеглэнд», 27 авг. — 2 сент.)

- «В Большом параде независимости в Варшаве принимали участие более 1,5 тыс. военных, 100 самолетов и истребителей, а также 200 единиц техники. Американцы представили самолеты F-22 Raptor и пусковые установки Patriot». («Жечпосполита», 16 авг.)

- «Оппозиция массово покинула официальные мероприятия. (...) Председатель партии “Гражданская платформа” подчеркнул, что польские вооруженные силы “уничтожаются и разрушаются”. Он также заявил, что ПИС стремится развалить европейское сообщество». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 16 авг.)

- «Военные пытаются как-то справиться с нехваткой снаряжения. Сложности возникают даже с обмундированием. Со складов забирают и модернизируют старые металлические каски. “Костяк” танковых войск составляют в основном устаревшие постсоветские танки Т-72, которые министерство обороны планирует ремонтировать, военно-воздушные силы главным образом состоят из тридцатилетних самолетов МИГ-29 и СУ-22 (вот уже несколько недель они стоят на земле вследствие аварии), а средний возраст польских кораблей составляет 32 года. (...) Предвоенную и нынешнюю власть объединяет также любовь к роскошным парадом и большим военным маневрам, призванным поддерживать патриотические чувства на должной высоте». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 1-2 сент.)

- «Во вторник министерство обороны Беларуси опубликовало удививший многих пресс-релиз о двусторонних межведомственных консультациях относительно “запланированного военного сотрудничества с Польшей”. В нем говорится о том, что два дня назад в Бресте состоялась встреча с участием делегации польского министерства обороны, возглавляемой полковником Томашем Коваликом.

Подрбностей встречи, закончившейся в среду, белорусская сторона не разглашает. В польском оборонном ведомстве подтвердили факт встречи». (Марек Козубаль, Руслан Шошин, «Жечпосполита», 31 авг.)

- «В первом полугодии 2018 года Польша закупила у России на 40% больше природного газа, чем это было оговорено в контракте. (...) Ранее СМИ сообщали об импорте российского газа, добываемого на шахтах... Донбасса! Да, того самого Донбасса». («Пшеглэнд», 20–26 авг.)

- «34-летний чеченец Азмат Бадиев был депортирован из Польши в конце августа. (...) По дороге в аэропорт Бадиев попытался вскрыть себе вены. Это не помогло остановить процедуру депортации, после короткого визита в больницу система заработала вновь. В конце концов он был посажен на борт самолета, летевшего в Москву. (...) В ночь с 1 на 2 сентября около сотни вооруженных людей сначала окружили дом его родственников, а потом забрали Бадева и вывезли его в неизвестном направлении. (...) “Трудно найти более убедительный пример того, насколько опасно выдавать России чеченских беженцев”, — комментирует Денис Кривошеев из “Amnesty International”. По его мнению, Польша, депортируя Бадиева в страну, где его жизнь и безопасность находятся под угрозой, нарушила свои международные обязательства. (...) Йоахим Брудзинский, министр внутренних дел и администрации, несет как минимум политическую ответственность за это решение». (Рафал Зыхаль, «Тыгодник повшехны», 16 сент.)

- «15 сентября от здания музея польской армии двинулся марш националистов. Активисты организации “Граждане Речи Посполитой”, выражая свой протест относительно фашистской идеологии, пытались этот марш задержать. Полиция силой сняла их блокаду националистического марша. Патриотическое шоу, состоявшееся в среду на площади Пилсудского (...), получает все больше отрицательных отзывов. (...) А все потому, что в день праздника польской армии на зданиях, окружающих площадь Пилсудского, благодаря проекторам повисли огромные красные флаги со свастикой — символом нацистского Третьего рейха». («Ангора», 26 авг.)

- «Считать 14 апреля днем крещения Польши можно разве что условно. (...) 14 апреля 1934 года в главном здании варшавской Политехники была подписана декларация о создании Национал-радикального лагеря. Именно в этот день члены нынешнего Национал-радикального лагеря отмечают годовщину создания своей организации. Идеологическое

наследие Национал-радикального лагеря, основанное на крайнем национализме, расовой и религиозной нетерпимости, а также на дискриминации этнических и сексуальных меньшинств, для сегодняшних националистов служит идейной базой их деятельности в Польше. (...) Сделав 14 апреля государственным праздником, правящая партия распростерла над Национально-радикальным лагерем свои крылья и взяла его под свою опеку, причем не только политическую, но прежде всего юридическую. Уже со следующего года все манифестации националистов будут проходить в День крещения Польши. (...) Пополнив наш календарь государственных праздников днем 14 апреля, правящая партия фактически санкционировала в Польше язык ненависти и прямые отсылки к радикализму 30-х годов прошлого века». (Матеуш Маззини, «Тыгодник повшехны», 12 авг.)

- «Европейская академия безопасности (...) является подразделением охранного агентства “Дельта”, основанной во Вроцлаве Анджеем Брылем. Это бывший консультант польской полиции и армии, а также создатель (...) профессионального Центра специального обучения для силовых структур. (...) По данным портала Bellingcat.com, в последние три года академия минимум несколько раз обучала членов украинских неонацистских организаций. (...) Представители украинских крайне правых организаций проходили подготовку не менее двадцати раз». (Яцек Харлукович, «Газета wyborcza», 11 сент.)

- «Еще в 90-е годы в Польше было всего несколько экзорцистов, сегодня же их численность превышает полторы сотни. Больше, чем у нас, их только в Италии. В Германии, Швейцарии, Испании и Португалии нет ни одного. (...) В существование дьявола верит 41% поляков, 56% верят в существование ада. (...) На страницах портала Katolik.pl можно прочесть, что навыками, помогающими вовремя заметить дьявольские козни, обладает специально подготовленный и назначенный епархиальным епископом духовник-экзорцист». (Катажина Вежбицкая, Эва Роговская, «Пшеглэнд», 13-19 авг.)

- «В прошлом году в эфире телеканала “Република” главный редактор Католического информационного агентства Мартин Пшечишевский, ссылаясь на свои беседы с епископами, заявил, что в каждой польской епархии есть несколько педофилов. Это значит, что по всей стране их сотни, а численность их жертв исчисляется тысячами. (...) Архиепископ Юзеф Михалик прославился своими намеками на то, что это дети провоцируют священников на грехопадение». (Мачей Ярковец, «Газета wyborcza», 25-26 авг.)

• «Известно, что за последние полтора десятка лет суды общей юрисдикции вынесли обвинительные приговоры примерно шестидесяти священникам. Это легко подсчитать на основе сообщений в СМИ. (...) При этом все, что мы знаем относительно количества обращений потерпевших и вынесенных приговоров, может оказаться верхушкой айсберга. Такова природа преступлений на сексуальной почве. Эти преступления принято тщательно скрывать, и так происходит не только в Церкви», — о. Адам Жак из ордена иезуитов, координатор Епископата по вопросам защиты детей и молодежи. («Тыгодник повшехны», 16 сент.)

• «То обстоятельство, что в реестре явных педофилов нет священнослужителей, означает, что священники не совершали наиболее тяжких преступлений (к таким относятся, в частности, изнасилования с особой жесткостью)», — Себастьян Каледа, юрисконсульт, бывший пресс-секретарь министерства юстиции во время правления ПИС. («Газета выборча», 7 сент.)

• «Впервые в Польше на воротах и оградах костелов были развешаны детские ботиночки, перевязанные траурными ленточками. Это можно было наблюдать в трех десятках городов, главным образом в самых крупных, а также в Перемышле, Люблине, Освенциме, Колобжеге, Венгожеве... “Baby Shoes Remember” — это международная акция солидарности с жертвами священников-педофилов. (...) Министр Збигнев Зебро распорядился опубликовать публичный реестр осужденных педофилов. Марек Лисинский, председатель фонда “Не бойтесь”, пытался найти в этом реестре фамилии нескольких десятков осужденных священнослужителей. И не нашел ни одного. (...) Слишком уж тесен союз католической Церкви и государства». (Иоанна Подгурская в соавторстве с Енджеем Винецким, «Политика», 5-11 сент.)

• «Судя по финансовым документам юридических лиц, входящих в состав медиа-империи о. Тадеуша Рыдзыка, данных о его экономической деятельности немного, зато загадок и неизвестных величин — хоть отбавляй. А в финансовых отчетах за прошлый год вообще сплошные чудеса. Пожертвования, объем которых вот-вот догонит доходы, и уставный капитал, распухший с 10 тыс. злотых до 166 млн злотых». («Дзенник газета правна», 9 авг.)

• «За десять лет количество католиков в Польше уменьшилось на два миллиона человек. За последние два года — на миллион. (...) Польша является глобальным лидером по части утраты веры представителями молодежи», — Нина Санкари, вице-председатель фонда им. Казимира Лыщинского, автора

трактата “De non existentia Dei” (“О несуществовании Бога”), казненного в 1689 году». («Газета выборча», 8–9 сент.)

• «По данным опроса ЦИОМа, проведенного в июне 2017 года, уже каждый десятый поляк обзавелся хотя бы одной татуировкой. У половины опрошенных одна татуировка, почти у одной трети — две, у 19% — три и более. Есть и рекорсмены, у которых на теле десятки татуировок. (...) В Кракове насчитывается уже около тридцати тату-салонов, в Белостоке — свыше двадцати, а в Варшаве более трехсот». (Катажина Кубисёвская, «Тыгодник повшехны», 15 июля)

• «До недавнего времени, пока преследование кабанов человеком не выходило за обычные рамки, средняя продолжительность жизни кабана в Польше составляла полтора года, при том, что кабан в среднем живет 14–15 лет. Теперь же, когда сняты все охранные ограничения и можно стрелять даже в беременных свиноматок и молодых кабанчиков хоть круглый год, эта средняя продолжительность жизни стала еще меньше. На кабанов можно охотиться даже в национальных парках. (...) Право на убийство любого кабана, от молодых кабанчиков до беременных свиноматок, введенное министром Яном Шишкой — это просто цивилизационный позор. (...) Результаты массового отстрела кабанов могут иметь очень серьезные последствия для экосистемы», — проф. Анджей Элжановский. («Политика», 29 авг. — 4 сент.)

• «После Второй мировой войны бобры в Польше практически полностью вымерли. Их тогдашняя численность оценивалась в 130 особей. Сегодня численность бобров достигла 100 тысяч. (...) Региональные дирекции охраны окружающей среды издали постановления, позволяющие в течение ближайших трех лет уничтожить 27 тыс. бобров. (...) В 2017 году было застрелено около 1500 особей (...), а в 2016 году — 169 животных. (...) В 2016 году Региональные дирекции охраны окружающей среды выдали 304 индивидуальных разрешения на отстрел 5785 бобров, а в 2017 году — 235 таких решений на отстрел 5313 животных. (...) По данным Польского охотничьего союза, планы по отстрелу были выполнены чуть больше, чем на 6%». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 1–2 сент.)

• «Зубр в Польше и ЕС является редким охраняемым животным. (...) Согласия на отстрел (...) выдает генеральный директор охраны окружающей среды. Последнее такое решение (...) было выдано в сентябре 2017 года и действовало до конца марта 2018 года. Решение разрешало отстрел не более 40 зубров. (...) Также Беловежский национальный парк (...) получил разрешение (...) на отстрел 24 зубров. (...) В марте к этому

добавились так наз. “срочные согласия” на отстрел еще 20 особей. (...) Мясо зубра дороже остальных видов мяса. (...) Им можно полакомиться не только в Гонёндзе — мясо зубра фигурирует в постоянном меню в ресторане дома отдыха “Бартковизна”. (...) Вареники из зубра имеются также в меню беловежского ресторана “Сточек 1929”. Татар из мяса зубра предлагает ресторан “Зубровка” в Беловеже. Отбивную и татар из мяса зубра подают в беловежском ресторане “Царский”. Татар из зубра и вареники с добавлением мяса зубра можно отведать в ресторане отеля “Бяловеский”». (Мартина Бельская, «Газета выборча», 5 сент.)

- «“Последние изменения в польском законодательстве допускают исключения из перечня лесохозяйственных работ, несущих угрозу охраняемым территориям”, — решила Европейская комиссия, и после жалобы экологов возбудила в отношении Польши формальную процедуру о нарушении законодательства Евросоюза». (Александр Гургуль, «Газета выборча», 22 авг.)

- «Всего в нескольких десятках километров на юг от Перемышля находится один из самых ценных природных объектов в Польше. (...) И хотя это место включено в проект “Природа 2000”, многие считают, что этого мало. Вот уже несколько десятков лет неправительственные организации добиваются создания на территории гмин Бирча, Фредрополь и Устшики-Дольне национального парка. (...) Турницкий национальный парк располагался бы на 17 тыс. гектарах, серьезно улучшив статистику относительно количества охраняемых территорий. В Польше национальные парки составляют всего 1% территории страны. Для сравнения: в Германии — 3%, в Италии — 5%. Однако эта инициатива всякий раз сталкивается с сопротивлением холдинга “Государственные леса” и местных властей. (...) Изменить эту ситуацию пытается фонд “Природное наследие”». («Тыгодник повшехны», 19 июля)

- «Производители искусственных материалов, владеющие предприятиями в Польше, не в состоянии удовлетворить потребности польских потребителей. (...) Растущий спрос вынуждает повышать импорт. В ближайшие годы ситуация может улучшиться, благодаря реализуемым и планируемым инвестициям». (Томаш Фурман, «Жечпосполита», 13 авг.)

- «Канадский альпинист, проводник и фотограф Жан-Пьер Данво разместил в интернете видеоролик, демонстрирующий огромное поле мусора, оставленное на месте базы Польской национальной зимней экспедиции на гору Чогори. “Все уже

убрано”, — уверяет Петр Томала, председатель “Польского зимнего альпинизма”. («Газета wyborcza», 22 авг.)

• «Студенты ветеринарии проходят практику на бойне и не имеют права задерживать убойную линию, даже если что-то идет не так. Они должны привыкать к жестокости. (...) Чем больше убитых, тем лучше. Это ад. (...) Молодые студенты все это видят. Как показывают исследования, позже те, кто утратил чувство сострадания, идут работать в ветеринарные инспекции и занимаются сельскохозяйственными животными, при этом уровень их представлений о боли, лишенных научной основы, явно снижен. А те, кто смог сохранить в себе эмпатию, занимаются частной практикой и остаются верны своему призванию. (...) Я убежден, что животноводство превращает порядочных людей в хамов. (...) Притупление человеческих чувств — вот невидимая цена убийства животных. (...) Может, это и некорректно, но я считаю, что исламский обычай резать горло животным во время праздников и в ходе ритуального убоя во многом объясняет агрессивность мусульман по отношению к другим людям, в частности, их манеру отрезать головы неверным и так далее. Все это разные стороны одного и того же насилия», — проф. Анджей Элжановский. («Газета wyborcza», 25-26 авг.)

• «Я не представляю ни одну партию. Это приглашение я принял исключительно потому, что, как гражданин, беспокоюсь о будущем демократии в Польше. ПИС установила в стране диктатуру большинства, не считаясь при этом с правами меньшинства. Нет никакого уважения к принципу разделения властей. У нас есть только исполнительная власть. Сегодняшняя Польша напоминает монархию, где один человек, председатель правящей партии Ярослав Качинский, словно во времена коммунизма, обладает неограниченной властью», — из выступления Ярослава Курского на конференции, посвященной нелиберальной демократии, которая состоялась во французском Национальном собрании в четверг 13 сентября. («Газета wyborcza», 14 сент.)

• «Поддержка партий: «Объединение правых сил» («Право и справедливость», «Согласие», «Солидарная Польша») — 37%, «Гражданская коалиция» («Гражданская платформа», «Современная», Барбара Новацкая) — 31%, Союз демократических левых сил — 9%, Кукиз'15 — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Совокупная поддержка партий власти — 44%, оппозиционных партий — 45%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября. («Жечпосполита», 11 сент.)

- «Надеюсь, что при помощи всех людей доброй воли нам удастся проконтролировать ход этих выборов», — премьер-министр Матеуш Моравецкий. («Газета wyborcza», 12-18 сент.)
- «Канцелярия Сейма приобрела двух специально обученных собак, которые будут помогать проводить досмотр автомобилей и ручной клади». («Жечпосполита», 12 сент.)

Экономическая жизнь

Уже в тринадцатый раз газета «Жечпосполита» и международная группа «Coface» представили рейтинг ведущих компаний 12 стран Центральной и Восточной Европы. В списке из 500 компаний — 175 польских. Сильное положение польских фирм просматривается уже в начале рейтинга: шесть позиций в первой десятке. В рейтинге «Европа 500» больше всего компаний автотракторной отрасли. Далее следуют сырьевая отрасль, топливная и торговля. Рейтинг показывает связи экономик региона с партнерами по Евросоюзу. Что касается Польши, то ее внешнеэкономические контакты особо интенсивны; это показывает список ведущих экспортеров, который был представлен на Экономическом форуме в Крынице. Используя благоприятную конъюнктуру, сложившуюся в Центральной и Восточной Европе, фирмы, обозначенные в списке, увеличили обороты суммарно на 12%.

В августе текущего года рынок новых автомобилей заметно оживился. Продажа легковых и малотоннажных машин более чем в полтора раза превысила прошлогоднюю. Август стал не только 41-м месяцем непрерывного роста регистрации новых автомобилей, но оказался также рекордным в отношении месячных продаж в XXI веке. Как сообщает Институт исследования авторынка «Samar», продажа легковых, грузопассажирских автомобилей и легких грузовиков (до 3,5 тонн) достигла почти 62 тыс. единиц. Это на 57,7% больше, чем в августе 2017-го. А совокупные данные начиная с января показывают рост продаж по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 17,3% (419,5 тыс. автомобилей). Еще более возросли продажи в секторе легковых автомобилей. За период январь—август продажи выросли на 18,1%, до 376,2 тыс. единиц. «Samar» прогнозирует, что по итогам года будет продано 535 тыс. автомобилей.

Газета «Жечпосполита» сообщает, что, по данным опроса, почти половина фирм в Польше, в том числе три четверти производственных, сталкивается с проблемами в привлечении новых работников. В охваченных опросом фирмах говорили, что прежде всего нехватка рабочей силы касается низшего и среднего звена персонала. Исследование показало также

возрастающее влияние кадровых проблем на развитие предприятий. Если годом раньше 30% респондентов заявляли, что на их бизнес нехватка работников не оказывает воздействия, то в нынешнем году давших такой ответ стало меньше — 27%. Исследование показало также, что ограниченность трудовых ресурсов чаще всего сказывается на возможности принимать новые заказы. Почти каждая третья фирма признаёт, что имеет вакантные места, отсутствие работников на которых препятствует заключению новых контрактов. И фирмы отдают себе отчет в том, что вакансии будет трудно заполнить. Почти половина работодателей, сталкивавшихся в последние месяцы с проблемами в привлечении новых сотрудников, указывают на малочисленность кандидатов и несколько реже (33, % опрошенных) жалуются на то, что претенденты выдвигают слишком высокие требования по заработной плате или не обладают достаточной компетенцией. Дефицит рабочих рук заставляет с осторожностью подходить к заключению новых контрактов, что особенно заметно в строительстве, где недостает около 100 тыс. работников.

Граждане Украины приезжают на работу в Польшу охотно, но ненадолго. Каждый второй из прибывших намеревается работать в Польше от трех до шести месяцев. Как сообщает «Дзенник. Газета правна», только 5% намереваются работать дольше года. Чтобы заработать как можно больше, украинские работники стремятся трудиться больше установленного законом времени. На восьмичасовой рабочий день соглашается максимум 10% из приехавших на заработки. Очень многие готовы работать по субботам и воскресеньям. 41% опрошенных работников-украинцев рассчитывают на часовую оплату от 9 до 11 злотых. Это немного, учитывая, что минимальная часовая оплата в текущем году составляет 13,70 злотых. Более 20% опрошенных заявляют о своем желании остаться в Польше на постоянное жительство. Значительная часть заинтересована найти работу в других странах — в основном, в Германии (о таком желании сообщили 27% работающих в настоящее время в Польше граждан Украины).

Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский в интервью одной из газет пообещал прибавку в 500 злотых к пенсии по старости. Как это может выглядеть? Например, как освобождение пенсий от налогов, единовременные выплаты или постоянная ежемесячная прибавка. Экономист Иоанна

Тырович в газете «Жечпосполита» высказала сомнения касательно данного замысла: пенсии фактически выплачиваются из государственного бюджета, а с них взимается подоходный налог, который поступает в бюджет, — давно следовало бы отказаться от такого перекладывания денег из кармана в карман. Если такого рода прибавка касается только самых низких пенсий, это окажется откровенной пропагандистской игрой, поскольку маленькие пенсии и так освобождаются от налогов. Иоанна Тырович также ставит под сомнение целесообразность доплат к пенсиям. Если это произойдет одновременно, в особенности в год выборов, то это будет обычный популистский прием, если же доплаты предполагаются постоянными, то почему бы не повысить все пенсии? Но потянет ли бюджет? Денег на это законом о бюджете не предусмотрено. Можно, однако, это изменить, вписав поддержку пенсионеров в расходную часть бюджета. Пособие на детей («500+») тоже вызывало сомнения, но уже три года выплачивается.

По поручению газеты «Жечпосполита» Институт исследования рынка туризма «Traveldata» подготовил рейтинг бюро путешествий. Насколько прошлый год был для туроператоров исключительно трудным (исследователи считают, что политические события в стране и за рубежом не располагали к выездам), настолько в нынешнем году ситуация благоприятная. Президент Института «Traveldata» Анджей Бетлей обращает внимание, что заграничные поездки стимулируются сокращением безработицы, ростом зарплат (и соответственно, улучшением потребительских настроений), а также дополнительной «инъекцией» денег по программе «500+». Продажа туристических поездок на летний сезон возросла почти на 60% по отношению к тому же периоду прошлого года. Бюро путешествий конкурируют уже не только в ценах, но в новых формах услуг. Например, туристическая фирма «Rainbow» организовала в нынешнем году в нескольких пунктах в Греции и в одном в Хорватии «польские зоны», в которых организуются ежевечерние развлечения. Турбюро «Itaka», в свою очередь, предложила круизы по Средиземному морю на судне с польским экипажем.

Е.Р.

Бюджет 2019, скроенный под выборы и медленный рост

Проект плана доходов и расходов Польши на 2019 г. предполагает снижение дефицита и увеличение налоговых поступлений на 5%.

Правительство рассчитывает в 2019 г. на существенный рост доходов бюджета. Он вытекает из по-прежнему сильного (хотя и не такого интенсивного, как в этом году) экономического роста, увеличивающейся инфляции, а также вводимых налоговых новшеств. Изменений ставок не планируется, зато финансовое ведомство вводит новые механизмы, герметизирующие систему, такие как Телеинформационная система счетной палаты, сплит пеймент, а также фискальные онлайн-кассы. Однако вместе с тем в жизнь входят решения, поддерживающие предпринимателей, как например: девятипроцентная ставка подоходного налога с юридических лиц для малых и средних фирм, корректировка налоговых льгот в инновационной сфере или низкая ставка социального страхования. Планируется также увеличить участие гмин в поступлениях из подоходного налога для физических лиц.

Больше всего дополнительных поступлений в бюджет ожидается из НДС. Доходы от этого налога должны вырасти с планируемых на конец этого года 167,3 млрд до 179,6 млрд злотых. «Ожидается, что частное потребление, которое составляет подавляющее большинство налоговой базы НДС, вырастет в 2019 г. номинально на 5,9%», — написало Министерство финансов в обосновании к проекту закона. Положительные тенденции в сфере подоходного налога для физических лиц, такие как увеличение средней заработной платы на 5,6%, а пенсий и пособий из Фонда социального страхования на 3,9%, также должны гарантировать увеличение поступлений в бюджет почти на 4 млрд злотых. Доходы бюджета будут, однако, расти медленнее, чем в последние годы, что связано как с ожидаемым снижением темпа экономического роста, так и с тем, что наибольшая прибыль от герметизации системы налогообложения уже позади.

— Темп роста ВВП будет примерно на один процентный пункт ниже, чем в этом году. Между тем правительство устанавливает дефицит на 2019 г. в том же размере, какой

ожидается у нас в конце этого года. Это будет непросто, — говорит главный экономист Польского совета бизнеса Януш Янковяк.

Расходы бюджета будущего года должны достигать 415 млрд злотых и быть выше на 18,2 млрд злотых, то есть на 4,6% больше по сравнению с планируемыми на этот год. Внешне эти цифры кажутся привлекательными, но есть целый перечень растущих постоянных затрат, и это приводит к тому, что на новые расходные позиции не остается места. Например, увеличение лимита расходов на Министерство обороны составляет 3,5 млрд злотых, размер валоризации пособий и пенсий — 6,9 млрд злотых, а планируемые повышения в бюджетном секторе — 2,4 млрд злотых. Новые статьи расходов, такие как пакет «Хороший старт», который обошелся в 1,4 млрд злотых, или готовящиеся минимальные выплаты для многодетных матерей, не столь затратны, как ключевые предложения ПИС, с которыми эта партия победила на выборах в 2015 г.

Матеуш Моравецкий и Тереза Червинская хотят уменьшить дефицит бюджета и удержать дефицит сектора публичных финансов на уровне ниже 3%. Это должно обезопасить ситуацию в сфере финансов на ближайшие годы при вероятном замедлении роста. Вместе с тем им придется сопротивляться очередным идеям, рассчитанным на избирателей. До сих пор бюджетные переговоры шли главным образом на управленческом уровне. Ведомства прислали свои предложения расходов будущего года, на этом основании министерство Терезы Червинской составило проект, сокращая эти предложения.

— Сокращений было больше, чем обычно, — говорит один из членов правительства.

Между тем ПИС и правительство участвуют в избирательном марафоне, и более высокие бюджеты ведомств — это тоже признак политического влияния их руководителей. Поэтому предварительное принятие закона о бюджете Советом министров означает успех премьера и руководителя Министерства финансов, но нельзя исключать, что окончательные решения будет принимать председатель ПИС. Вопрос в том, поможет или помешает бюджет удержать власть партии? Для ПИС ключевые группы избирателей — это пенсионеры, деревня и семья. Партия окажет сильное давление, чтобы подготовить для этих групп новые предложения, которые принесут очки на выборах.

— Бюджетные споры — суть политики. Гражданин ощущает действие этого закона на своем кармане. Бюджет — это серый кардинал политики, — отмечает политолог Рафал Хведорук.

Министр финансов Польши Тереза Червинская уже несколько дней пыталась охладить расходные ожидания, отмечая, что в оценке состояния финансов не следует отталкиваться от нынешней хорошей конъюнктуры и удерживающегося несколько месяцев излишка в бюджете. Динамика роста ВВП должна в будущем году замедлиться и упасть ниже 4%, а нынешние излишки через какое-то время обратятся в дефицит, который до конца года будет углубляться. Эти аргументы должны были убедить ее коллег из правительства, которые в год выборов настроились на большие расходы. По мнению руководителя Министерства финансов, для этого нет условий, а период быстрого темпа развития надо использовать, ограничивая дефицит не только в государственной казне, но и в целом секторе публичных финансов. Министр финансов Тереза Червинская в интервью для издания «Дзенник — Газета правна» поделилась своими опасениями, что если в бюджете следующего года не будет фискальной консолидации, то нами заинтересуется Европейская комиссия.

Павел Коваль

Европа подает на развод с Америкой. Мы стоим у края истории?

Павел Коваль (фото: East News)

Мы приближаемся к серьезнейшему стратегическому повороту с 1989 года. Двое самых серьезных игроков континента — Франция и Германия — посылают разводное письмо Америке, самому главному на сегодня союзнику Европы. Возможно, мы как раз оказались у края истории, но в Польше этого никто не видит. У нас бал на «Титанике», «все показатели у нас растут», и никакой концепции, что делать дальше. Для интернет-журнала “Magazyn TVN24” пишет Павел Коваль.

За последние дни прозвучало два необыкновенно значительных заявления, которые могут положить начало проектированию новых оборонительных союзов в нашей части мира. Эммануэль Макрон в ходе встречи с французскими дипломатами сказал, что Европа «не может дольше полагаться» на США в вопросах безопасности.

— Партнер, с которым Европа строила новый послевоенный порядок, очевидным образом отворачивается от этой общей

истории, — отметил президент Франции.

Несколькими днями ранее Хайко Маас, министр иностранных дел Германии, зашел еще дальше. Он написал, что Европа не может полагаться на Вашингтон, как прежде, и даже должна создать военный противовес Соединенным Штатам.

Итак, ссорится атлантическая семья, благодаря которой мы чувствовали себя в безопасности, и появляются вопросы, каково будет место Польши в этом пазле.

На краю эпохи

Люди никогда не знают, что живут на краю эпохи. Им кажется, что плохие тенденции минуют, что политика как-то сложится. Конечно, вспыхивают войны, есть жертвы, дипломаты обмениваются нотами, а политики произносят заявления. Эмоциями диктуются политические жесты и слова, которые в глазах современников отделяют от реальных действий, кажется, световые годы. Тем временем, «словам» в политике быстро удастся стать новой действительностью, которая, порой, уже не позволяет вернуться в старый мир.

А может быть, всё еще хуже? Может быть, текст Хайко Мааса описывает действительность, которая уже есть? Так бывает в политике чаще всего: то, что уже оговорено и решено в кабинетах, представляют в публичных заявлениях.

Текст Мааса, в сущности, не является статьей о необходимости создания европейской армии. Это уже большой шаг к разводу с Америкой. С польской точки зрения, он происходит в сложный момент экстремального напряжения во внутренней политике и ослабления нашего международного положения. Польша не готова к разводу старой Европы с США. В Польше сегодня нет никакого серьезного сценария действий на случай распада западного мира. Даже хуже — в Польше нет осознания того, какие последствия будет иметь для нас такого рода развод. Кроме того, поляки по своей природе недооценивают влияние внешних игроков на нашу ситуацию, и многие представители элит, действительно, верят, что в современном мире, в центре Европы, можно быть самому себе и штурвалом, и мореплавателем, и кораблем.

На самом деле, всё, что произошло в Европе после 1991 года, делалось под американским зонтиком, в особенности, польская трансформация. Ведь, если подумать, после почти полувека

коммунизма и повсеместного проникновения Советского Союза, у Польши не было возможности остаться сильным государством в центре Европы без поддержки Америки и западных союзников (а также исключительной, в том числе политической, роли Иоанна Павла II).

Ведь «демократическая Россия» стала историей уже в 1994 году, когда Ельцин решил ввести войска в Чечню. Если кто-то считает, что реформы в Польше были возможны за счет одних лишь «собственных сил», ему нужно внимательно проштудировать историю стран, которые не получили вовремя такой поддержки, либо получили ее, но в меньшей степени, как Болгария или Украина. Если бы не исключительное историческое стечение обстоятельств в период ослабления российской империи в конце 80-х годов прошлого века, то мы имели бы на Висле олигархию, СМИ, подчиненные жуликоватому бизнесу, и т.д. Без международных подпорок Третья Речь Посполитая была бы всего лишь ПНР-2. Однако теперь перед нами вдруг встает вопрос: что делать, когда наша *belle époque*^[1]¹ неожиданно подойдет к концу?

Веймарский вариант

Идем с Германией и Францией — этот вариант многим кажется наиболее естественным. Германия близко, с ней у нас самая большая сеть торговых связей. Нужно бы сделать так: мы стараемся повлиять на форму нового Европейского союза, поскольку очевидно, что в этом варианте возникает новый союз еще более близкого сотрудничества. Конечно, этот сценарий требует прекращения конфликтов с партнерами к западу от Одера: Германией и Францией. Правда, он содержит несколько важных элементов.

Во-первых, неизвестно, насколько стабильна немецкая система. Глядя на беспорядки в Хемнице или рост рейтингов АДГ^[2]², нельзя гарантировать, что немецкая версия популизма и радикализации не удивит как нас, так и самоуверенные берлинские элиты. Может оказаться, что правая Германия недружелюбно настроена к Польше, а попытки взаимодействия Польши с США в таких вопросах, как энергетика, могут быть даже истолкованы как предлог для нагнетания обстановки.

И самое главное: даже если бы система в Германии была стабильной, а во Франции президент Макрон имел 80, а не 30% поддержки, у Европы сегодня нет даже минимальных предпосылок, чтобы полагать, что она вернется к политической

самодостаточности, которую, фактически, она утратила еще столетие тому назад. Уже нет соответствующего потенциала, она не в состоянии сама себя защитить. Более сильные игроки высказываются сегодня за независимость, но после расставания с США они могут по отдельности начать искать себе новых покровителей.

Самостоятельная Европа станет предметом постоянной игры мировых держав: Китая, России и США. Крупные страны как-нибудь найдут свое место в такой Европе, малые подстроятся под крупных патронов. Хуже всего будет таким странам, как Польша — средним, у которых много интересов, но они не в состоянии выстроить соответствующую позицию, чтобы защитить эти интересы, и всегда проиграют крупным игрокам. Ничто не указывает на то, что в новой немецко-французской Европе мы сумеем выторговать себе прочные гарантии безопасности. Политиков злой воли достаточно и на Западе. Нынешние бесконечные раздоры с европейскими институтами, в которых некоторые западные популисты ассистируют Польше, будут тогда использованы для дезавуирования нашей страны как государства, склонного к ссорам, погруженного в историю, не желающего сотрудничать.

Сентиментальный вариант

Вариант второй: идем с Америкой. Только ждет ли нас там кто-нибудь? Для старой Америки времен нашей *belle époque* мы были важным элементом пазла, образцом трансформации. Но той Америки уже почти не существует. Карта стратегических интересов США начала меняться еще при президенте Бараке Обаме. Именно тогда они сосредоточились на борьбе за сохранение американских позиций на Тихом океане. Дональд Трамп лишь поставил точку над «i» — напомнил американским избирателям о традиции унилатерализма^[3] и изоляции от остального мира. Можно сказать, что Трамп произнес вслух то, чего старый добрый вашингтонский истеблишмент никогда не позволил бы высказать президенту Обаме — что НАТО уже не слишком интересуется Америкой.

Трамп нашел в истории, в том числе американской истории после первой мировой войны, обоснование для нынешней политики. Он старается делать в точности то, что делал Конгресс после Первой мировой войны: в расчете на аплодисменты и голоса он отрывает Америку от Европы. Уже мало кто помнит, что за политику отсутствия интереса к

другим Америка заплатила огромную цену после нападения на Пирл-Харбор в 1941 году.

Даже если бы нынешний президент был смещен со своего поста или просто не избран на новый срок, старые времена не вернутся. Соединенные Штаты сегодня не такие, как во времена Рейгана, Клинтона и Бушей, и поэтому каждый последующий президент США в первую очередь будет согласовывать свой подход с этой современной Америкой. Борьба с популистами за голоса потребует повторения тех же популистских лозунгов, но в более мягкой форме — чтобы Америка занялась Америкой. В ситуации ссоры с Францией и Германией начнут уходить американские инвестиции, а через несколько лет, поскольку армия реагирует медленнее всех, подоспеет и дискуссия о сворачивании военного присутствия в нашей части континента.

Вариант, на первый взгляд, умный

Последний вариант — это «ни с теми, ни с другими». На первый взгляд, «хитрое» решение: в нем мы не декларируем, кого поддерживаем, один раз заключаем один союз, в другой — договариваемся с кем-то другим. Это типичная «многовекторная политика». В националистических кругах появляется мысль о том, чтобы пойти «своим путем». Идеология многовекторности польской политики напоминает иллюзии некоторых польских политиков в период после 1989 года, а в особенности, подход к стратегической политике, присущий президентам Украины Леониду Кучме и Виктору Януковичу. Польша сегодня — глубоко разделенное государство, в котором всё труднее достичь общей позиции между главными партиями, не говоря уже о меньших. «Многовекторная» Польша, без четких связей, растаскивалась бы направо и налево очередными правительственными командами до тех пор, пока стабилизацию в Варшаве не попытались бы внести русские.

Что делать?

Для Польши пока нет хорошего решения в сценарии развода Европы с Соединенными Штатами. В международных делах мы — страна двух сильных эмоций. Первая — это комплекс неспособности. Поляки, например, не осознают силы польского языка в регионе, они сами отрицают то, что мы могли бы

влиять на решения в ЕС или НАТО. Словом, восприятие собственной слабости у нас больше, чем действительная неспособность. Вторая эмоция — почти параллельная — это представление о себе как о Христе народов. Исторический мессианиззм при реальном потенциале современной Польши, к сожалению, граничит с манией величия. Эта двухфазная, полная противоречий самооценка (то «мы ничего не значим», то «мы — мессия народов») парализует нас. Тем временем, во времена больших перемен следует найти тропинку посередине. Значит, нужно осознавать, что в одиночку мы не остановим крушение Запада, но можем замедлить некоторые процессы.

Нежелание иметь большее количество детей, сильная склонность к поиску работы за границей, а также быстрая секуляризация младших поколений, диктуют сдержанность в наших обещаниях спасти континент или — как говорил премьер Моравецкий — даже вновь христианизировать его. Однако кое-что мы можем сделать, чтобы помочь хотя бы самим себе. Во-первых, не ускорять невыгодные для Польши процессы, то есть распад политических структур Запада. Речь идет о том, чтобы постоянно не дезавуировать их ради только внутренних потребностей, чтобы не концентрироваться лишь на их слабостях, но показывать и эффективность в определенных областях. Так нужно действовать не только потому, что в течение трех десятилетий мы были бенефициарами атлантического марьяжа. Прежде всего потому, что на горизонте нет никакого лучшего предложения, заслуживающего доверия, а оказаться лицом к лицу с путинской Россией — это, скорее, плохой вариант. Второй совет: работать над альтернативными сценариями или кризисными решениями на тот случай, если бы фактически произошел распад НАТО или более глубокое проседание Европейского союза, но всё-таки по-прежнему делать ставку на преодоление кризиса Евросоюзом и Североатлантическим альянсом.

Премьер распространяет представление о Польше как о связном для разделенного Запада. Более того — польская дипломатия на разных уровнях старается играть посредническую роль. Однако всё это может дать лишь частичный эффект, и только при условии, что внутренняя ситуация в Польше успокоится. Поэтому третий совет: нужно перестать верить в миф о том, что можно отделить внутренние дела от международных. В одном мы должны быть такими, как Израиль или Япония. Нужно максимально усилить государственную структуру и втянуть в эту систему оппозицию. Польша нуждается в таких формальных, гарантированных конституцией решениях,

которые сделают невозможным уход от ответственности за безопасность государства для какой-либо из главных политических сил, если она не входит в правительство.

Не работает ни Совет национальной безопасности, ни какой-либо орган, который был бы форумом для согласования позиций по важнейшим вопросам. Для некоторых представителей власти идеалом является такая оппозиция, которая может сказать не больше, чем эндеки^[4] во времена санации, и даже президент, который решает не больше, чем Игнаций Мосцицкий^[5] до войны («то же значит, что Игнаций, а Игнаций...^[6]»). Можно понять, когда порой не хватает денег на фрегаты, но если, не дай Бог, случится что-то плохое, то на этот раз история уже не простит нам, что в трудное время не по карману оказалась пара чашек кофе для встречи лидера правящего лагеря и главы оппозиции.

Перевод Владимира Окуня

-
1. Прекрасная эпоха (франц.) — условное обозначение периода европейской истории между последними десятилетиями XIX века и Первой мировой войной — Здесь и далее примеч. пер.
  2. АДГ (*Альтернатива для Германии*) — правоконсервативная и евроскептическая партия в Германии.
  3. Унилатерализм — доктрина или программа, которая поддерживает односторонние действия.
  4. Эндеки — представители Национально-демократической партии, существовавшей в Польше в 1897–1947 годах.
  5. Игнаций Мосцицкий — президент Польши (1926–1939).
  6. Поговорка, которую адресовали И. Мосцицкому: «То же значит, что Игнаций, а Игнаций хрен что значит».

Культурная хроника

Уже в седьмой раз прошла акция «Народное чтение», учрежденная президентом Республики Польша в 2012 году. В ходе мероприятия нынешнего года (8 сентября) вслух читали «Канун весны», замечательный политический роман Стефана Жеромского 1924 года. Роман читали вслух в школах, больницах, тюрьмах, а также в библиотеках, музеях, в средствах городской коммуникации, на пляжах и в 142 театрах. В Варшаве «Народное чтение» открывала президентская чета в Саксонском парке.

Не обошлось без споров об адаптации «Кануна весны». Текст для чтения вслух подготовил литературный критик Анджей Добош. Автор адаптации устранил многие выражения, которые он счел излишними или устаревшими; вторгался также в синтаксис Жеромского, дал собственные заголовки главам романа. Такие процедуры вызвали немало протестов. «Недопустимое вмешательство в текст», «пропаганда примитивной версии произведения», — так оценили адаптацию «Кануна весны» не только филологи, но и читатели.

Проф. Анджей Менцвель, литературовед из Варшавского университета, заявил: «Одно дело — сокращения, а совсем другое — вторжение в текст. Это операции разных уровней. Вторая операция, то есть замена слов, изменение строя предложений, — недопустима в отношении классики». А вот Войцех Колярский, вице-госсекретарь в Канцелярии президента, полагает, что есть основания для радости: «Сама дискуссия о том, как был адаптирован «Канун весны», показывает, по моему мнению, что чтение польской классики может быть предметом спора. Бурные эмоции в связи с польской литературной классикой? Прекрасно! Замечательно, если «Народное чтение» достигает своей цели, то есть приглашает к дискуссии о польской литературе Жеромского». Возможно, горячие споры и противоречия стали причиной того, что мероприятие нынешнего года приобрело столь широкий масштаб. «Канун весны» читали почти в трех тысячах мест: как сказала супруга президента, «на всех континентах, даже в Антарктиде, где в акцию включились полярники Польской антарктической станции им. Генрика Арцтовского».

В Лодзи на улице Тарговой появилась мураль, посвященная Янушу Гловацкому. Выдающийся драматург, прозаик и сценарист, которого в обиходе звали Глова («голова» по-польски), умер летом прошлого года во время поездки в Европу. Мураль с портретом автора «Антигоны в Нью-Йорке» и надписью «Как жить без Гловы?» исполнил Анджей Понговский, друг покойного писателя. Открытию произведения предшествовала демонстрация культового фильма «Рейс» (реж. Марек Пиваварский), одним из сценаристов которого был Гловацкий, а в Музее кинематографии в Лодзи состоялась встреча со Станиславом Тымом, исполнителем главной роли в «Рейсе».

13 сентября, в день 80-летия со дня рождения Януша Гловацкого, издательство «W.A.B.» проинформировало, что в октябре выйдет в свет последняя книга писателя — «Бессонница во время карнавала»: «Подчас шутливая, иронично-саркастическая по интонации, а подчас поражающая трагическими нотами, удивительно личная и трогательная. Книгу составили последние прозаические наброски автора, над которыми он работал параллельно с написанием сценария для нашумевшего фильма «Холодная война» Павла Павликовского».

Литературная премия им. Витольда Гомбровича в нынешнем году присуждалась в третий раз. Лауреатом признан Марцин Виха, автор сборника эссе, посвященных трауру, «Вещи, которые я не выбросил». На страницах «Газеты выборчей» Михал Ногась написал о книге так: «Хотя жизнь учит нас, что все смертно, бывают прощания, к которым мы никогда не будем готовы. Самое тяжелое, как кажется, — смерть матери. А ведь потом еще надо навсегда закрыть ее мир, разобрать вещи, которые она оставила, — то, что связывает с нашим детством и порой взросления. Удивительно личное повествование Вихи — это также история передачи жизненных истин и бесценных уроков порядочности. Это каталог самых главных слов, которые и в нынешние времена должны бы вновь стать употребляемыми. Это универсальный текст, один из самых лучших и самых важных среди опубликованных в этом году». Премией им. Витольда Гомбровича отмечается литературный дебют года. Марцин Виха получил премию в ходе торжественной церемонии 9 сентября в городе Радом. Номинантов и лауреатов избирает капитул под

председательством знатока творчества Гомбровича проф. Ежи Яжембского.

Лауреатом премии Фонда им. Косцельских за 2018 год стала Иоанна Чечотт за книгу «Петербург. Город сна» (издательство «Чарне», 2017). «Эта книга, рассказывающая о драматической истории необычайного города, является свидетельством исключительно исторического и литературного воображения автора», — читаем в релизе жюри, председательствует в котором литературовед и переводчик польской литературы Франсуа Россет. Премия присуждается с 1962 года Фондом им. Косцельских, находящимся в Женеве. Фонд поддерживает развитие польской литературы посредством присуждения премий выдающимся молодым писателям.

Целый ряд наград присужден Ольге Токарчук: в мае, вместе с переводчицей Джениффер Крофт, она получила Международную Букеровскую премию за роман «Бегуны», став первой польской писательницей-лауреатом, а в сентябре этот же роман номинирован на «National Book Award 2018» в категории переведенной на английский язык литературы. Это новая категория престижной американской премии, учрежденной в 1936 году. В сентябре же на значительную французскую премию «Prix Femina» номинирован еще один роман Ольги Токарчук — «Якубовы книги». Премия «Prix Femina» была учреждена в 1904 году двадцатью двумя женщинами — сотрудницами журнала «La Vie heureuse», а затем поддержана также журналом «Femina». С 1985 года премия присуждается и в категории зарубежной литературы. До сих пор этого отличия не добивался ни один польский автор.

Выдающемуся актеру и режиссеру Анджею Северину 10 сентября вручена в Кракове почетная премия «Наковальня». Краковское Объединение «Кузница» присудило ее артисту в признание заслуг и значимости «его жизненного пути, исполненного служения большому искусству и гражданской ответственности». Особо отмечено «мастерство Анджея Северина во владении польским словом и французским словом, звучащими в его исполнении на сценах мира». После введения в Польшу военного положения артист начал играть на французских сценах. Он стал третьим иностранцем в истории французского театра, работающим в национальном

театре «Comedie Francaise». Польские зрители помнят его по многочисленным замечательным ролям в кино, в частности в фильмах Анджея Вайды. Он сыграл в «Земле обетованной», в картинах «Без анестезии», «Дирижер», «Месть». Торжественная церемония, в ходе которой другой выдающийся актер, Ежи Треля, прочел с посвящением Анджею Северину знаменитое стихотворение «Послание господина Когито» Збигнева Херберта, прошла в краковском театре «СТУ».

В августе на экраны кинотеатров почти одновременно вышло два фильма о легендарной 303-й эскадрилье истребителей, охранявшей в 1940 году небо над Великобританией: британский — «303. Битва за Англию» (оригинальное название «Hurricane: Squadron 303») и польский — «Эскадрилья 303. Подлинная история». В обеих картинах звездный актерский состав. Михал Цихи, прозаик и публицист, считает, что польская картина лучше. Вот что он написал в «Политике»: «Английский фильм меня не взволновал. Сценарий польского фильма, основанный на классической книге Аркадия Фидлера, ближе к фактам. Там нет, например, вымышленных персонажей, за исключением двух немецких летчиков. Кроме того, польская лента «Эскадрилья 303. Подлинная история» лучше с точки зрения искусства кино: там не такой рваный монтаж, повествование не распадается на отдельные сцены, несмотря на несколько ретроспективных отступлений. Намного больше понравилась мне и операторская работа. Значительно лучше музыка — разумеется, патетичная, но такой она и должна быть в фильме о героях войны. Компьютерные эффекты в английском фильме примитивные, напоминают старые компьютерные игры».

Более строгим критиком по отношению к обеим картинам оказался писатель и фельетонист Кшиштоф Варга. На страницах «Ньюсуик» он пишет: «Сторонники «большого голливудского кино о польской истории» будут, наверное, трубить во все фанфары, что наконец у нас есть произведения, показывающие геройский военный подвиг нестигаемых поляков. Только вот вместо одного хорошего фильма у нас две слабые подделки».

В Катовице в сентябре прошел первый Международный конкурс им. Кароля Шимановского, имеющий целью пропаганду творчества польских композиторов — прежде всего, патрона конкурса. Состязались пианисты, скрипачи и вокалисты, струнные квартеты и композиторы. Среди молодых

пианистов лучшим признан 23-летний поляк Тымотеуш Бес, вторая премия присуждена также польскому пианисту, Матеушу Кшижовскому, а третья — кореянке Сеюнх Уи Ким. Жюри пианистического конкурса возглавлял замечательный педагог проф. Анджей Ясинский.

К столетию обретения Польшей независимости Национальный институт Фридерика Шопена провел 12—14 сентября в Варшаве мероприятие исключительного характера — Международный шопеновский конкурс на исторических инструментах. В состав жюри под председательством Артура Шкленера вошли выдающиеся пианисты, такие, например, как Януш Олейничак, Клер Шевалье, Николай Демиденко, Алексей Любимов, Эва Поблоцкая. Победителем стал 23-летний польский пианист Томаш Риттер, который изучает историческое фортепьяно в Московской консерватории у Алексея Любимова и клавесин у Марии Успенской. Вторую премию ex aequo получили японец Нарухико Кавагахи и польская пианистка Александра Свигут. Третья премия и специальный приз за лучшее исполнение мазурки достались также польскому музыканту — Кшиштофу Ксёнжику. Конкурс будет проводиться раз в пять лет.

LIII Международный фестиваль «Wratistavia Cantans», самый крупный и престижный фестиваль академической музыки в Нижней Силезии, прошедший 7-16 сентября, также посвящался столетию обретения Польшей независимости. Девиз мероприятия — «Освобождение». В 25 концертах прозвучали великие сочинения Гайдна, Верди, Шимановского, а среди звезд фестиваля были дирижер сэр Джон Элиот Гардинер, барион Мариуш Квецень и сопрано Сандрин Пьо. Публика могла услышать, среди иных произведений, концертное исполнение «Короля Рогера» Кароля Шимановского, «Историю солдата» Игоря Стравинского, «Оду Наполеону» Арнольда Шенберга. Программа включала также оперу Эльжбеты Сикоры о Марии Склодовской-Кюри. Фестиваль завершился 16 сентября исполнением оратории «Messa da Requiem» Джузеппе Верди; дирижировал «Реквиемом» сэр Джон Элиот Гардинер.

В сентябре на польско-украинском пограничном переходе Гребенне польские таможенники предотвратили контрабандный ввоз спрятанной на заднем сиденье машины

картины с сигнатурой «Марк Шагал». Работа размером 59 x 29 см выполнена на холсте и изображает фигуру, держащую воздушного змея с изображением человеческого лица. Картину пытался тайно ввезти в Польшу 51-летний гражданин Украины.

— Если это подлинник, то, несомненно, мы имеем дело с самым громким выявлением контрабанды искусства за последние годы. С нетерпением ждем результатов экспертизы, — сказала пресс-секретарь Палаты государственного казначейства в Люблине.

В 2017 году на торгах в лондонском аукционном доме «Кристис» пять картин Шагала были проданы за 3,5 млн долларов.

В Национальный музей в Варшаве вернулся «Портрет дамы» XVII века кисти Мельхиора Гельдорпа, похищенный во время Второй мировой войны. Произведение удалось разыскать благодаря сотрудничеству Министерства культуры и национального наследия с американской следственной службой. Картина была обнаружена в Лос-Анджелесе у актера Грега Гилмора и художника Дэвида Крокера — пары геев, которые десять лет назад, ничего не подозревая, купили ее на аукционе в Нью-Йорке. Но когда узнали о военной судьбе портрета, то без колебаний приняли решение вернуть картину Польше. Во время торжественной передачи произведения Национальному музею посол США в Польше г-жа Жоржет Мосбахер заявила: «Я отдаю себе отчет в том, что последние владельцы сжились с этой картиной и что это совершенно исключительный жест». Благодарность американским институциям и паре коллекционеров выразил также Петр Рыпсон, исполняющий обязанности директора Национального музея в Варшаве.

Прощания

12 августа в возрасте 86 лет в Варшаве скончалась Казимера Утрата, актриса театра и кино, в прошлом звезда «Студенческого театра сатириков». На экране в первый раз появилась в 1959 году в фильме Анджея Вайды «Лётна». За исполнение «Песенки об очкариках» на стихи Агнешки Осецкой в 1963 году она получила награду на первом Фестивале польской песни в Ополе. Снялась во многих художественных фильмах,

таких как «Всё на продажу», «Люби или брось», «Мишка», «Охота на мух». В последние годы популярность актрисы не угасала благодаря сериалам — «Сменщики», «Девицы и вдовы», «Божья подкладка», но прежде всего сериалу «Клан», где она в течение 18 лет играла любимую зрителями тетю Стасю.

17 августа в Доме ветеранов польской сцены в Сколимове в возрасте 86 лет умер Юзеф Фрыжлевич. В ходе своей долгой творческой карьеры актер служил во многих театрах страны — например, в Жешове, Познани, Новой Гуте и Катовице. В 70-е годы стал выступать на столичных сценах. На его счету также несколько десятков ролей в кино, в частности в «Дирижере» и «Пане Тадеуше» Анджея Вайды. Фрыжлевич снимался также в сериалах, таких как «Мастер и Маргарита», «Лица и маски», «Приходской дом», кроме того, был автором театральных пьес, стихов и рассказов.

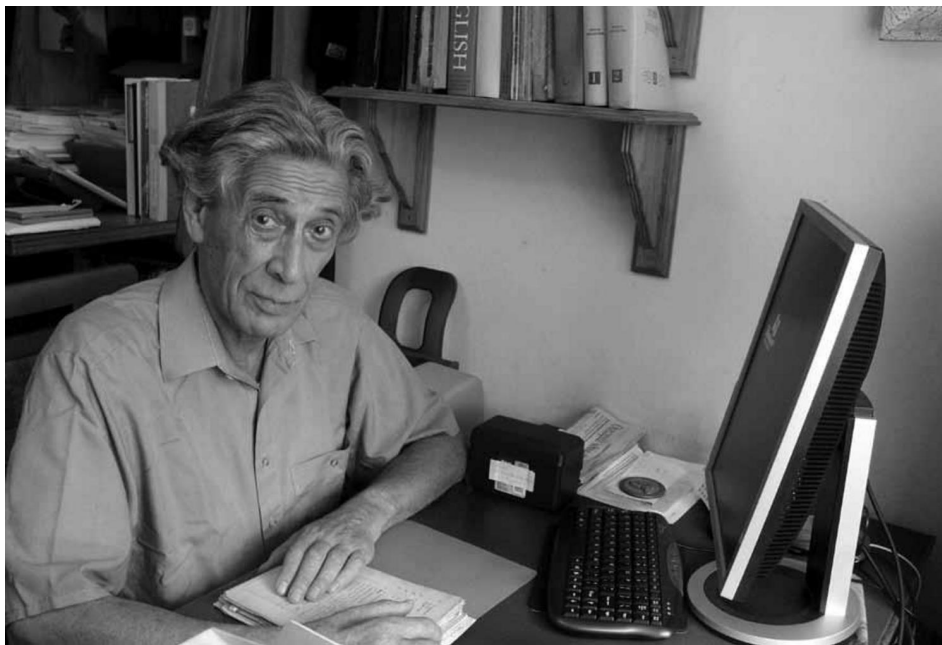
18 августа во Вроцлаве умер Мариуш Германсдорфер, польский историк и художественный критик, в 1983—2013 годах директор Национального музея во Вроцлаве. Благодаря его усилиям музей скомплектовал одну из самых крупных и репрезентативных коллекций польского искусства XX и начала XXI века. Собрание насчитывает более 20 тыс. экспонатов, включая, в частности, работы Виткация, Ежи Новосельского, Тадеуша Кантора, Магдалены Абаканович, Катажины Козыры, Яна Лебенштейна, Владислава Хасиора. Мариуш Германсдорфер был неоднократно отмечен наградами, в том числе Кавалерским крестом и Командорским крестом Ордена Возрождения Польши. Ему было 78 лет.

13 сентября в Варшаве в возрасте 91 года скончался проф. Тадеуш Древновский, выдающийся литературовед и литературный критик, университетский преподаватель и журналист. Он был одним из основателей еженедельника «Политика», в 1960–1982 годах заведовал отделом культуры этого издания. Трудом его жизни стала работа над «Дневниками» Марии Домбровской, которые он снабдил великолепными, исчерпывающими комментариями. Проф. Древновский был также автором книг «Родом из Руссо. О творчестве Марии Домбровской» и «Выселение из чистилища: бурная посмертная жизнь Марии Домбровской».

Кроме того, являлся прекрасным знатоком творчества Тадеуша Боровского и Тадеуша Ружевича, опубликовал, в числе других своих трудов, «Побег из каменного мира. О Тадеуше Боровском» и монографию «Борьба за дыхание. О произведениях Тадеуша Ружевича». Был также автором синопсиса послевоенной польской литературы «Попытка обобщить. Диалоги, образцы, стили» и сборника литературоведческих работ «Рассчитываясь с XX веком: очерки и литературные исследования».

Один из основателей Объединения польских писателей, член польского Пен-клуба и Варшавского научного общества, проф. Древновский был награжден Офицерским крестом Ордена Возрождения Польши и золотой медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis».

Ежи Едлицкий — критик критики современности

Ежи Едлицкий (фото: East News)

Одним из основных лейтмотивов текстов Ежи Едлицкого была критика критики современности, присутствующая во всех глубоких исследованиях истории идей XVIII, XIX и XX веков, или характеристики и трансформации интеллигенции. Едлицкий удивлялся тем критикам, которые, будучи детьми своей, современной эпохи старались и революционным, и мистическим путем отделить себя от нее. Так он писал о романтизме: «Любительская антропология романтиков в тысячах исследований, романах и памфлетах от Бостона до Москвы плодила аргументы, обвиняющие Механическую Цивилизацию: религиозный аргумент: новая цивилизация, рожденная из дерзости разума, заглушает голос Бога; она остается христианской только по своей форме, потому что, не принимая в расчет духовные потребности человека, впала во вторичное язычество материализма, телесности, земного бытия. Западная Европа напоминает Древний Рим: она испытывает потребность ввергнуть в хаос новую цивилизацию» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 34).

Ежи Едлицкий (1930–2018) был исследователем социальной истории и истории идей. Родился в семье интеллигентов еврейского происхождения. Во время войны скрывался в Варшаве. В 1952 г. окончил факультет социологии Варшавского университета под руководством проф. Нины Ассородобрай. Тогда же начал работать в Институте истории Польской академии наук, который возглавил проф. Витольд Куля, муж проф. Ассородобрай, в дальнейшем, во время подготовки диссертации, — научный руководитель Едлицкого. С 50-х годов по 1968-й состоял в ПОРП, откуда вышел, в том числе, в знак протеста против мартовских событий. Имел отношение к оппозиции: подписал «Список 101» против изменений в конституции, с 1980 г. участвовал в деятельности «Солидарности», в декабре 1981 г. был интернирован. После 1989 г. занимал должность руководителя Лаборатории истории интеллигенции в Институте истории Польской академии наук, а также стал одним из основателей Объединения против антисемитизма и ксенофобии «Открытая Речь Посполитая».

Едлицкий занимался историей идей в Польше XVIII–XX веков в европейском контексте (особое внимание уделяя английскому), в частности — позицией по отношению к индустриальной цивилизации («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000), историей интеллигенции («Какой цивилизации хотят поляки: исследования по истории идей и представлений XIX века», 1988; редакция трилогии «История польской интеллигенции до 1918 года» в соавторстве с Мацеєм Яновским и Магдаленой Мицинской, 2008), а также закатом шляхетства («Родовой герб и социальные барьеры: как менялась польская шляхта в период упадка феодализма», 1968). Кроме того, он комментировал современность в многочисленных фельетонах и эссе. Анализируя ситуацию в Польше последних лет, он так подытоживал перемены, произошедшие после 1989 года: «Что сегодня мешает нам стать современным, развивающимся обществом? Я думаю, очень мешает отсутствие навыков дисциплинированной, то есть такой, которая направляет государственную мысль, демократии. Такой демократии, в которой повсеместно ценится всенародное благо [...] Важное значение имеет усердие в приобретении навыков самостоятельного мышления, критицизма, чувства ответственности за страну» (интервью с Магдаленой Байер, «Вензь», 2004).

Критическое мышление о современности, в том числе осознание того, сколь опасен дефицит демократии сегодня, опиралось в представлении Едлицкого на изучение эволюции

идей в прошедшие века, в пределах которых он исследовал формирование критических взглядов в отношении индустриальной цивилизации. В то же время в его текстах отчетливо просматривается стремление встать на защиту рационализма, индустриализма, научности (это не означает, что он не отдавал себе отчет в их недостатках), иными словами — тех черт современности, которые трактовались критиками той эпохи как факторы, отвечающие за упадок, точнее — за непрекращающееся падение. Не доверял историк также разнообразной мифомании: «Но кто же обратит пристальное внимание на засилье зла и абсурда в сегодняшней, несчастной и развращенной цивилизации, она же нам ближе других, — иронизировал Едлицкий — этот „explicite” или „implicite” предполагает, что в прежние времена было уютнее, безопаснее и привычнее. Здесь открывается территория всевозможных попыток бессознательной и осознанной идеализации прошлого, к примеру, упорядоченного, оптимистичного и „уверенного в себе” девятнадцатого века» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 59).

Да здравствует кризис — критика критики современности

В книге «Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности» (2000) Едлицкий предпринял попытку исследовать критику современности, дискурс, который развивался с момента зарождения эпохи, и связь которого с интеллигенцией его поражала: «меня занимал вопрос, почему так много образованных и разумных людей столь сильно презирают новые формы жизни, которые есть творение их современников, если не буквально их самих. Или наоборот, почему, собственно, люди создают цивилизацию, в которой так плохо себя чувствуют» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 9). В этом сборнике эссе, написанных в основном по окончании работы над книгой «Какой цивилизации хотят поляки», Едлицкий занимает позицию критика критики, подчеркивая, что разговор о кризисе цивилизации (понимаемом как закат, конец или упадок) — привычная колея современной европейской культуры (Едлицкий опирался, главным образом, на английские и польские тексты). Его связь с объективными изменениями мира, далеко ушедшего от древней эпохи „дикости и варварства”, автор находит сомнительной, но в то же время подчеркивает, что слепая вера в прогресс как фактор исключительно положительный так же недальновидна, как вера в то, что он — величайшее зло. Едлицкий полагает, что

европейская цивилизация находится не столько в кризисе, сколько в «благословенном состоянии кризиса», то есть в стабильном критическом состоянии, ставшем следствием ее собственного разгона. Именно состояние кризиса порождает позитивную переменную, собственно прогресс, и потому Едлицкий считает это состояние благословенным: «Никто сегодня, конечно, не верит в то, что этот прогресс — почему бы его не назвать прогрессом? — когда-либо происходил и может происходить гладко, без трагических ловушек и переломов. Культура неустанно препирается с закодированной в наших генах агрессивностью, если открыто ей не служит; кроме того, она постоянно увязает в собственных противоречиях и антагонизмах бескомпромиссных ценностей. Стремительная эмансипация безграмотных до недавнего времени человеческих масс при огромном росте населения в мире, опередила возможность интеллектуального и нравственного образования даже в самом скромном его понимании. Современная цивилизация, решая проблемы, создает новые своим разгоном, и потому всегда находится в состоянии неустойчивом и критическом. Таким образом, кризис культуры, как бы его не определять, является ситуацией нормальной, не исключительной, и нет, и, вероятно, не будет ни такого заклинания, ни такого молитвенного восклицания, ни философского камня, который поможет из него выйти» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 60).

Дискурс о кризисе видит в этом прогрессе упадок и угрозу: «в дерзости разума заглушается голос Бога, в беспощадной конкуренции и алчности — высвобождение самых низких человеческих порывов, а во введении равенства прав и росте неравенства экономических и социальных условий — образование общества, в основе которого лежат эксплуатация, ресентимент и ненависть» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 34–35 — перефразированная цитата). Однако, несмотря на то, что Едлицкий от этого диагноза дистанцируется и прямо пишет о познавательной ценности термина, о том, что «кризис каждый видит по-своему», отмечает, что он обладает также культурной ценностью, ибо тревога, связанная с кризисом есть тревога созидательная.

Антропология Едлицкого, скорее представленная в виде разрозненных текстов, чем как синтетическое описание в одном труде, позволяет ему посмотреть на современность благожелательно, если не с энтузиазмом. Едлицкий подчеркивает, что человек адаптируется к современной

цивилизации, а не подвергается с ее стороны разрушению: «Вот человеческая психика обнаружила удивительную способность подлаживаться под драматичные изменения социальной и технической среды. Адаптация эта происходит, правда, не без психических затрат и человеческих потерь, но от них не избавлено также застойное общество. Люди после недолгой тренировки могут функционировать в совершенно „неестественном” для них ритме и в непредставимых до того момента условиях. Впрочем, достаточно наблюдать непосредственную страсть и талант маленьких детей к современной технике, чтобы усомниться во всякого рода конфликте между природой и современностью» («Вырождающийся мир: страхи и суждения критиков современности», 2000, с. 50).

Город и деревня — аксиология и география

Едлицкий показывал, что страхи, связанные с развитием современности кристаллизировались из критики города, которая не локализовалась в деревнях на периферии Европы, что «враждебное отношение к коммерческой и рационализированной цивилизации неизменно возникает в каждой стране мира в тот момент, когда страна подвергается испытанию ее соблазнами; что оно — естественная, психологически объяснимая защита ценности собственной культуры, оказавшейся под угрозой перед уравнивающим все катком капитализма» («Против города», 1991, с. 5). В Польше, но также и в других странах европейских периферий критика города соединялась с неприязнью к Западу, в чем проявляется — как пишет Едлицкий — связь аксиологии с географией. В критике города значение имело также противопоставление чужому горожанину крестьянина и шляхтича, дополняющих друг друга оппозиций, образующих польскую культуру. Наши — это деревенские жители; они, представители чужой культуры — городские жители: «Обвинение города и его защита были здесь, таким образом, частью более обширного процесса: выбора национальности против космополитизма, традиции против стремительной модернизации жизни и обычая под влиянием Запада» («Против города», 1991, с. 10).

Полякам нужна современная цивилизация

Едлицкий понимал, что формирование критической позиции в отношении как современности, так и Запада, обуславливалось

исторически, на что в случае Польши влияние оказали среди прочих шляхетская эпоха и принадлежность к периферии. Он понимал и тревогу, связанную с индустриализацией, однако считал, что современные социально-экономические перемены необходимо оценивать объективно. Вопрос об отношении к этим переменам — вопрос о том, какой цивилизации хотят поляки, — который ставили как критики перемен, так и апологеты расценивал как один из самых насущных. В тексте, анализирующем отношение поляков к переменам, Едлицкий указывал, что — вопреки распространенному мнению — не разделы послужили причиной развития в Польше защитного мышления в отношении вторжения элементов чужой культуры, но что эта проблема зародилась и получила распространение в стране еще раньше и стала следствием доминирования Парижа и Лондона, транслирующих культурные образцы на европейские периферии: «такой порядок для стран-получателей представляет собой вызов развитию, способный — при благоприятных условиях — значительно ускорить эволюцию устаревших экономических и социальных структур, но в то же время ослабляет связь исторически сформированных культур, а также ставит под угрозу чувство собственной ценности сообщества, принимающего привлекательные дары» («Какой цивилизации хотят поляки: исследования по истории идей и представлений XIX века», 1988, с. 26–27). Разделы этот давний конфликт усилили, поскольку государство перестало быть оплотом культуры; одновременно они ослабили чувство собственной национальной значимости, что обернулось обострением уязвимости в этом месте.

Однако Едлицкий не сосредотачивался на исследовании отношения к происходящим переменам, которые романтики воспринимали по-своему, а позитивисты — по-своему. Его исследования в области социальной истории, касавшиеся, в частности, формирования интеллигенции как социального слоя, показывают, как идейные разногласия вовлекаются в социальные преобразования.

Социальные корни бунтов интеллигенции

Развитие возможностей получения образования привело в Европе к избытку образованных людей, что не коррелировалось с общим развитием цивилизации, в частности с возможностями обеспечить работу, но также к созданию возможностей для удовлетворения потребностей, возникших, благодаря образованию. Едлицкий показывал, что это влекло за

собой сильное социальное напряжение, а также массовые и личные разочарования, которые отражались на культурной и политической деятельности, в том числе революционной: «эти отчужденные — потому что разочарованные в своих завышенных ожиданиях — интеллектуалы проявляют себя как идеологи и лидеры почти всех радикальных движений, как правых, так и левых» («Какой цивилизации хотят поляки...», 1988, с. 229). В Польше первая такая группа «ненужных» людей, как, по всей вероятности, ссылаясь на Стефана Чарновского, пишет Едлицкий, появилась после Четырехлетнего сейма^[1]. Также романтическое движение и деятельность перед ноябрьским восстанием «были в значительной мере делом рук молодых «avant la lettre» интеллигентов, чей бунт родился в равной степени из горячего патриотизма и увлеченности новыми течениями европейской политики и литературы и из ощущения отсутствия жизненных перспектив и невозможности найти рациональное применение образованию и реализовать амбиции» («Какой цивилизации хотят поляки...», 1988, с. 229). Подобную ненужность интеллигенции и социальную значимость вырабатываемой ею энергии, направленной на социальную деятельность, Едлицкий видит также в более поздних периодах, подчеркивая решающее значение данных явлений для бунта против мещанской цивилизации, капитализма, евреев, немцев, равно как и для самокритики интеллигенции. Разумеется, на развитие социальных программ и других значимых идей того времени в Польше оказывали влияние и другие социальные факторы, такие как: фактическая бедность деревенских жителей и рабочего класса; реальная деятельность захватчиков, уничтожающих польскую культуру и т.д. Однако особо следует подчеркнуть связь экономического положения интеллигенции с предпринимаемыми ею действиями и провозглашаемыми идеями.

Перевод Ольги Чеховой

-
1. Четырехлетний сейм Речи Посполитой длился с 6 октября 1788 по 29 мая 1792 года. Главным результатом стало принятие Конституции 3 мая 1791 года, против которой выступили реакционные магнаты, создавшие в 1792 году Тарговицкую конфедерацию, по призыву которой войска России и Пруссии оккупировали Польшу, что привело ко второму разделу Речи Посполитой — Примеч. пер.

Стихотворения

Навигации

1.

Голубь сел на карниз дома напротив, снялся,
не успел кленовый лист опуститься на подоконник.

Луна проглядывает сквозь низкие тучи, ползет по булыжнику
парковки,
кусает редющую листву, узлы и междоузлия времени.

2.

Воют туманные сирены — смерть разложила карты
на навигационном столе,
уточняет позицию.

Здесь, в больничной теснине, твое тело — хрупкая лодка —
минует айсберг.

Плывешь по аварийному компасу, обходишься
без видимости.

Всё больше ледовых обломков — они всплывают из-под
горизонта, который вчера мягко
отделился от неба,
долго мерцал в сумерках под низким солнцем; путают след
красные кровавые тельца.

Лед, рассекающий воды, и тьма не знают, что мы здесь.
Им всё равно, раздавить нас, освободить ли.
Это мертвый лед, прибывший с других широт, в тишине
безветрия,
в лад с пульсом стынущей ночи.

Начало безбрежного поля.

Был бы ветер, можно бы удержать курс — идти по ветру к
берегу,
где устроилась жизнь, и предместья пахнут дымом сожженных
листьев,
где полыхает световое зарево.

Был бы ветер — неземной пассат открытых дней —

мы бы мчались с его дыханьем,
храбрые, словно герои мифов.

Был бы ветер
и птицы, и суша

Сонет для Отца

В глубоком крене ты зачерпнул бортом, направляя нос лодки
к перешейку между озерами. Издали мы видели, как у входа
лодки крутятся вокруг своей оси, как их разметает ветер.
Канал был пуст, он светился.

Когда мы добрались туда, энергия ветра остановила и нас, и
птиц.
Ветер свил здесь гнездо и защищал его — нападал бесконечно
растущим
железным крылом.

Ударил шквалом.

Ты долго тягался с ним и высоким, слепо преданным ему,
щитом волны — подходя короткими виражами, выворачивая
по дуге,
с каждым повтором выигрывая эти десятки метров, в чутком
напряжении у руля — вслушиваясь в себя и в стихию.

И ветер переправил нас.

Мы заплыли в открытое озеро.
Готический пилон моих дней — тот золотистый цвет неба
после захода солнца, просторный покой воды.

Ночь росла над полосой ближних холмов, темнел ее лед и шел,
выбрав путь прямо на нас —

***

Светлые рассветы смерти,
когда-то люди умирали дома.
Было время освоиться с умиранием,
немного поработать с ним, начиная загодя
с чего-то мелкого — боли в спине
или порванного сухожилия.

Тело понемногу отвязывается от жизни.
Озирается, как бы став на границе двух царств,
вопрошая: «Какому из них принадлежит эта земля?»

У него есть еще время, пока его не подняла на могучие плечи
мертвая волна
обнаженной ночи.

Пока не наступили неяркие рассветы
в тиши опустевшего мира, где нет ни островов,
ни мелей, и одиночество
уже полное

Упражнения по небытию

Туман надвигался волнами, то редел, то густел,
пока не отрезал видимость и не стёр нас самих. На долгие часы
ушел сад.
Туман закрыл дверь в реальность.

Мгла рассеивается, открывает прилизанное подножье холмов
и городок. Вырванные из земли корневища трав, в длинном
ряду,
под оградой из морёных штакетин.
Серокрылые птицы кружат, зовут

над болотистым саркофагом осеннего дня,
полным преющих листьев, скользких стеблей подсолнухов и
георгинов.

Возвращаются срезанные дороги, дома с гладкими стенами, без
карнизов
и других деталей, крыши, сдунутые, словно шляпы.

Эксгумированные сны.
И мы возвращаемся — мы здесь, где мы есть, в бесконечном
сейчас

Темная материя

Уложенная в паучьи нити, она проходит сквозь наши тела,
невидимые
оттуда. Пронизывает каменную породу города, небо
в зимней неподвижности, эти светлые
декабрьские часы, когда ты выбираешь меня, словно зимний
мед,

из сотов постели.

Ее скрытая сеть, в которой поблескивают галактики,
похожа на скелет голого клена, где, прихваченные инеем,

отражают солнце
шаровидные гнезда сорок

Перевод Владимира Окуня

Разговор с без-начала

Новая книга стихов Мажанны Богумилы Келяр — «Навигации» (2018) — вышла у автора после двенадцатилетнего перерыва, который существенно не повлиял на преобразование ее поэтики. Настолько, что даже просится на язык древняя, приведенная еще Плутархом, максима моряков, гласящая, что *navigare necesse est, vivere non est necesse*^[1] — тем более, что жизнь как необходимость космической экзистенции в этих стихах, действительно, является вещью второстепенной, и следует признать правоту Анджея Стасюка, который начинает свое послесловие к сборнику следующим утверждением: «Безлюдна эта поэзия». Но если принять это утверждение, принципиальным становится вопрос идентичности того, кто говорит: «Учит меня смола молодых сосен (...), учит меня небо (...). Учит меня свет (...). Учит туча дня». Это обучение — о чем мы узнаем из пуэнты стихотворения — «бестревожности».

С самого своего дебюта в 1992 году — сборник «*Sacra conversacione*» — Келяр вводит читателя в пространство холодного севера, полумрака, послеледникового пейзажа, скупости чувств. Так и сейчас:

*Это подвижный лед в конце плейстоцена поставил здесь
моренные холмы, что окружают дом с юга и запада.
Пропал желоб озера, в котором горит свет (...)
Я собирала отколотые фрагменты: пятнистые диориты, граниты
— розовые и серые,
порфиры, сиениты и полосатые гнейсы с чешуйками минералов.
Наше геологическое
наследство. На листе картона я составляла таблицу для урока
географии.
(«Камни и стихи»)*

Сила геологического времени, в сравнении с которым время человеческого существования становится лишь мгновением, кажется, преобладает в той перспективе, с которой рассказчица наблюдает ход событий, и в которой смерть становится эпизодическим происшествием, как в стихотворении «Соединения» «Я разговариваю с тобой, хотя тебя нет./ Говорю с без-начала, как всегда». То, что случилось, продолжается:

*Рядом друг с другом уже тысячу лет –
мы срастаемся, словно побеги ветвей, чтобы возникла*

живая связь.
(«Любовники»)

Еще в этом повествовании есть что-то, что я определил бы как его прозрачность, ледяную стерильность и холодное свечение — впрочем, свет часто появляется в этих стихах, он является важным компонентом пространства: «небо — освобожденное от себя — / пышет светом» («Мимикрия»).

Смерть, любовь и поэзия — это стихии, которые представляют собой движущую силу, определяющую состояние человека и одновременно способную противостоять бессмысленному существованию, как в «Любовниках»: «Умрут наши боги. (...) Говорить будет молчание». Это благодаря поэзии «у всего только одно имя: Есть» и, уже в другом стихотворении:

*Достаточно, чтобы слова стихов были, как вода, отражающая в себе всё, что есть.
Всё, что уходит, чтобы не пробудиться
в чем-то большем.*

И ничто не окончено, стихи тоже. Ведь Келяр не отказывается от «традиционной» записи — она последовательно пользуется знаками препинания, ставит точки в конце предложений. Но — и об этом можно написать небольшое эссе — последовательно не ставит точек в конце стихотворения.

* Плыть необходимо, жить нет необходимости — Примеч. пер.

---

1. Плыть необходимо, жить нет необходимости — Примеч. пер.

Несколько слов о необыкновенной женщине

Фото из архива: Brama Grodzka

Она была писательницей, театральным критиком, редактором журнала, переводчицей и — в широком смысле этого слова — культурным деятелем. Звали ее Мария Бехчиц-Рудницкая и после войны она жила в Люблине. Провела здесь вторую половину своей долгой жизни и здесь была похоронена, хоть и попала в этот город, в сущности, случайно. До войны Бехчиц-Рудницкая жила в Варшаве, но по прихоти судьбы 1 августа 1944 года они с мужем отправились на правый берег Вислы, где у них был садовый участок. Как раз в этот день в 17 часов началось Варшавское восстание, отрезавшее супругов от дома в центре города. Несколько дней они скитались по предместьям, но, к счастью, узнали, что в уже освобожденном от немцев Люблине создано польское правительство и организуются структуры власти. Супругам удалось туда пробраться, и они сразу же включились в работу «на ниве культуры». Мария Бехчиц-Рудницкая, которой было тогда пятьдесят шесть лет, успела уже немало сделать в литературе, поэтому ей доверили важнейшую миссию восстановления социально-культурной инфраструктуры в городе и всем Люблинском воеводстве. Мария осталась в Люблине навсегда, до самой смерти, став одной из важнейших фигур культуры этого города. Сначала она

курировала все вопросы культурной жизни, но вскоре нашла сферу деятельности, наиболее соответствовавшую ее темпераменту — театр. Некоторое время Мария Бехчиц-Рудницкая являлась заведующей литературной частью люблинского театра, с 1947 года носившего имя Юлиуша Остервы, одновременно выступала как публицист и даже несколько лет занимала пост главного редактора легендарного культурного еженедельника «Камена». Она писала рецензии на практически все местные театральные спектакли и делала это столь блестяще, что и по сей день в Люблине не появился критик, сопоставимый с ней по уровню. Бехчиц-Рудницкая обладала колоссальной эрудицией и опытом, была энергична и трудолюбива, до конца своих дней участвовала в театральных фестивалях и смотрах, причем не только отечественных, превосходно ориентировалась в актуальных направлениях и течениях мирового театра. Мария обладала собственным, узнаваемым стилем, ее рецензии печатались не только в местной периодике, но и в общепольском журнале «Театр». Бехчиц-Рудницкая владела несколькими иностранными языками, пользовалась известностью в зарубежных культурных кругах. В Люблине ее деятельность и достижения прекрасно знали и высоко ценили не только в среде интеллигенции. Рецензии внимательно изучали студенты, которым была хорошо знакома эта характерная фигура, поскольку Мария посещала представления молодых режиссеров, сочувственно следила за их художественным ростом.

С Марией Бехчиц-Рудницкой я познакомилась, кажется, в 1974 году и поддерживала с ней отношения почти до самой ее смерти в 1982-м. Меня представили ей как молодого преподавателя польской филологии, недавнюю выпускницу Университета им. Марии Склодовской-Кюри, где я и работала, совмещая преподавательскую и научную деятельность с работой в Студии современной драматургии при театре им. Юлиуша Остервы, где я занималась литературно-театральными вопросами. Честно говоря, я была очень смущена тем, что оказалась в поле зрения эксперта подобного уровня. Я знала, насколько это весомая фигура в люблинском театральном мире, еще студенткой читала рецензии Бехчиц-Рудницкой и колонку, которую она вела. Немного позже я узнала, что пани Мария является одним из наиболее уважаемых членов общепольского Клуба театральной критики, членом польской секции Международной ассоциации театральных критиков, членом Международного института театра (с 1980 г. — почетным) и Европейского общества культуры. Всем этим я была одновременно подавлена,

восхищена, но и польщена. Несмотря на питаемое почтение, которое я питала к Бехчиц-Рудницкой, и разделявшую нас дистанцию, которая с годами лишь немного сократилась, я интересовалась тем, как она жила. Расспрашивать не смела, но что-то постепенно узнавала — не столько о ее жизни, сколько о личности. Расскажу то, что знаю.

Со смерти Марии Бехчиц-Рудницкой прошло тридцать шесть лет. Она не должна быть забыта не только в силу своих огромных заслуг в области театральной критики, но также и потому, что была исключительной, необычайно интересной личностью. Эта необыкновенная во всех отношениях женщина заслуживает внимания. Кроме того, у меня ощущение, что пани Мария сама доверила мне роль своеобразного хранителя памяти о ней. Интересно, что мои воспоминания о Бехчиц-Рудницкой со временем не блекнут, более того — я предаюсь им с поистине прустовским наслаждением.

С момента нашего знакомства я относилась к пани Марии как к представительнице аристократии в области искусства слова. Стил ь ее был изящен, язык — далекий от разговорной речи — отличался тем не менее живостью, образностью, свидетельствовал об индивидуальности автора. Бехчиц-Рудницкая мастерски использовала аллюзии, в целом ее тексты производили впечатление непосредственности, спонтанности. Стил ь пани Марии не «отдавал нафталином», совсем наоборот. Меня завораживала в Бехчиц-Рудницкой именно эта непостижимая для человека ее возраста свобода, позволявшая ей ни в одной области не отставать от устремленной в будущее современности. Она успевала за временем как в искусстве, так и в самой жизни. А ведь Бехчиц-Рудницкая родом из далекой эпохи, она родилась в XIX веке, ее ровесниками были, к примеру, Зоф ья Налковская, Мария Домбровская, Виткаций. Она своими глазами видела театр начала XX века, Великая театральная реформа отнюдь не являлась для нее отвлеченным понятием, пани Мария прекрасно ориентировалась в том, что происходит в театре, причем не только польском. Была в курсе поисков, которые велись как на профессиональной сцене, так и на альтернативных подмостках, старалась вникнуть в смысл и логику этих исканий. Подобная открытость у человека столь почтенного возраста искренне восхищала меня. Следует добавить, что Мария Бехчиц-Рудницкая интересовалась также другими областями искусства, не отставала и в том, что касалось актуальных вопросов политической и общественной жизни.

Огромное впечатление произвел на меня тот факт, что образование Мария Бехчиц-Рудницкая получила в Петербурге. Я буквально преклоняюсь перед этим городом, а также его учебными заведениями, такое отношение привила мне в лице преподавательница русского языка. Почти ровесница Марии Бехчиц-Рудницкой, она также училась в столице Российской империи. На своих занятиях она рассказывала об архитектуре Петербурга, о поэзии Пушкина, я не раз слышала от нее, что русский язык богаче и красивее по звучанию, чем французский — в это я уверовала свято и верю до сих пор. Под влиянием впечатлений, полученных на уроках русского языка, после окончания университета я первым делом отправилась в Ленинград. Хотела собственными глазами увидеть набережные Фонтанки, Мариинский театр, памятник Петру Первому. Действительность несколько подкорректировала идеализированный образ Петербурга, но несмотря на это, я не утратила уверенности в том, что сама атмосфера великолепной царской столицы способствовала формированию нетривиальных личностей. Познакомившись с Марией Бехчиц-Рудницкой, я еще больше утвердилась в этом убеждении. Логика моего мышления была и остается следующей: не может стать посредственностью человек, который провел юность в увлекательную эпоху авангардных брожений в искусстве, эпоху счастливую — до Первой мировой войны и до того, как Россию перепахала Октябрьская революция. Как-то я услышала от пани Марии высказанное с ноткой ностальгии мнение о правлении Николая II, который своими политическими реформами открыл путь для модернизации общественной жизни. Если эта точка зрения меня не удивила, то потому, что подобные реплики я слышала от своей преподавательницы русского языка. Зофья Плотницкая (так ее звали), словно талисман, носила издавший виды кожаный портфель, который — как она с ностальгией повторяла — помнил времена Николая II.

После этого пространного вступления, призванного дать общее представление о героине моего рассказа, пора заняться хронологическим изложением фактов ее биографии. Большая их часть мне известна от самой Марии Бехчиц-Рудницкой. Мы были знакомы уже нескольких лет, когда она передала мне машинописную копию своей автобиографии. Она явно отбирала биографические данные, и я легко догадалась, для кого. Поскольку на этих нескольких страницах пани Мария подробно осветила лишь свою литературную деятельность, я полагаю, что документ был предназначен для Союза польских литераторов. Бехчиц-Рудницкая указала в нем дату и место своего рождения: 1888 год, Варшава. Ни слова о родителях, семье. Затем подробные сведения об учебе в Петербурге. Я

пыталась разгадать, как могло случиться, что во времена разделов Польши польке (я ведь считала ее полькой) была предоставлена возможность получать образование в элитарных, дорогих российских учебных заведениях. И решила, что она, подобно моей преподавательнице русского языка, просто получила государственную стипендию. Лишь спустя много лет, уже после смерти пани Марии, из разных источников я узнала о нескольких неизвестных мне обстоятельствах. Оказывается, Мария Ксения Матафтина была дочерью зажиточного русского дворянина, варшавского чиновника. О матери Марии мне ничего не известно, вероятно, она также была русской.

Прежде мне и в голову не приходило, что в пани Марии течет русская кровь. Ведь она родилась в Варшаве, ее польским языком восхищались даже лингвисты! В Люблине я ни разу не слышала о ее русском происхождении. На эту мысль, правда, могло навести то, что об увиденных в России спектаклях она порой писала в рецензиях, но этому я находила вполне правдоподобные объяснения. Известно, что многие поляки учились в Петербурге, оседали там и жили, пока революция не вымела их из России. В случае Бехиц-Рудницкой случилось наоборот: Матафтины на время переехали из Петербурга в Варшаву, а когда их дочь достигла школьного возраста, послали ее учиться в столицу. Марии, русской девочке из богатой дворянской семьи, ничто не мешало поступить в первоклассный пансион. Этому не препятствовали ни национальность, ни происхождение, ни финансовый вопрос.

А вот, что пишет о своем образовании сама Мария. Закончив пансион, она поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, одного из первых в Европе высших учебных заведений для женщин. Уровень обучения там был очень высок, на курсах преподавали знаменитые профессора. Мария, например, училась у Евгения Тарле — историка наполеоновской эпохи, филолога Бодуэна де Куртенэ, историка греческой культуры и философа Тадеуша Зелиньского, а также знатока Великой французской революции — Николая Кареева. Талантливые педагоги умели привить воспитанницам интерес к науке. Так, Мария, будущий литератор, еще во время учебы начала серьезно изучать историю Французской революции.

Как известно, в дореволюционной России все области культуры были охвачены бурными переменами под знаком авангарда, и современная образованная молодая женщина не могла оставаться вне этого, не чуждого эпатажа, процесса. Мария

участвовала в грандиозном событии, каким стала встреча с «папой римским авангарда», итальянцем Д.Т. Маринетти, присутствовала на «Первых в мире постановках футуристов театра». Смотрела постановки Мейерхольда и Таирова в театре Веры Комиссаржевской, видела спектакли гастролировавшего в Петербурге знаменитого МХАТа, театра Станиславского. Принимала участие в вечерах молодых поэтов, например, Бурлюка, Хлебникова, Крученых. Посещала выставки и концерты. Подобный опыт стал капиталом, который в будущем позволил Марии профессионально заняться театральной критикой. В последующие годы этот капитал продолжал расти, поскольку во время путешествия по Западной Европе, в которое она отправилась в 1911 году вместе с мужем — польским публицистом Антонием Бехиц-Рудницким, Мария познакомилась также с французскими, немецкими и итальянскими театрами. В Париже она работала в библиотеках и архивах, результатом ее изысканий стали два исследования, посвященные отдельным аспектам истории Франции на рубеже XVIII–XIX вв.

После длительного путешествия по Европе — нетрудно догадаться, что супруги провели эти годы так, как было принято в их кругу: посещали достопримечательности, развивали свои интересы, удовлетворяли культурные потребности — Рудницкие осели в Варшаве. Быть может, причиной было нежелание Марии жить в советской России, а может — более широкие перспективы, открывшиеся перед мужем в наконец свободной Польше. Так или иначе Мария обрекла себя на трудную судьбу эмигрантки. Город не был ей чужим, ведь здесь она родилась и провела — это снова мои догадки — раннее детство. Варшава не могла сравниться с царским Петербургом, но и не казалась рядом с ним какой-то глубокой провинцией — неслучайно этот город называли «Северным Парижем». Супругам пришлось зарабатывать себе на жизнь. Мария преподавала в школах западные языки, переводила тексты различной тематики, занялась также литературной деятельностью. В тридцатые годы она опубликовала по-польски несколько романов, хорошо принятых критикой. Ни один из рецензентов не упоминает о ее русском происхождении, следовательно, к этому времени она уже ассимилировалась и считала себя полькой. Вместе с мужем, участвовавшим в археологических раскопках в Бискупине, где были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки праславянского поселения, Мария написала роман «Диво». Это был один из многих способов, которыми она пропагандировала сенсационное, европейского масштаба открытие. Действие романа разыгрывается двадцать пять столетий назад,

повествование представляет собой реконструкцию доисторического польского языка. Поразительно рискованным был этот эксперимент, но археологи, историки, литераторы и даже некоторые лингвисты отнеслись к нему благожелательно! Рецензии появились в двадцати изданиях, что можно считать тем бóльшим успехом, что в своей языковой стилизации авторы основывались на... «собственной интуиции».

Архаизация стала своего рода хобби Марии Бехчиц-Рудницкой. Изданная в 1937 году повесть «Художника из Равенны двенадцать агнцев» написана польским языком пятнадцатого века! Польскому тексту предшествует итальянский — подражание оригинальным легендам шестнадцатого века. Пани Мария обладала великолепным чувством языка — стилизацию, подкрепленную на сей раз исследованиями историков и лингвистов, оценили как польские, так и итальянские филологи. Сегодня эта небольшая по объему книжечка, выставленная на интернет-аукцион, имеет огромную начальную цену — 1 500 злотых.

В послесловии к «Художнику» автор пишет: «Я стремилась (...) убедить [польского читателя. — А.К.], что мы сдали в утиль множество чисто польских слов, встречающихся в древней письменности и в народных говорах. Некоторые из них мы с презрением полагаем русизмами, тогда как это наше общее славянское наследие. Поэтому следует серьезно задуматься: всё ли, что в процессе языковой эволюции отбрасывает та или иная эпоха, в самом деле представляет собой бесполезный балласт?» Я привожу эту цитату, которая, как и многие другие, вне всяких сомнений была бы весьма одобрительно воспринята лингвистами, именно затем, чтобы обратить внимание: автор занимает позицию защитника «чисто польских слов». Мария стала полькой? Может, ее происхождение скрывает тайны, о которых нам уже никогда не суждено узнать?

«Диво» не было беллетристическим дебютом Марии Бехчиц-Рудницкой. Ее первым художественным произведением стал роман «Sol Lucet Germaniae»^[1], имевший антигитлеровское звучание. До войны Мария издала еще сборник рассказов, написанных, подобно «Диву» в соавторстве с мужем.

Во время войны Мария Бехчиц-Рудницкая увлеклась деятельностью, связанной с профессией второго мужа, музыковеда, директора оперной библиотеки. Она переводила с французского, немецкого, английского, итальянского, русского языков тексты вокальных произведений. Польский язык стал для нее основным.

О том, при каких обстоятельствах Мария Бехчиц-Рудницкая оказалась жительницей Люблина, я уже говорила. После войны она не вернулась к литературе, стала писать о театре и с неослабевающим энтузиазмом продолжала делать это всю оставшуюся жизнь, не щадя сил и не утрачивая интереса — пожалуй, лишь теперь она открыла свое подлинное призвание.

Чтобы показать другие грани личности моей героини, в дальнейшей части этого текста я расскажу о Марии Бехчиц-Рудницкой со своей собственной, личной перспективы.

В разговорах со мной пани Мария не вспоминала о прошлом, лишь изредка мимоходом касалась тех или иных событий; мы обсуждали исключительно текущие дела, связанные с театром или литературой. Она звонила, чтобы пригласить меня на спектакль, порой спрашивала фамилию автора, которую не могла вспомнить, иногда сообщала о новостях польской театральной жизни или о своих планах. Это было довольно своеобразное общение. Однажды пани Мария удивила меня столь необычным, не связанным с театром предложением, что я просто дар речи потеряла. А именно — отправиться с ней и великим поэтом и драматургом Тадеушем Ружевичем в Италию, куда они ездили ежегодно и где работали над реализацией совместного театрального проекта. Это меня потрясло, я не могла представить себе каникулы в обществе великого поэта и почтенной дамы. Предложение было лестным, но меня не столько восхитило, сколько ошеломило. Буду ли я чувствовать себя свободно с людьми, по отношению к которым испытываю столь грандиозное почтение? Было очевидно, что меня пригласили на роль — как это когда-то называлось — «компаньонки», которая в силу молодого возраста легко возьмет на себя все проблемы итальянской эскапады. Но не это меня пугало. Я попросила дать мне подумать. Шел 1981 год, хаос в стране, а затем введение военного положения заставили пани Марию отложить поездку. А через год Бехчиц-Рудницкой не стало.

Я так и не узнала, над чем она работала вместе с Ружевичем. Честно говоря, меня очень заинтриговала дружба с поэтом, который был младше пани Марии на тридцать три года, но ничего конкретного на эту, а также многие другие темы, связанные с ее жизнью, мне уже не суждено выяснить. Я не осмелилась ее расспрашивать, а сама она свою частную жизнь не раскрывала. В сущности, наши отношения нельзя назвать близкими, и порой я всерьез задумывалась над тем, кто я вообще для нее такая. Наше общение сводилось к телефонным разговорам и встречам в театре, где мы обсуждали то какую-

нибудь публикацию, то Студию современной драматургии. Мы никогда не сплетничали, никогда не шутили. Меня завораживала ее личность, она казалась мне великосветской дамой, вынужденной жить в неподобающих условиях и все же сумевшей к ним приспособиться. Я считала, что глубокий интерес к искусству в определенной степени компенсировал ей дискомфорт повседневного существования. Пани Мария жила на улице Пстровского, ныне Пеовяков, по соседству с одним значным заведением, где случались скандалы и даже драки, и возвращаясь поздним вечером из театра, нередко натыкалась на подвыпивших завсегдатаев, которые считали ее подворотню туалетом на свежем воздухе. Но, о чудо, они относились к пани Марии с уважением, вежливо здоровались. Я сама видела и слышала это, когда несколько раз ее провожала. В квартире я, конечно, никогда не была, и очень этому рада — таким образом Мария Бехчиц-Рудницкая не утратила ореола тайны. Она была для меня реальной и одновременно нереальной, вроде бы и близкой, но на самом деле далекой. То, чего я о ней не знаю, а таких вещей очень много, заставляет меня воспринимать ее немного как литературного персонажа. Хотелось бы познакомиться с без сомнения богатой событиями биографией Марии Бехчиц-Рудницкой, прояснить догадки, касающиеся ее характера и личной жизни. С другой стороны, такая, какой она мне запомнилась, то есть окутанная аурой недоговоренности, пани Мария именно поэтому кажется мне особенно необыкновенной, завораживающей. Расскажу здесь о единственном случае, когда она сама приоткрыла завесу тайны.

1980 год, пустые полки магазинов, мы разговариваем по телефону, отнюдь не о прозе жизни. Пани Мария, не помню в связи с чем, упомянула о проблемах с продуктами и неожиданно поделилась со мной собственным рецептом «котлеток» из куриной грудки. Курицу в магазине еще изредка можно было добыть. Каково же было мое изумление! Оказывается, она умеет готовить! Сама стоит у плиты! Прокручивает через мясорубку куриное мясо (в виде фарша птицу тогда не продавали), знает, что́ нужно добавить, чтобы котлеты «держались»! Я не могла представить себе ее занимающейся этими кухонными делами. Даже сегодня, когда я это пишу, воображаемый образ пани Марии, переворачивающей на сковороде «котлетки», по-прежнему производит на меня сногшибательное впечатление. А ведь я была почти уверена, что Мария Бехчиц-Рудницкая питается литературой, театром и, возможно, еще музыкой, что она понятия не имеет о кулинарии. Я видела в ней великосветскую даму, восхищалась, как поразительно легко эта дама адаптируется к любой ситуации.

В молодости пани Мария была женщиной идеальной красоты, об этом свидетельствуют фотографии на сайте театра «Брама Гродзка Театр НН». Она отличалась красотой и элегантностью. И элегантность эту сохранила до конца своих дней. Как-то она пригласила меня на спектакль знаменитого (теперь уже не существующего) Польского театра танца Конрада Джевецкого. Для люблинских театралов это было событие грандиозное, билетов на всех желающих не хватило. Если бы не приглашение пани Марии, я бы туда не попала. Зима стояла суровая, я была немного простужена, поэтому оделась скорее тепло, чем изящно. И почувствовала себя ужасно неловко, когда рядом со мной села пани Мария. Она всегда носила живописные головные уборы, причем на ней они производили впечатление не старомодности, а завидной экстравагантности. В тот вечер голову пани Марии украшал парчовый тюрбан, парчовым был также костюм. Красивая сумочка, неизменный маникюр. Очки она надела лишь тогда, когда в зрительном зале погас свет, и сняла их прежде, чем он снова зажегся. Ей было почти девяносто, но она по-прежнему чувствовала себя женщиной и, несмотря на возраст, умела «держаться фасон». Что ж, следует признать — я устыдилась.

В совершенно иной ситуации, оказываясь среди молодежи, она умела забыть о своем возрасте и достойно повести себя в самых трудных обстоятельствах. Мне довелось побывать с пани Марией на нескольких студенческих спектаклях. Это было в семидесятые годы, представления устраивались в аудиториях, зачастую довольно тесных. Чтобы вместить побольше публики, из них выносили стулья — зрители усаживались прямо на пол. Пани Марии было тогда уже за восемьдесят, но она словно бы не задумывалась о дискомфорте, с которым оказывались связаны подобные мероприятия. Студент, стоявший на входе, не обратил внимания на возраст пани Марии и указал ей, как и всем прочим, место на полу. К моему ужасу Бехчиц-Рудницкая невозмутимо уселась в партере по-турецки — я лишь успела услышать, как хрустнули суставы. Я еще попыталась поискать для нее стул, но было слишком поздно — ничего не поделаешь, пришлось сесть рядом. Я вздохнула с облегчением, когда спектакль довольно скоро закончился — представляла себе, как устала пани Мария от чудовищно неудобной позы. Я поднялась не без труда, ей встать было еще сложнее, несмотря на поданную руку. Потом мы обсуждали увиденное, которое, кстати, отнюдь не стоило таких жертв, но в разговоре не прозвучало ни слова жалобы. Пани Мария и в самом деле была удивительной женщиной.

В 1981 году выдающийся актер Анджей Щепковский пригласил пани Марию на свою телепередачу «Авансцена». Хозяин передачи осознавал, какая феноменальная личность у него в гостях: Мария Бехчиц-Рудницкая была старейшим в мире действующим театральным критиком. Щепковский предоставил ей полную свободу. Наверняка это она придумала появиться в изображающей театральную сцену студии из-за кулисы. Пани Мария вышла бодрым шагом, разумеется, в красивом тюрбане, энергично размахивая сумочкой. Излучаемая ею энергия, казалось, слегка обезоружила ждавшего в центре сцены хозяина передачи. Они сели на приготовленные стулья, Щепковский задал своей собеседнице один-единственный вопрос, а потом, позабавленный и восхищенный, уже только слушал монолог гостьи, посвященный ситуации в театре. Польском и мировом. Он не прерывал пани Марию, позволил ей разыграть эту встречу так, как ей хотелось. Через некоторое время, посмотрев запись, она позвонила мне и пожаловалась, что оператор слишком много внимания уделил ее рукам. Я тоже это заметила и сочла по отношению к женщине исключительно бестактным. Маникюр пани Марии был, как всегда, идеальным, но кисти рук, хоть и подвижные, выдавали прожитые годы. Оператор, явно под впечатлением возраста гостьи, нашел единственное место, где время оставило свой явный след. Пани Марию это смутило и огорчило, меня также. Направь он камеру на лицо, это заставило бы зрителя сосредоточиться на содержании и смысле реплик, а так слова Марии Бехчиц-Рудницкой оказывались чем-то второстепенным по отношению к тому факту, насколько она стара. А ведь пани Мария говорила вещи важные и умные, к ним стоило прислушаться! Добавлю еще одно свое соображение: не будь оператор молодым хамом и сделал он акцент на лице гостьи «Авансцены», эффект получился бы куда сильнее, поскольку лицо пани Марии выглядело на десятки лет моложе ее рук, кожа была поразительно светлой и гладкой, без морщин. Вот уж поистине феномен! Я не раз украдкой рассматривала ее, не переставая поражаться и восхищаться. Генетика или секрет ухода? Каковы бы ни были причины, в этом смысле пани Мария представляла собой уникальный пример сохранения жизненной энергии! Я поражаюсь ее женственности — казалось, время сделало для нее исключение и отказалось от присущей ему жестокости. Пани Мария была стройной, держалась прямо, я восхищалась ее стремительной походкой. Как-то летом я ехала в троллейбусе и в окно увидела, как она, не обращая внимания на африканскую жару, спешит по Краковскому предместью. Зной в тот день буквально лился с небес, измученные духотой люди едва плелись по тротуару, я и в троллейбус села лишь потому, что не хватило сил пройти

улицу пешком. Ловко заняв освободившееся место, я отвернулась к окну, чтобы не обнаружить рядом с собой какую-нибудь старушку, ради которой придется встать. Жара совершенно лишила меня сил... Пани Мария была старше меня более чем на шесть десятилетий.

Она находилась в отличной физической форме, поражала энергией. До конца своих дней ездила на фестивали, летала за границу. В так называемую «зиму столетия» СМИ предостерегали, что снегопады и мороз могут парализовать железнодорожное сообщение. Пани Мария не послушалась рекомендаций по возможности воздержаться от путешествий и, сев в поезд, отправилась в Торунь на театральный фестиваль. Вернулась целой и невредимой, что я восприняла поистине как чудо, потому что на обратном пути поезд некоторое время стоял из-за заносов, и пассажирам, чтобы не замерзнуть, пришлось искать приют в окрестных домах. Пани Марии было тогда девяносто лет. Я знала об этих рискованных планах и робко ее отговаривала, но она не хотела слушать. Мария Бехчиц-Рудницкая не была слабой и беспомощной старушкой, напротив — несмотря на свои годы, отличалась мужеством, силой, решительностью. Поражала сохранностью интеллекта и прекрасной памятью. После этого экстремального путешествия в Торунь она позвонила мне, чтобы рассказать о фестивале. Драматическим обстоятельством возвращения в Люблин посвятила разве что пару фраз, в основном обо всех злоключениях я узнала из теленовостей. В конце разговора пани Мария сказала, что через несколько дней летит в Париж, разумеется, в связи с каким-то театральным событием. Запасы жизненных сил у нее были огромны. Увы, в девяносто четыре года ее победила опухоль, процесс, видимо, был стремительным, потому что болела она недолго.

Пани Мария пережила всех своих близких. Свое имущество она предназначила на стипендии для молодых критиков Люблина. К сожалению, дефляция и деноминация быстро обесценили средства, которые должны были стать основой фонда ее имени. Назывался он «Ближе к сцене».

Знает ли сегодня кто-нибудь, кроме меня, о русских корнях Марии Бехчиц-Рудницкой? Ее польская речь была совершенной, а сама она явно скрывала свое происхождение. В интонировании, правда, слышались отзвуки родного языка, но это едва заметное эхо люди относили за счет якобы «кресового» происхождения.

С огромной теплотой вспоминая Марию Бехчиц-Рудницкую, я хотела бы еще рассказать о том, как она поразила меня в

последний раз. Примерно через месяц после ее смерти раздался телефонный звонок. Звонили из Варшавы, из Союза артистов польских сцен — требовался мой адрес. Я никак не могла понять, зачем, а моя собеседница полагала, что мне это должно быть давным-давно известно. Оказалось, что задолго до смерти пани Мария назначила меня получателем своего так называемого посмертного фонда. Я не могла прийти в себя от изумления — почему я? В то время сумма была невелика, но ее хватило на золотые сережки. Я купила их по совету своей мамы, которая считала, что у меня должна остаться какая-нибудь вещь на память о пани Марии. Сережки я не носила и не ношу, и купила их только потому, что они имели форму четырехлистного клевера. Они лежат в красивой шкатулочке и напоминают мне о пани Марии.

Перевод Ирины Адельгейм

---

1. Солнце светит Германии (лат.)

Выписки из культурной периодики

В 2016 году Адам Загаевский был отмечен в Германии премией им. Леопольда Лукаса и по этому поводу выступил в Тюбингенском университете с лекцией под названием «Поэзия вывешивает белый флаг», недавно опубликованной на страницах ежеквартальника «Зешиты литерацке» (№ 2/2018). Читаем: «В заголовке, конечно, есть доля преувеличения. Однако он, кажется, созвучен историческому моменту. Давайте посмотрим: вот уже ушло или уходит поколение замечательных поэтов (...), которые помогли нам, читателям, пережить и понять страшные события XX века. Они не изменили мир, но смогли смягчить удары, которые достались простым людям. Возможно, мы здесь имеем дело со случаем исключительным: в самом деле, у лирической поэзии в современной Европе ограниченное поле воздействия; за нею обычно следует секта убежденных сторонников да проницательные профессора и их студенты; некоторые убеждены в силе метафоры, а другим с ней просто скучно. Вот и всё. (...) Так что заголовок рискованный. Но поэзия вообще рискованное дело: она живет сегодня на обочине общественных забот и интересов, это столь скромный домен, что, в принципе, даже филателисты могут свысока поглядывать на поэтов. (...) Вдобавок и у самих поэтов совесть не вполне чиста. Они часто поддаются господствующему мнению, мирятся с тем, что им досталась не самая счастливая судьба, но, правда, иногда переживают моменты величайшего энтузиазма — и тогда, на мгновение, становятся богатырями. Но как же недолго это длится... (...) Я думаю, что истинная поэзия, достойная того, чтобы ради нее жить и уделять ей все внимание, чтобы ждать момента, когда она придет, и терзаться из-за ее отсутствия (...), не может существовать без встречи с духовным миром, с духом. Вот в чем, на самом деле, проблема. Извините, что докладчик выступает с соображениями в высшей мере проблематичными. И немодными. Может, даже опасными. Ибо что такое дух? Я произношу это слово, но не слишком хорошо знаю, что оно означает. (...) Что же такое дух? Мы не знаем. У немцев есть для этого слово, *der Geist*, в других языках справляются как могут и тоже имеют определенные слова (*spirit, esprit, liv* etc.), но, вообще-то, ими не удовлетворены. Однако и те, кто

располагают соответствующим словом, не знают, что это такое. (...) Я не ищущу дефиниций, но если кто-то припрет меня к стенке, то сказал бы, что если рискнуть говорить о духе, значит говорить также о поэзии. Я должен это вот как определить: истинная поэзия возникает из встречи с духом, окрашивается и вопросами, и энтузиазмом, и уверенностью, и сомнением, окрашивается ими, как металл (необязательно тяжелый), прошедший пробу огнем. (...) И быть может, такое окрашивание — или, лучше сказать, расцветивание — и есть сущность поэзии. След огня на металле».

Но есть и другая сторона этой медали: «Я, однако, не теолог: после этой короткой встречи с духом (...) должен пойти в другую сторону, самую что ни на есть мирскую. Поскольку в наше время те поэты, которые только и карабкаются на вершины духа, пренебрегая равнинами, сильно рискуют: звучат на редкость несовременно, рискуют полностью отстраниться от читателя, обрекают себя на экзальтацию, выпренность — и сталкиваются с бешеным отпором нашей возлюбленной, умиротворенной (и малочисленной) публики. Когда несколько лет назад я написал очерк в похвалу «высокого стиля», где пытался лишить этот термин любой патетичности и — тем не менее — защитить нечто, что выходит за пределы тривиальности нашей потребительской жизни (...), то был изруган некоторыми критиками и читателями. (...) Нет, меня не линчевали, но и не поскупились на слова резкой критики. Со мной не соглашались даже некоторые мои друзья, которые сочли, что я встал на сторону отжившей своё ментальности, архаичной, оторванной от современных потребностей и современных средств выразительности. Они защищали так называемый разговорный стиль, защищали поэзию, неотрывную от нашего общения. Но, возможно, просто меня до конца не поняли: я вообще не хотел такой схизмы, как отход от языка нашего времени. Этот язык, полагал я, сам по себе не плох, он не должен искать «высокого штиля» в значении давнишних риторических категорий, — однако же пусть не утрачивает контакта с чем-то иным, пусть не отрекается от этой своей «окраски», от встречи с пламенем».

Загаевский обращается также к посвященному воображению эссе Чарльза Моргана, который писал, что «акт творческого воображения имеет не интеллектуальный, но экстатический характер — и таким образом ближе молитве или мистическому переживанию, чем философским трактатам или научным трудам гуманитариев». И продолжает: «Писать сейчас стихи (если это не еще один реверанс в сторону божка иронии, что происходит очень часто) — весьма трудная задача, вызов,

брошенный воздух, которым мы дышим. Экстатический акт не может быть отмечен иронией. Или — или. Даже самый краткий экстатический момент — это каким-то образом прославление бытия, и он касается не только «психологии» данного момента, но также, в конечном итоге, поэтического тезиса, который пронизывает возникающий тогда стих. (...) Возможно, именно поэтому (что легко заметить) очень молодые поэты, если им довелось выступать перед публикой, часто будто стыдятся своих стихов и читают плохо, отстраненно, чуть не с отвращением или с мыслью, что показывают своим слушателям несколько подозрительный объект». И наконец, в заключение: «Вывесили ли поэты белый флаг? Не знаю, найду ли я ответ на этот вопрос. Да, она чересчур иронична. Путаются в лианах философских противоречий, которыми обрастает шатер поэзии. (...) Поэзия нужна нам, наверное, затем, чтобы вновь суметь не понимать мир. Мы любим мир безоглядно, как любят зрители зоопарков своих львов и тигров — несомненно, любят этих прекрасных бестий, но время от времени кто-то погибает, разодранный своим любимцем. И тогда уже ничего нельзя сказать, ничего».

Признаюсь, что меня отчасти (позволю себе немного иронии) позабавило видение мира как хищника в устроенном для публики зоологическом саду. Хотя — почему нет? Спрашивается только, кто хищника изловил и заточил в этом зоопарке. Что говорить, сравнения всегда бывают неточными, часто непонятными, что, впрочем, не мешает им быть эффектными и эффективными в воздействии на слушателя, о чем знает каждый ритор. Загаевский — ритор отменный. Это для меня не подлежит сомнению. И его героическая защита высокого стиля и бескорыстия поэтического экстаза вызывает глубочайшее уважение. Однако хорошо бы с точки зрения присутствия искусства в нашем мире здесь и сейчас спуститься с этих высот на землю, к чему склоняет беседа с одним из наиболее значительных польских театральных режиссеров Яном Клятой, до недавнего времени руководившим «Старым театром» в Кракове, а сейчас показывающим в Праге свою постановку «Меры за меру» Шекспира. Эта беседа, под заголовком «Жизнь на наклонной плоскости», опубликована на страницах журнала «Newsweek» (№ 34/2018). Говоря о шекспировском спектакле, режиссер подчеркивает: «Выбор текста не был случайным: это повествование о подчинении правосудия власти в соответствии с девизом: «У кого власть, тому закон не писан». Это значит, что тот, у кого власть, может силой подчинить себе жизнь других — для их же блага, разумеется, и оставить за собой привилегию трактовать свой собственный грех иначе, чем грех другого, и вообще решать,

кто грешник: „Добро сгубить нас может, грех — спасти. Кто невредим из дебрей зла выходит, кто за проступок легкий смерть находит”^[1]». Комментируя драматургическую ситуацию как пережитую лично, что связано с реорганизацией юридической системы в Польше, режиссер отмечает: «Когда год назад началась ломка судов, я спросил жену: «Может, пора эмигрировать?» Я много лет работал за границей, но никогда не собирался оставаться там навсегда, я всегда тосковал, всегда возвращался сюда, домой. Летом 2017 года я почувствовал, что в этой духоте невозможно творчески жить, но тогда-то и начались протесты возле судов, люди массово вышли продемонстрировать свое возмущение. На улице появилась энергия, надежда».

Так что Клята работает пока в Польше и готовит в театре «Выбжеже» в Гданьске постановку «Троянок» Еврипида: «У Еврипида не было легкой жизни с соотечественниками. Его трагедии редко побеждали на театральных состязаниях в Афинах. Он был там слишком мало «государствообразующим». Его «Троянки», если кратко сказать, это история о «победоносцах» греках, которые десять лет сиднем сидели под стенами Трои, чтобы в конце концов отомстить — разграбить город, поубивать мужчин, надругаться над женщинами. Картина Еврипида такая: «the day after»^[2] оргии насилия, когда герои оказываются преступниками. (...) Еврипид заставил греков взглянуть на зверства своих соплеменников, причем буквально накануне сицилийской экспедиции, обернувшейся крахом Афин. Никто не хотел учить урок о том, к чему приводят ложь и высокомерие, никто не хотел принять к сведению, что на этом нельзя построить настоящее общество. «Государствообразующая» функция мифа оказывается важнее правды. В результате гоплиты очутились в каменоломнях, а Еврипид отправился в эмиграцию — разумеется, добровольную. (...) История за две с половиной тысячи лет ничему нас не научила. Речи Одиссея словно слова нашего народного заступника, и неудивительно: известно ведь, что Ярослав Качинский — человек начитанный, должен знать историю Пелопонесской войны».

Определив картину отечественной политики как скольжение по наклонной плоскости, Клята задумывается над тем, как реагировать: «Ждать. Учиться ждать, лавируя между берегами: с одной стороны, не дать себя спровоцировать и не ударить этого злосчастного полицейского, поставленного у заграждения. Потому что беспомощность порождает агрессию. С другой — не поддаваться иллюзии, что «ничего не происходит». А болтовня «достаточно выиграть выборы» — это самообман,

потому что скоро может получиться так, что выборы уже ничего не будут значить. Внедряемая упорно и умышленно (...) альтернативная действительность толкает страну в пропасть. А когда мы там окажемся, то закон исторической синусоиды уже может перестать действовать. Мы останемся в этом провале на тысячелетие, так как именно тысячелетнее будущее воображаемой державы рисует этот замкнутый в четырех стенах экспонат, не говорящий ни на одном иностранном языке и не понимающий мир. (...) Ты спрашиваешь: не настало ли время для фронтового театра с председателем в главной роли? (...) Пожалуй, еще нет, хотя я никак не могу понять, почему поляки, живущие современной жизнью, путешествующие по миру, приобщающиеся к благам цивилизации, отдают власть в руки человека, который строит государство компроматов. Человека, с которым они не захотели бы даже провести отпуск, потому что пришлось бы всюду его отвозить, все для него переводить, получать за него деньги в банкомате. А он в ответ мог бы, в лучшем случае, выяснить, кто чего боится, и перессорить каждого с каждым. „Чужой-2018”, „Убойные каникулы”». И в завершение: «Увольнение от истории закончено. Карты сдаются вновь, там, над нашими головами. Кто от нашего имени поведет большую игру за будущее?»

Что ж... Как говорится — хороший вопрос. И если бы мне пришлось на него всерьез ответить, но одновременно сохранить за собой право на иронию, то я сказал бы так: «От нашего имени большую игру за будущее поведут поэты». У нас по этой специальности достаточно глубокая, веками устоявшаяся традиция. Жаль только, что доминирует в ней тональность катастрофы...

-
1. Перевод Т. Щепкиной-Куперник — Примеч. пер.
  2. день после (англ.)

Вот так скандал!

Часть первая

Согласно словарю польского языка издательства «ПВН»^[1], скандал — это «событие, которое вызывает возмущение и негодование; также: атмосфера вокруг такого события». Это очень широкое определение, позволяющее уместить в диапазоне значений этого слова все события, которые нарушают нормы, принятые в данной социальной группе. В «Словаре литературоведения» мы находим подтверждение этой интерпретации и расширение определения: «Это неопределяемое понятие. Скандал даже не столько есть, сколько происходит, либо — как этого хочет польский язык — «вспыхивает» тогда, когда имеет место разрушение и/или пересечение границы кода, при помощи которого истолковывается действительность».

В зависимости от «природы кода» мы пытаемся характеризовать скандалы, так что существуют скандалы общественные, нравственные, политические, светские, литературные и т.д., а их участниками и комментаторами на протяжении многих лет бывали польские писатели.

Драка, спесь и смерть

16 июля 1461 года Анджей Тенчинский (рабштынский^[2] староста) пришел к краковскому оружейнику Клеменсу, чтобы забрать свои доспехи, которые он ранее отдал в ремонт. Тенчинский оказался недоволен работой ремесленника. В связи с этим, он выплатил ему не два злотых, как договорились, а лишь 18 грошей. Клеменс стал протестовать, что только разозлило старосту. Он потерял контроль над собой и... побил ремесленника, после чего отправился в ратушу, где подал жалобу. За Клеменсом явилась стража, которая должна была препроводить его в ратушу, однако по пути произошла случайная встреча с Тенчинским. Обиженный Клеменс, якобы, съязвил в адрес старосты, что теперь, мол, его не побьешь, потому что он под охраной. Другие источники приводят высказывание ремесленника: «Ты меня побил и дал мне позорную пощечину в моем собственном доме, но больше уже бить меня не будешь»^[3].

Эти слова настолько рассердили Тенчинского, что он набросился на Клеменса с такой яростью, что не помогло даже сопротивление стражников. Староста избил оружейника до потери сознания. За происшествием наблюдали члены городского совета, которые тут же отправились с жалобой к королеве — Эльжбете Ракушанке (король в то время отсутствовал). Та приказала восстановить порядок, а кто его нарушит, должен будет заплатить 80 000 гривен. Разрешение спора отложили до возвращения короля.

Однако новости быстро распространились. Город загудел, и взбешенная толпа вывалила на улицы. Попытка спасти положение, спрятав Тенчинского в замке, к успеху не привела. Спесивый староста вышел на Братскую улицу и без стеснения дефилировал на глазах у разъяренного сброда. Вдруг с башни Мариацкого костела раздался звук — призыв к оружию. По этому сигналу толпа бросилась к Тенчинскому, который на сей раз понял, что это уже не шутки. Вначале он попытался укрыться в монастыре, а потом в костеле францисканцев. Еще немного, и он был бы уже в ризнице... горожане схватили его, после чего забили до смерти. Месть еще не завершилась. Толпа выволокла тело из костела и подвергла труп изощренным издевательствам: ему опалили бороду и усы, проткнули и потащили по сточной канаве (!) к ратуше, где оставили на три дня (напоминаю, что дело было в июле). Ян Длугош так описывает смерть Тенчинского: «Голова, долго выдерживавшая убийственные удары, треснула, и из нее брызнул мозг. Народ еще измывался над телом убитого, волоча его уличным каналом из костела до самой ратуши, измазанное в грязи, повсюду исколотое и окровавленное, с вырванной бородой и ободранной головой. Потом оно два дня лежало в ратуше, только на третий день его перенесли в костел св. Войцеха, а на четвертый отдали друзьям, которые похоронили его в деревне Ксёнж-Вельки, с надлежащими почестями, но с плачем и великою скорбью».

Весть о трагической судьбе старосты вызвала широкий отклик у польской шляхты, которая в негодовании требовала справедливости. Однако суда пришлось подождать. Лишь 6 декабря 1461 года в положение обвиняемых были поставлены все краковские горожане: члены совета, старшины ремесленных цехов и простонародье. Обвинителями выступали брат убитого, который требовал 80 000 гривен за нарушение спокойствия, и сын, добивавшийся смертной казни для истязателей. 14 декабря был вынесен приговор: смертная казнь для девяти представителей Кракова и выплата 80 000 гривен. В

результате были обезглавлены шестеро видных граждан города, не имевших к делу Тенчинского никакого отношения.

История расправы над Тенчинским была увековечена в стихотворении «Песнь об убийстве Анджея Тенчинского». Произведение, появившееся в атмосфере скандала после убийства Тенчинского, вероятно, было предназначено для пения или мелодекламации. Его автор остается неизвестным. Исследователи предполагают, что он был шляхетского происхождения, вероятно, из близкого окружения Тенчинского. На это указывает тенденциозность стихотворения, в котором убитый представлен как благородный рыцарь, человек добрый и несправедливо убитый, в то время как горожане приравняются к собакам и называются злыми людьми, а обезглавленные представители Кракова — предателями.

Ксендз-проказник

Он обладал дерзостью, темпераментом и был глубоко убежден в правильности своих взглядов. Это был один из самых выдающихся польских публицистов XVI века. Вызванный им скандал имел широкий отклик не только в Польше, но и в Апостольской столице. Что же так сильно возмущало современников Станислава Ожеховского? Неравный брак? Нет, мезальянса не было. И жену Станислав Ожеховский ни у кого не отбивал, и не разводился.

Ожеховский получил отличное образование. Вначале Краковская академия, затем учеба в Вене, Виттенберге, Лейпциге, Болонье и Венеции. Он знал Лютера и Меланхтона, латынью и греческим пользовался, как искусный фехтовальщик, а его знание древнегреческой литературы привело бы в смущение многих авторов XVI века. Когда после европейских вояжей Ожеховский вернулся в Польшу (1541), отец потребовал, чтобы молодой человек принял священнический сан. Двадцативосьмилетний Ожеховский был не в восторге, поскольку в католическом обряде обязательным является целибат, а он считал, что это противоречит человеческой природе и здравому смыслу. И хотя поначалу будущий писатель возражал, в конце концов он исполнил отцовскую волю и стал ксендзом, после чего получил приход в Журавнице. Однако Ожеховский не был бы Ожеховским, откажись он от своих взглядов. В 1547 году увидело свет сочинение «De lege Coelibatus», то есть «О законе безбрачия». Это произведение вызвало бурю и подвело Ожеховского под

епископский суд. Нужно было выбираться из этой ситуации, так что перемышльский каноник (Ожеховский) дал показания под присягой — сочинение, якобы, вышло вопреки его воле. Быть может, так и было, а может, и нет. Факт, что в 1550 году состоялся сеймик в Сондова-Вишне, на котором Ожеховский объявил, что придерживается прежних взглядов, а вдобавок сам намерен жениться. Его избранницей стала София Страшувна, придворная дама Петра Кмиты^[4]. Поднялся шум. Епископат не мог оставить это без внимания и вынудил Кмиту отказать Ожеховскому. Так и случилось. Остановило ли это Ожеховского? Нет.

Этот человек был непокорным, находчивым и обладал чувством юмора — как иначе можно истолковать то, что в декабре того же года он организовал брак другому ксендзу — Марцину Кровицкому, да еще впутал в это дело ничего не знавшего викария, который обвинял Кровицкого, не подозревая, что тот также является священником. Ожеховский создал казус, который открыл ему путь к собственной женитьбе.

В феврале 1551 года Ожеховский произнес супружескую клятву. Его женой стала Магдалена Хелмская. Ожеховскому этого было мало. Скандалист вывесил на дверях костела заявление, что благодаря браку он «вышел из проклятого Содомы и обреченной Гоморры». Это переполнило чашу. Епископат больше не мог терпеть выходок ксендза-проказника. На Ожеховского наложили проклятие, приговорили к изгнанию из епархии и конфискации имущества. Однако писатель не расстраивался по этому поводу. Он насмехался над епископом и «ездил по окрестным усадьбам в сопровождении шляхты, восхищавшейся его поступком». Ожеховский обратился по своему делу даже к папе Юлию III, а его письмо было опубликовано в Базеле. Ответа он не дождался, зато через какое-то время получил условное отпущение грехов, которое позже было отозвано, а потом вновь возвращено.

Вопрос о браке Ожеховского обсуждался с многих сторон: некоторые утверждали, что его подход к celibату был следствием обучения у Лютера, другие усматривают источник его взглядов в происхождении — на землях, где он воспитывался, присутствовал не только католический, но и восточный обряд, в котором священники могли заключать брачные союзы. Для третьих супружество Ожеховского стало развлечением и вносило разнообразие в повседневные разговоры.

Политик, поэт, скандалист

Ян Анджей Морштын, известный всем как автор сонета «К трупу», в свою эпоху прославился не только стихами (которые, впрочем, даже не были изданы), но, прежде всего, политической деятельностью, которая не раз вызывала скандалы.

С 1668 года Морштын выполнял функцию подскарбия великого коронного, то есть, как мы сказали бы сегодня, министра государственной казны. Этот светски утонченный дипломат принимал участие в переговорах в Оливе, которые привели к заключению мира со шведами, а также в переговорах с Москвой и татарами. Помимо того, что он был прекрасным политиком, случилось так, что он оказался исключительно незадачливым шпионом и заговорщиком.

Политические симпатии поэта были безраздельно отданы Франции. Морштын тесно сотрудничал с королевой Людовикой Марией^[5] и действовал в пользу выбора французского кандидата, за что получил пожизненную пенсию от французского правительства.

После смерти Яна Казимира королем Польши стал Михаил Корибут Вишневецкий. Это не понравилось Морштыну, который перешел в оппозицию и строил планы по свержению короля. Более того: он мечтал о том, чтобы силой навязать стране французского претендента. Не получилось. Заговор был раскрыт, и в 1670 году Морштына отдали под суд. Он обвинялся в заговоре и злоупотреблениях по отношению к государственной казне. Поэту удалось выпутаться, однако он не избежал неприязни со стороны двора.

Три года спустя земную юдоль покинул Михаил Корибут Вишневецкий — Польша нуждалась в новом короле. Морштын использовал этот шанс и высказался за выбор Яна III Собеского. Таким образом он вернул себе благосклонность двора и мог расширять сеть своего влияния. Однако лояльность Морштына продержалась недолго: когда король сменил профранцузскую политику на проабсбургскую, история описала круг. Морштын вновь перешел в оппозицию и стал на путь заговора. В 1678 году он принимает французское подданство, а год спустя присягает на верность Людовику XIV и получает назначение на должность его секретаря. В то время Морштын также выполняет функции двойного агента — с одной стороны, он представляет французскому королю просьбу Яна III Собеского о поддержке

против турок, а с другой, уговаривает Людовика XIV отказать. Он также передает французам корреспонденцию варшавского двора.

Наступил 1683 год, обвинения против Морштына выдвинул Ян III Собеский. Поэт вновь был обвинен в государственной измене, заговоре с целью свержения короля и злоупотреблениях в отношении казны (коммерция и финансовые спекуляции Морштына привели к тому, что он прославился на всю Европу). На сей раз Морштын собирает манатки (в том числе сокровища короны) и бежит во Францию, где безбедно проводит остаток жизни.

И обвинения в измене, и расточительная жизнь Морштына вызывали у современников бурные эмоции, так же, как его побег во Францию и отношения с французским двором. Сам Морштын не сторонился от скандалов, а даже использовал их, о чем свидетельствуют стихи, описывающие развратную жизнь при польском дворе, где порой самые заинтересованные лица назывались по именам и фамилиям. Примером такого «скандалописательства» было стихотворение под изящным названием «Паспорт шлюхам из Замос^[6] и Яну Замойскому.

Несчастный Щенсны

Это история о том, как спальня одного человека повлияла на жизнь и творчество Станислава Трембецкого, Антония Мальчевского, Юлиуша Словацкого и опосредованно... Адама Мицкевича.

Имя Станислава Щенсного^[7] Потоцкого — синоним предателя. Польский антигерой, торговичанин^[8] и, вероятно, идиот. Его жизненные решения привели к тому, что он описывается с отвращением, сочувствием и ненавистью. И никому нет дела, что он, видимо, писал прекрасные стихи — теперь никто не хочет их читать.

В книге «История предателя» Ежи Лоек описывает Щенсного: «Сегодня кажется явным, что в случае Щенсного этот коэффициент [интеллекта] составлял меньше ста. Будущий глава Тарговицы был человеком, едва превосходившим уровень дебилизма. Однако ему хватало ума, чтобы отдавать себе отчет в своей ограниченности»^[9].

Он был сыном крупнейшего магната в истории Речи Посполитой — Францишека Салезия Потоцкого и Анны

Эльжбеты, урожденной Потоцкой, которых нельзя назвать образцовыми родителями. Из рассказа Гуго Коллонтая следует, что после аудиенции у родителей Потоцкий выходил отруганным либо побитым. Родителям Потоцкого приписываются такие отрицательные черты, как болезненная амбиция, мстительность, упрямство, ханжество и садизм. Впрочем, в отношении единственного сына у них были планы: они хотели, чтобы он стал королем Польши, что, принимая во внимание его интеллектуальную ограниченность, скорее всего, не представлялось возможным.

В 1770 году родители Щенсного, беспокоясь о безопасности единственного сына, отправили его из Кристинополя в Сушин (на Подолье в это время свирепствует барская конфедерация^[10]).

В Сушине восемнадцатилетний Потоцкий попадает в имение Якуба Коморовского, где теряет голову из-за Гертруды — дочери хозяев. Начинается страстный роман, плодом которого становится беременность. Родители Гертруды, обедневшие шляхтичи, вероятно, рассчитывают на улучшение своего общественного положения и принуждают Щенсного к тайному браку.

Салезий Францишек Потоцкий был неблагодарным свекром, вместо того чтобы пригласить Гертроду к себе, он велел сыну объявить, что к алтарю его привели насильно. В отношении невестки у Потоцких тоже были планы — до момента развода они хотели поместить ее в монастырь. Однако перед запланированным похищением Щенсный предупредил возлюбленную, и девушка вместе с близкими укрылась в Новом Селе. Бесполезно. Ее нашли. Ночью, 13 февраля 1771 года неизвестные преступники вторглись на территорию усадьбы. Бандиты выволокли беременную Гертроду на мороз в одной ночной сорочке, после чего втолкнули в сани и уехали.

Не все пошло так, как они рассчитывали. По пути им встретился перевозивший зерно обоз, про похищение могли узнать посторонние. Во избежание огласки Гертроду накрыли шубами, чтобы заглушить призывы о помощи. Заглушили очень эффективно, так как девушка задохнулась. Некоторые утверждают, что смерть первой любви Потоцкого не была случайной — однако точных доказательств нет. Тело Гертруды бросили в реку, нашли его лишь весной. Подозрения пали на Потоцких, которые утверждали, что не имеют с этим делом ничего общего.

Когда Щенсный узнал о смерти возлюбленной, он неловко покушался на свою жизнь — пытался перерезать себе горло перочинным ножиком, одновременно умоляя отца о прощении. После смерти родителей Потоцкий выплатил семье Коморовских щедрую компенсацию, хотя до конца жизни отрицал, что заключил брак с Гертрудой. Легенда гласит, что прямо перед смертью он велел положить себе на грудь портрет Гертруды и так — с возлюбленной у сердца — покинул этот мир.

Делом Коморовских жила вся Польша — семейная трагедия привела к тому, что род Коморовских разбогател и даже получил графский титул.

Скандальная история любви Щенсного и Гертруды тронула воображение Антония Мальчевского (первого поляка на Монблане и польского пропагандиста месмеризма), который на основании вышеописанных событий написал в 1824 году первый польский роман в стихах, озаглавив его «Мария». В 1838 году Юлиуш Словацкий написал поэму «Вацлав», которая должна была стать эпилогом к произведению Мальчевского.

Между первым и третьим браками Потоцкого, как легко догадаться, был второй — тоже скандальный, хотя и не так, как первый. Подозревают, что в убийстве Гертруды Коморовской была замешана мать будущей жены Щенсного — Амалия Мнишех. Брак Щенсного с дочерью Амалии — Юзефиной был неудачным: жена изменяла мужу, и подозревают, что большинство детей, которых она ему родила, были не от него. Неудивительно, что когда Щенсный познакомился с красивейшей женщиной в Европе — Софией Витт — он развелся со второй женой.

София Витт была женщиной красивой, страстной, с непростым прошлым: о ней говорили, что она была невольницей султана, куртизанкой, метрессой, шпионкой. О ее эротической жизни ходили легенды, которые до сих пор волнуют воображение историков. Прежде чем познакомиться с первым мужем — генералом Юзефом Виттом — София пользовалась псевдонимом Дуду и разъезжала по Европе с Каролом Боскампом-Лясопольским^[11], будучи его содержанкой. В Каменце-Подольском София познакомилась с Виттом, человеком с отталкивающей внешностью и запятнанной репутацией, к тому же на двадцать лет старше ее. Витт влюбился в девушку, потчевавшую его рассказами о своем происхождении (она утверждала, что происходит из обедневшей греческой

аристократической семьи) и целомудрии. Витт поверил в эти истории и тайно заключил брак с прекрасной гречанкой.

Таким способом куртизанка вошла в светское общество. Она рассталась с прежним псевдонимом Дуду и с тех пор звалась Софией де Витт. Супруги ездили по Европе, посещая столицы — Варшаву, Берлин, Брюссель, Париж, Вену. Именно тогда Зося была объявлена прекраснейшей европейкой своего времени, а также завязала несколько выгодных романов. По слухам, она соблазнила самого короля Франции Людовика XVIII, а также его брата.

София родила Витту двоих детей. Один ребенок умер, а второй вырос и стал генералом Яном Виттом, имевшим удовольствие познакомиться с Адамом Мицкевичем во время пребывания поэта в Одессе.

В 1788 году София вместе с Виттом гостила в военном лагере Григория Потемкина, с которым у нее, конечно же, был роман. Там же, после смерти Потемкина, она познакомилась с Щенсным Потоцким — самым богатым поляком, владельцем Тульчина^[12]. Потоцкий потерял голову из-за Софии. Так началась самая скандальная связь в тогдашней Речи Посполитой: польского магната и женщины, распускавшей слухи о своем происхождении. Потоцкий заплатил Витту за развод с Софией и добился мирного расставания со своей второй женой, однако за это время София успела родить Щенсному троих детей. В 1798 году состоялось их бракосочетание, и София официально стала пани Потоцкой.

За два года до свадьбы Потоцкий, чтобы доказать свою любовь, начал головоломное предприятие, которое мог позволить себе лишь крупнейший магнат на землях бывшей Речи Посполитой — строительство Софиевки, продолжавшееся 10 лет. Раскинувшийся на 160 гектарах парк, по различным источникам, обошелся ему в 10–15 миллионов злотых. Архитектор Людвик Метцель вдохновлялся мифологией и философией античной Греции. В Софиевке мы найдем скульптуры и бюсты, привезенные из Италии и Греции, амфитеатр, «Елисейские поля», искусственные гроты, беседки, павильоны, «критский лабиринт» и т.д. Растения для парка завозились из Турции и Египта, а птицы — из Америки. За самим парком ухаживало 200 садовников. Можно сказать, что Потоцкий проявил свою любовь с размахом.

На этом Щенсный не остановился и пригласил для сотрудничества одного из известнейших польских поэтов Станислава Трембецкого. Обремененный долгами (вероятно, по

причине увлечения азартными играми, женщинами и пирами), поэт принял приглашение в Тульчин и заказ на поэму, которая должна была воспевать достоинства Софиевки и ее хозяев. Трембецкому не мешало то, что Потоцкий уже тогда считался изменником родины. Поэт не видел моральных преград и даже солидаризировался с позицией Щенсного по отношению к России.

Поэму, к счастью для польской литературы, Трембецкий написал. «Софиевка» оказалась шедевром, который быстро обрел славу. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в 1815 году, когда вышло декоративное издание французского перевода, в перечне подписчиков присутствовали, в частности, русский царь и датский король. Мицкевич так высоко ценил «Софиевку», что перефразировал ее фрагмент в поэме «Пан Тадеуш».

К сожалению, прекрасная София не сумела оценить любви Потоцкого, ее природа и темперамент брали верх, и она то и дело заводила романы на стороне. Одним из них была связь с сыном Потоцкого от предыдущего брака — Щенсным Ежи, который был моложе ее на 16 лет. Плодом романа стал еще один ребенок — Болеслав, который официально считался сыном Щенсного, а на самом деле был его внуком. Потоцкий узнал о романе любимой жены с собственным сыном, что отразилось на здоровье «архипредателя». Он впал в манию преследования — ему казалось, что кто-то покушается на его жизнь, и его отравляют.

Потоцкий умер 14 марта 1805 года в возрасте 53 лет. Однако и после смерти Щенсный, а точнее его труп, стал участником скандала. Останки Потоцкого одели в царский мундир, украсили орденами и драгоценностями, а затем оставили в открытом гробу. Это привлекло кладбищенских мародеров, которые ночью прокрались в склеп, ограбили покойного и оставили нагим у стены.

После смерти Потоцкого София судилась с детьми за имущество, а заодно стала любовницей Новосильцева. Того самого Новосильцева, жестокого русификатора, героя «Дзядов» Мицкевича.

Станислав Трембецкий до конца жизни оставался в Тульчине, где проводил время за игрой в карты, историческими трудами и изучением влияния питания на организм человека. Сам он был вегетарианцем, что в те времена было редкостью. К сожалению, Тульчин после смерти Щенсного утрачивает былое величие и становится оазисом для шулеров и пьяниц.

Трембецкий чувствовал себя в таком обществе не лучшим образом. Михал Конарский (домашний учитель Потоцких) описал его в этот период как кормящего воробьев старика, ходящего по комнате босиком в неопрятном белье. Умер Трембецкий 12 декабря 1812 года.

Перевод Владимира Окуня

-
1. Издательство «ПВН» — одно из самых солидных государственных научных издательств в Польше — Примеч. пер.
  2. Рабштын — деревня в Малопольском воеводстве — Примеч. пер.
  3. J. Szwaja, S. Waltoś, Pitaval krakowski, Warszawa 1962, s. 25.
  4. Петр Кмита (1477–1553) — польский государственный деятель, один из богатейших и наиболее влиятельных людей своего времени — Примеч. пер.
  5. Людовика Мария (Мария-Луиза Гонзага, 1611–1667) — королева Польши французского происхождения — Примеч. пер.
  6. тья», которое Морштын преподнес в качестве свадебного подарка Марысеньке д'АркьенМарысенька (Мари Казимира д'Аркьен, 1641–1716) — после смерти Яна Замойского супруга польского короля Яна Собеского — Примеч. пер.
  7. Щенсный (польск. Szczęsny) — мужское имя, соответствующее латинскому Феликс, то есть «счастливый» — Примеч. пер.
  8. Тарговичанин — член Тарговицкой конфедерации, союза польских магнатов под покровительством Екатерины II — Примеч. пер.
  9. J. Łojek, Dzieje zdrajcy; Szczęsny Potocki, Warszawa 1991, s. 38.
  10. Барская конфедерация — союз католической шляхты против введения равноправия для других конфессий и усиления влияния Российской империи — Примеч. пер.
  11. Кароль Боскамп-Лясопольский — дипломат, шпион и авантюрист на службе польского короля Станислава Августа Понятовского — Примеч. пер.
  12. Тульчин — город и замок на Подолье, с 1775 года резиденция Станислава Потоцкого — Примеч. пер.

Кристина Янда

Фото: Agencja Gazeta

Самая известная польская актриса, звезда кино и театра, блистательная исполнительница монодрам. Режиссер. Многогранная творческая личность. Основательница фонда и двух театров. Фельетонистка с активной жизненной позицией. Подвижница с титанической трудоспособностью, женщина из железа, человек-институция — Кристина Янда.

На данный момент это единственная современная польская актриса с неоспоримым статусом звезды, публика обожает ее так, как было принято обожать актеров в XIX веке, в «эпоху звезд». Ее подруга Магда Умер сказала: «По отношению к Кристе слово «звезда» — ничуть не преувеличение. Потому что она — действительно единственная в Польше звезда мирового уровня. Кристя не просто блистает, она невероятно талантлива»^[1] (и, как положено настоящей звезде, выпустила линию косметики под собственным именем). Яркая личность и актриса с огромным темпераментом.

Очередные поколения зрителей, которые ходили «на Янду» в театр «Повшехны», теперь ходят в основанные ею театр «Полония» и «Ох-театр». Каждый спектакль с ее участием заканчивается бурными овациями стоя. Публика особенно любит ее монодрамы, многие из них актриса играет много лет подряд (такие, например, как «Ширли Валетайн» Уилли

Рассела, премьера которой состоялась в 1990 году, но спектакль до сих пор собирает полный зал, а некоторые зрители видели его несколько десятков раз).

В течение своей карьеры Кристина Янда получила множество наград: «Золотую пальму» Каннского кинофестиваля, «Серебряную ракушку» на Международном фестивале в Сан-Себастьяне, «Золотого льва» Гданьского фестиваля. Она стала лауреатом плебисцита «Люди свободы» «за то, что доказала, что в свободной Польше можно использовать свободу для того, чтобы творить на ниве культуры и укреплять у публики потребность участия в культуре». В 1998 году журнал «Политика» провел среди своих читателей анкету «Конец века», в которой Янда вошла в группу самых выдающихся актеров XX века, а читатели журнала «Фильм», решили, что она заслуживает титул лучшей актрисы последнего 50-летия и награду «Золотая утка». Она сыграла пятьдесят ролей в художественных фильмах, сорок пять — в спектаклях телевизионного театра и более шестидесяти на сцене — от античности и Шекспира до современного польского и зарубежного репертуара. Каждая роль носит отпечаток ее сильной личности и профессионализма, каждая — незабываемое свидетельство актерского мастерства. В Польше нет человека, который не знает этого имени, не узнаёт этот голос. Она вызывает противоречивые эмоции — одни любят ее за талант, темперамент и политическую и общественную активность, другие ненавидят по тем же причинам.

Дебюты

Кристина Янда родилась 19 декабря 1952 года в Стараховицах. В детстве училась играть на фортепьяно, учила испанский и французский, ходила в музыкальную школу и балетную студию, читала по книжке в день (с фонариком под одеялом). Родители и бабушка с дедушкой поддерживали ее артистические устремления. Она закончила варшавский Художественный лицей, потому что хотела заниматься искусством, но учителя о ее работах говорили, что они «слишком театральны». Несмотря на это, Кристина писала картины, создавала скульптуры и композиции, а кроме того танцевала. Инстинкт и случай привели ее на экзамены не в Академию художеств, а в Высшую театральную школу в Варшаве, куда она поступила с первого раза. «В театральную школу я попала случайно и увидела, что это место, где ничего не надо уметь на самом деле, нужно иметь потребность творить, воображение, отвагу, нужно иметь сердце и быть

Человеком. С этим у меня проблем не было, а все остальные умения, которые я уже в некоторой степени получила, — могли мне пригодиться»^[2] — говорила актриса потом, хотя о самом обучении вспоминала, как о кошмарном сне.

С тех пор театр и актерская профессия стали ее настоящей страстью, и никогда не переставали быть таковыми. Янда дебютировала в 1974 году в театре «Атенеум» в роли Манекена 34 в гротескном спектакле по «Балу манекенов» Бруно Ясенского в постановке Януша Варминьского (сорок четыре года спустя она вернулась к этому тексту на сцене своего «Ох-театра», доверив постановку Ежи Штуру). В том же 1974 году она получила более значительную роль, сыграв Машу в легендарном телевизионном спектакле «Три сестры» Чехова, который поставил ее профессор Александр Бардини (хотя в стенах школы, он не раз говорил ей, что она — ненормальная). Эта роль открыла для актрисы дорогу в Театр телевидения, где она сыграла в нескольких десятках спектаклей. Янина Шиманьская писала: «настоящей дебютанткой была в этом спектакле Кристина Янда, впервые захватив зрителя в роли Маши силой внутренней сосредоточенности, осциллирующей на пороге истерики, но никогда не переходящей границы актерской дисциплины»^[3]. В день, когда спектакль показали по телевизору, большинство директоров варшавских театров позвонило ей с предложением работы. Она не знала, какую сцену выбрать, поэтому пошла в театр «Атенеум», где уже служил ее муж Анджей Северин (тоже известный актер, раньше бывший ее преподавателем в театральной школе). Ее сценическим дебютом в качестве штатной актрисы была роль Анели в «Девичьих клятвах» Александра Фредро в постановке Яна Свидерского. Это был период сотрудничества с выдающимися режиссерами (среди них Анджей Лапицкий, Агнешка Холланд), но одновременно, в некотором роде, время застоя, потому что все большие роли играла в этом театре Александра Слёнская, жена директора театра, Янде не удавалось попробовать себя в большом репертуаре.

Ее настоящая театральная карьера началась, когда спустя одиннадцать лет Зигмунт Хюбнер переманил ее в театр «Повшехны» и дал первую большую роль — роль Медеи. Анджей Мультановский писал тогда: «"Медея" в театре "Повшехны" — это шоу Кристины Янды. Эта роль вызывает уважение масштабом актерского дарования и задействованных средств, а также дисциплиной и самосознанием актрисы. Диапазон использованных приемов весьма впечатляет, от шепота до крика, когда эмоции уже нельзя выразить словами. В этой сыгранной с огромным напряжением и страстью роли,

мне кажется, есть что-то символическое»^[4]. Янда получила за эту роль множество театральных наград и с тех пор играет исключительно главные роли, привлекая в театры толпы зрителей, которые приходят на спектакли с ее участием главным образом, чтобы посмотреть на «саму Янду». Она сыграла в «Кошке на раскаленной крыше» Теннесси Вильямса (постановка Анджея Розжина), во «Федре» Расина (реж. Лацо Адамик), в спектакле «Мария Каллас — Уроки пения» по пьесе Терренса Макналли «Мастер-класс» (реж. Анджей Домалик), во «Фрёкен Юлии» Стринберга и «Двое на качелях» Уильяма Гибсона (оба спектакля в постановке Анджея Вайды).

Фетиш Вайды

Именно Вайда, один из самых выдающихся польских режиссеров, открыл ей дверь в мир кино, где ее карьера развивалась параллельно с театральной. На большом экране Янда дебютировала ролью Агнешки в фильме Вайды «Человек из мрамора». Агнешка — молодая, упрямая студентка киношколы, пытающаяся узнать правду о бывшем передовике производства Матеуше Биркуте. Позднее актриса призналась: «Это я предложила жест, с которого, как потом оказалось, начинается фильм. Съёмочная группа была в шоке. А Вайда согласился. В то самое мгновение, когда я согнула руку в локте и поцеловала кулак, я поняла, кто я. Я — та, которая должна бороться против всех»^[5]. Это была переломная роль в ее карьере, именно она определила направление поисков, стиль и поведение персонажей, которых актриса потом играла. Чаще всего это были обычные, но решительные и сильные женщины. Янда стала лицом так называемого «кино морального беспокойства», а фильм Вайды — одним из важнейших произведений этого направления. С Вайдой она сотрудничала так часто, что ее называли его актрисой-фетишом. Она играла в «Человеке из железа», в котором режиссер рассказал о начале движения «Солидарность», в фильмах «Без наркоза» и «Дирижер», где сыграла скрипачку Марту, влюбленную в дирижера, человека значительно старше и опытнее ее. Спустя много лет Янда вновь снялась у Вайды в очень личном фильме «Камыш», посвященном ее второму мужу, кинооператору Эдварду Клосиньскому, тесно сотрудничавшему со знаменитым режиссером. Этот фильм Янда считает своим самым большим кинематографическим успехом.

Актриса снималась в одном фильме за другим, иногда с ее участием выходило по четыре фильма в году. После «Человека

из железа» появились предложения о сотрудничестве с зарубежными кинематографистами. Она снялась, в частности, в картине Хельмы Сандерс-Брамс «Лапута», в получившем Оскара «Мефисте» Иштвана Сабо. Однако, наверное, ее самой знаменитой ролью стала беспрецедентная в истории польского кино роль Антонины Дзивиш в «Допросе» Рышарда Бугайского. За портрет человека, противостоящего преследованиям и террору, она получила награду для лучшей актрисы на Каннском кинофестивале. «Сегодня я не смогла бы сыграть так, как в «Допросе». То, что я там играю, выходит за границы профессионального мастерства, а такого эмоционального состояния я в себе теперь, наверное, уже не нашла бы. Я хотела в роли Тони выразить все, что я знаю об этой страшной системе, все, что по отношению к ней чувствую»,^[6] — сказала Янда.

Она сотрудничала также с другими выдающимися режиссерами, снялась в картине Кшиштофа Занусси «Всё, что мое», в «Любовниках моей мамы» Радослава Пивоварского, у Кшиштофа Кеслёвского — в «Декалоге 2» и в «Коротком фильме об убийстве». В биографическом телевизионном сериале «Моджеевская» она сыграла роль выдающейся польской актрисы XIX века, а также сняла телевизионный сериал «Мужское-женское», сценарий которого, с прицелом на женскую аудиторию, она написала сама.

Самая худшая и самая лучшая певица

Много снимаясь и играя в театре, Кристина Янда тем не менее находила время для пения, пользуясь успехом также и в этой области. В 1997 году она дебютировала на эстраде на XV фестивале польской песни в Ополе, исполнив песню Марка Грехуты «Жевательная резинка». Благодаря полному энергии исполнению, — многократно показанному потом по телевидению — вся Польша узнала Янду как вокалистку. Она до сих пор выпускает диски и поет во время спектаклей. Актриса сыграла худшую певицу на свете Флоренс Фостер Дженкинс в спектакле по пьесе «Великолепно!» Питера Квилтера (его телевизионную версию посмотрел каждый пятый поляк). А потом — лучшую оперную певицу в спектакле «Мария Каллас. Мастер-класс». Обе постановки до сих пор пользуются бешеным успехом у зрителей, а количество показов перевалило за сотню. Якуб Панек написал: «Спектакль «Мария Каллас» — это урок профессионализма, самое лучшее представление в репертуаре обоих театров Янды и

доказательство того, что для польской культуры Янда является тем, чем для мировой оперы была Мария Каллас – это явление»^[7].

Ее пение, однако, вызывает дискуссии. Одни сходят с ума на ее концертах и плачут, слушая песни в ее исполнении, другие утверждают, что она — не настоящая вокалистка и больше кричит, чем поет. Сама Янда на вопрос, почему драматическую актрису тянет петь, ответила: «Когда я пою, случается, что мне удается добиться высшей цели — публика безумствует. Я вижу, что вызываю у зрителей такие эмоции, которых никогда не видела в драматическом театре. Ни одна роль не принесла мне столько теплых слов (...). А кроме того, актеры обожают микрофон. Единственная возможность его использовать без угрызений совести — петь. Это единственное алиби. Вдруг при помощи техники можно стать суперменом. Сила, которую таит в себе микрофон, — невероятна. Мы начинаем парить»^[8].

Актриса-режиссер

В девяностых Янда пробует себя в качестве режиссера, дебютируя в этой области как в кино, так и в театре. В 1995 году она снимает по роману Анки Ковальской мелодраму «Косточка», в которой исполняет главную роль. Жюри Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыни признало картину Янды лучшей в категории «Дебют». В театре «Повшехны», где она служила актрисой, Янда поставила два спектакля — «На стекле нарисовано» Эрнеста Брылля и Катажины Гэртнер и «Барышню Тутли-Путли» Станислава Игнация Виткевича. Однако теснее всего в это время она сотрудничает с программой «Театр телевидения», подготовив премьеры «Хедды Габлер» Генрика Ибсена, «Сида» Пьера Корнеля, «Физиологию брака» Оноре де Бальзака, «Клуб холостяков» Михала Балуцкого, «Ревность» Эстер Вилар и «Свободную пару» Дарио Фо (2000), где вместе с Марком Конратом сыграла забавную супружескую пару^[9]. На ее счету — двенадцать постановок в программе «Театр телевидения», в большинстве из которых она также выступила как актриса.

Год 2000 был для Кристины Янды очень интенсивным, почти весь она провела в дороге. В рамках проекта «Сто лиц Кристины Янды» она сыграла 48 спектаклей в восьми крупнейших городах Польши. Это было самое большое театральное турне в истории польского театра — именно с этого момента начинают говорить о ее «титанической трудоспособности».

В этом же году актриса начала вести блог, ставший архивом ее деятельности. Она описывает в нем театральные кулуары, подготовку премьер, иногда описывает сценки из личной жизни, делится своими переживаниями и размышлениями на общественно значимые темы. Она ведет его до сих пор и сама говорит о нем так: «Мое приключение с интернетом началось в 2000 году. Меня просто захлестнули возможности, которые открывались благодаря нему. Мне нравилось, что я могу общаться со зрителями так, как я хочу и когда я хочу, информировать обо всем, над чем работаю, дружить с людьми. Я начала писать каждый день и это стало чем-то вроде потребности или даже зависимости. Конечно, то, что я писала, это была гремучая смесь всего на свете, как обычно у меня бывает: кулинарные рецепты вперемешку с воззваниями к фанатам театра или даже гражданам вообще. Интернетный дневник, в котором царит настроение данной минуты»^[10]. Эти ежедневные записи, которые регулярно читают сотни тысяч фанатов со всего мира, вышли также в книжных версиях: «Дневники 2000–2002», «Дневники 2003–2004», и последний том «Дневники 2005–2006».

Развитие культуры

Последние «Дневники» прежде всего рассказывают о самом важном проекте в жизни актрисы. В 2004 году она основала Фонд развития культуры Кристины Янды, главной целью которого являются поддержка и распространение культуры, стремление сделать театр более доступным, забота о культурных потребностях людей «исключенных» и помощь молодым артистам. Свои цели фонд реализует благодаря двум основанным Яндой театрам — в 2005 году в здании бывшего кинотеатра «Полония» открылся театр под тем же названием (это был первый частный драматический театр в Варшаве), а в 2010 году кинотеатр «Охота»^[11] изменил название на «Ох-театр». Актриса с помощью семьи и друзей отремонтировала оба здания, а потом набрала труппу и создала репертуар. Янда занимает пост художественного руководителя в обоих своих театрах, постоянно в них играет и ставит спектакли. Театры Янды предлагают зрителю интеллектуальное развлечение высокого уровня, спектакли в звездном составе пользуются огромным зрительским успехом: ежедневные аншлаги тому доказательство (это при том, что постановки идут одновременно в двух театрах, сразу на нескольких сценах). На спектакли, в которых играет сама основательница, билеты надо покупать за несколько месяцев вперед. Говорят, что все, к чему

прикасается Янда, превращается в золото. О ней пишут дипломные работы в университетах, анализируя феномен Кристины Янды и успех театра «Полония». На вопрос, как ей все это удастся, она ответила: «Во-первых, я знаю своего зрителя. Знаю как актриса. Ведь я тридцать лет встречаюсь с ним почти каждый вечер. Во-вторых, у нас с моей публикой похожие вкусы. Я знаю, что ее тронет. В-третьих, я достаточно умна, по крайней мере, в профессиональном плане. Я на уровне интуиции чувствую, что в данный момент может понравиться. А кроме всего прочего, я действительно тяжело работаю, без перерывов и халтуры. Я никогда не даю зрителям повода подумать, что делаю что-то спустя рукава. Я с чистой совестью могу утверждать, что за все эти годы ни одного спектакля я не сыграла вполсилы», всегда выкладывалась по полной»^[12].

В своих театрах она выкладывается по полной и делает все — управляет, ищет дополнительное финансирование, играет во множестве спектаклей, но прежде всего — ставит. «Появляется вопрос почему актриса такого масштаба так активно уходит в режиссуру и так сильно концентрируется на монодраме, в которой играет все роли — и режиссера, и соавтора сценария, и исполнителя. Мне кажется, она звезда по своей природе и не любит подчиняться воле режиссера, у которого может быть свое виденье как целого спектакля, так и ее роли»,^[13] — писал Ольгерд Блажевич. Ее собственные постановки (а их уже более сорока) не выходят «за рамки дозволенного», не шокируют зрителя, что в современном театре становится почти правилом. Ее можно отнести к направлению «театр середины», которому близки обычные человеческие дела и заботы, «театр для всех», хотя и ходит в него в основном мещанская публика, прежде всего женщины.

Ведь Янду интересуют именно их проблемы, им адресует она свое творчество. С самого начала существования «Полонии» она ставила пьесы о женщинах, часто написанные женщинами. Первым таким спектаклем была «Штефица Цвек в когтях жизни» по роману Дубравки Угрешич, остроумно рассказывающему о жизни девушки, борющейся с депрессией из-за отсутствия любви. Несмотря на трудную тему, повествование насыщено теплой иронией. На премьере Янда сказала, что ей слишком много лет, чтобы делать грустные спектакли. И она продолжает в том же духе — выбирает пьесы, поднимающие серьезные проблемы, но написанные с юмором и не лишенные надежды. Первая монодрама, которую Янда поставила в своем театре, была именно такой — трагические события переплетались с комическими эпизодами. Успех был невероятный, впрочем, как всегда. «Ухо, горло, нож» Верданы

Рудан — это спектакль о полу-сербке, полу-хорватке, которая пытается найти для себя место в послевоенной балканской действительности. Анджей Дзюрдзиковский назвал спектакль «великим, потрясающим монологом» и, развивая мысль, объяснил: «Актриса в течение почти двух часов держит контакт со зрительным залом, создает и контролирует эмоциональное напряжение, чтобы закончить спектакль на самой высокой ноте, после которой может наступить только тишина. И такая тишина — самая прекрасная вещь в театре — длится долго, пока зал не взорвется аплодисментами»^[14]. Потом она поставила еще пьесу Джоанны Мюррей-Смит «Женщины в критической ситуации», состоящую из пяти монологов и пяти разных историй современных женщин.

3 декабря 2006 года, в день премьеры «Трех сестер» Чехова, которая открывала сезон на Большой сцене театра «Полония», Янда написала в своем блоге «Пусть эта сцена будет самым счастливым местом, пусть молодежь на ней играет, дебютирует и стремится к мастерству, добивается успехов и тренирует воображение, чувства и разум. Пусть учится профессии, уважению к литературе и зрителям, к слову, традиции и искусству. Я бы так хотела, чтобы каждый вечер на этой сцене происходило что-то, если не прекрасное, то хотя бы честное и умное!»^[15].

В 2007 году актриса была в Италии, где она все лето играла на рынках и в парках с итальянской театральной труппой «Бал манекенов» Бруно Ясенского в постановке Джованни Пигмалионе. Под влиянием этого опыта Янда решила «идти в народ» и ставить спектакли на открытом воздухе, в городском пространстве, чем окончательно завоевала сердца варшавян. Первым спектаклем, который актеры играли на открытом воздухе недалеко от театра «Полония» был «Плач на площади Конституции» Кшиштофа Бизё. Текст адаптировала и художественную опеку над спектаклем осуществляла Янда. Спектакль рассказывал о проблемах женщин трех поколений. На спектакль приходили толпы, за лето его сыграли 37 раз. «Слова актрис слышны зрителям, но через секунду их поглощает городской шум. Город движется вперед, театр не задержит его ни на минуту. Площадь Конституции с окружившей сцену толпой, мигающими фарами машин, скрежетом трамваев — это не только сценография спектакля. Это естественная среда трех женских историй, рассказанных театром «Полония» (...). Кристина Янда вышла из «Полонии», чтобы садануть Варшаве театром прямо между глаз. Забудьте об уличной фиесте, на площади Конституции играют жизнь,»^[16] — написал тогда Яцек Вакар. С тех пор уличные спектакли стали

традицией (каждое лето ее актеры играют от сорока до семидесяти представлений), в репертуар вошли спектакли для детей, появилась также вторая сцена на открытом воздухе перед «Ох-театром». Новые, часто случайные, «уличные» зрители часто потом возвращаются в театр и смотрят представления на традиционной сцене.

Янда прекрасно справляется с самыми разными формами и темами. Жанры полегче обычно предназначены для сцены «Ох-театра», например, она с успехом поставила мюзикл «Кафе „Багдад“» Перси Адлона и Боба Телсона, кабаре «Бог» Вуди Аллена, смешавшие зрителей всего мира комедии Рэя Куни «Слишком женатый таксист» и «Слишком женатый таксист 2», а также «Любовь блондинки» Милоша Формана, предметом для шуток в которой становится наивность женщин и незрелость мужчин.

Янда не боится и серьезных тем, которые поднимает на сцене театра «Полония». «Белая блузка» — популярная в Польше монодрама по рассказу Агнешки Осецкой — это история женщины, которая не в ладу ни с сама с собой, ни с Польшей времен военного положения. Спектакль «Данута» посвящен жене Леха Валенсы и основан на фактах ее биографии. Актриса-режиссер использовала в нем эффект отчуждения — она рассказывала о жизни первой дамы, оставаясь собой, то есть варшавской звездой, которая даже на кухне не снимает шпилек — этот прием еще выразительней показал драму женщины, чья жизнь протекала в тени мужа. Свое шестидесятилетие Янда отпраздновала премьерой спектакля «Долгий день уходит в ночь» по знаменитой пьесе Юджина О'Нила, «написанной слезами и кровью». Ее следующий спектакль — «Матери и сыновья» — это история матери умершего от СПИДа юноши, которая навещает его бывшего партнера и не может смириться с фактом, что ее сын был геем. «В спектакле «Матери и сыновья» Кристина Янда напоминает городу и миру, что она — великая актриса. И хотя сама она утверждает, что сыграть суку особого труда ей не составило, то все же в этой постановке она пишет свою суку, используя всю палитру. (...). И думаю мне, что этот трогательный, задевающий за живое (и с огромной энергией сыгранный) спектакль — это не только голос в дискуссии о толерантности, не только честь, отданная тысячам жертв неизлечимой болезни, с которой тогда не умели бороться»,^[17] — написал о спектакле Рафал Туровский.

Национальное достояние

19 декабря 2016 года, в день рождения Кристины Янды, театральный блогер Влодзимеж Нейбарт написал на своей страничке в фейсбуке: «С самого начала карьеры актриса прекрасно понимает, что и зачем она делает, она всегда безупречно подготовлена и всегда стремится к самому высокому уровню своей работы. Она когда-то сыграла Моджеевскую, и во многом на нее очень похожа. Янда это кто-то, для кого в искусстве нет понятия «невозможно». Она, как мало кто, чувствует сцену и умеет «подкупить» публику. Не считая интернетных хейтеров, которым мешают главным образом ее взгляды и активность в общественной и политической сфере, трудно найти конструктивную критику, касающуюся ее работы. Ольгерд Блажевич написал: «Какая она актриса? Я бы сказал — великая. Но не всегда, не в каждой роли. Я видел ее на сцене в ролях, которые ей решительно не удались. Например, леди Макбет в шекспировской трагедии в театре «Повшехны», где она, видимо, неудачно вписалась в режиссерскую концепцию и провалила роль с грохотом»^[18]. Это один из немногих критических голосов, который к тому же негативно оценивает не саму актрису, а лишь одну ее роль. Потому что Кристину Янду все просто обожают — она завоевала сердца критиков, но прежде всего — зрителей. Не зря же ее называют польским «национальным достоянием».

Перевод Ирины Лаппо

-
1. R. Wojciechowska, Gwiazda z turbodoładowaniem, „Polska Dziennik Bałtycki”, 19-12-2007.
  2. K. Janda, Krystyna Janda, rozmowę przepr. A. Sołtysik, [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://kobieta.onet.pl/uroda/krystyna-janda/99jow8n>.
  3. J. Szymańska, Trzy siostry po latach, „Ekran” 1984, nr 9.
  4. A. Multanowski, Casus: Janda, „Tygodnik Kulturalny”, 19.06.1988.
  5. Ł. Maciejewski, Aktorki. Portrety, Wyd. Znak, 2015.
  6. K. Janda, B. Janicka, Gwiazdy mają czerwone pazury, Wyd. W.A.B, Warszawa 2013.
  7. J. Panek, Janda wraca jako Callas i daje lekcję profesjonalizmu, „Gazeta Wyborcza” 12.09.2015.
  8. K. Janda, Szepty, krzyki i emocje, rozmowę przepr. D. Wyżyńska, „Gazeta Wyborcza – Gazeta Stołeczna” 1999, nr 195.
  9. Этот спектакль она позже поставила в своем Театре Полония.

10. Krystyna Janda: "Pisałam z potrzeby i zachwytu". Premiera trzeciego tomu "Dziennika", rozmowę przepr. D. Wyżyńska, [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://cojestgrane24.wyborcza.pl/cjg24/1,13,23506238,146964,Krystyna-Janda%E2%80%94Pisałam-z-potrzeby-i-zachwytu%E2%80%94P.html>
11. От названия варшавского района Охота, в котором располагался кинотеатр — Примеч. пер.
12. R. Wojciechowska, Gwiazda z turbodoładowaniem, op. cit.
13. O. Błażewicz, Fenomen Krystyny Jandy, „Głos Wielkopolski” 2006 nr 47.
14. A. Dziurdzikowski, Wstrząsający monodram Krystyny Jandy w nowym Teatrze Polonia, [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://teatrpoleonia.pl/pr/244761/wstrzasajacy-monodram-krystyny-jandy-w-nowym-teatrze-polonia-244761>
15. K. Janda, Dziennik 2005–2006, Wyd. Prószyński i S-ka, Warszawa 2018.
16. J. Wakar, Krzyk prosto w serce, „Dziennik” 2007, nr 156.
17. R. Turowski, Matki i synowie, [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://teatrpoleonia.pl/pr/318193/matki-i-synowie>.
18. O. Błażewicz, Fenomen Krystyny Jandy, op.cit.

Письма Юлиуша Словацкого

Письма Юлиуша Словацкого дают необыкновенно живописный образ поэта, который в роли корреспондента предстает во многих ипостасях — художника, патриота, сына, друга и т.д. Обреченный на эмиграцию и бесконечные скитания, он так и не сумел найти свое место в мире. Состояния меланхолии, безразличия и печали сменялись периодами интенсивного творчества, когда Словацкий полностью отдавался работе над тем или иным произведением. Утешением в мгновения одиночества становились сильно идеализированные воспоминания о детстве, родном доме, минутах, проведенных с близкими. Человеком, которому поэт доверял все свои заботы и печали, была его мать, с которой его связывали особые эмоциональные узы.

Юлиуш Словацкий испытывал постоянное чувство вины оттого, что не принял участия в Ноябрьском восстании 1830 года, однако решил реабилитировать себя, сражаясь при помощи слова. Поэт осознавал мощь этого оружия, способного преобразить мир, однако понимал также и связанные с этим ограничения. В особенности подобного рода мысли преследовали его по ночам, и тогда он, глядя на звездное небо, молился за Польшу. В письме к Зигмунту Красиньскому Словацкий писал: «через звезды и синь — я с отчизной моей».

Чуткая, страдающая душа поэта подверглась влиянию товянизма. Хотя поначалу Словацкий достаточно критически относился к идеям, провозглашаемым пророком из Литвы, однако в конце концов пожелал стать апостолом новой веры. Круг Божьего Дела, к которому присоединился поэт, дарил ему чувство общности, братства и единства, что для терзаемого одиночеством эмигранта имело огромное значение. Однако не все взгляды товянистов были Словацкому близки, его отталкивал формальный и официальный характер многих шагов, предпринимаемых Кругом, поэтому поэт принял решение выйти из него.

В своих письмах Словацкий предстает поэтом, мистиком, но также и язвительным летописцем эмигрантской жизни, наконец денди.

Составитель, редактор и автор предисловия Катажина Гендас

Источники: J.Słowacki, Listy do krewnych, przyjaciół i znajomych (1820–1849), oprac. J.Pelc // J.Słowacki. Dzieła, t.XIV, Wrocław 1959; J.Słowacki, Listy do matki, oprac. Z.Krzyżanowska // J.Słowacki. Dzieła wybrane, red. J.Krzyżanowski, t.6, Warszawa 1983.

Матери^[1]

18 декабря, Женева 1834 г.

Возлюбленная моя Мама!

И вновь столь продолжительно Твое молчание, дорогая мама, а мне так не терпится получить известие, присоединилась ли ты уже к семье Теофила^[2] или же твои долгие зимние вечера по-прежнему одиноки? Что до меня, никогда еще моя зима не была столь печальна. Не знаю, отчего, но меланхолия и безразличие, более глубокие, чем когда бы то ни было, одолели меня. Целые дни провожу в доме у камина, долгие вечера в эти два месяца посвящал творчеству — лишь несколько дней назад я завершил свой труд... и теперь ощущаю словно бы онемение... Мне чудится, что в эти мгновения напряженный разум развертывается подобно струнам некоего инструмента — и спустя несколько дней я вернусь к абсолютной тишине обыкновенной жизни. Это — печально!.. По вечерам не станут мне являться призраки, не улыбнется идеал красоты — а ведь столько идеальных фигур прошло за эти два месяца через мою комнату. Иные вышли в окно, иные сгорели в пламени камина, а некоторые были засушены между листами бумаги, будто анютины глазки или другие бедные цветы.

Панна Эглантина^[3], зная, что я пишу тебе, Мама, прервала нить моего письма и, полагая, будто я хвалюсь тебе своею добротой, написала на полях возражение — а причина в том, что во мне до сей поры много детства. Часто, погрузившись в раздумья, я при этих женщинах жалею себя, точно дитя, говоря вслух: «*rauivre Lulli!*»^[4], часто сам себя хвалю, говоря: «*bon Lulli!*»^[5]. Я сам придумал уменьшительное от своего имени, дамы уже привыкли и часто называют меня Люлли... И в самом деле, кто мог бы быть менее непохож на дитя... а потому противоречие имени и моего опечаленного облика представляется, процитирую Кохановского, чрезмерным. Панна Эглантина полагала, что все мое письмо к тебе, Мама, будет исполнено восклицаний: «*bon*» или «*rauivre*» Люлли — а

потому против первого возразила, против второго возразить не могла, ибо я и в самом деле бедный! Ни доброго настоящего, ни золотой надежды. Не опасайся я излишне романтического сравнения, сказал бы, что со своими мыслями подобен псу, который пытается изловить сам себя за хвост и все крутится на одном месте, пока наконец, утомленный, не упадет и не уснет перед камином.

В этом году, Мама, именины Твои я провел в одиночестве... С утра прочитал в газетах весьма дурные новости — потом по ряду других причин испытывал такую печаль, что после обеда поспешил скрыться в своей комнате... Там я, как ты, Мама, имела обыкновение делать, загасил свечу... огонек на камине давал мне немного света — одинокий, молчаливый, я размышлял о разных временах — о разных вечерах — а когда часы громко пробили у меня над головой семь — некогда столь великий час — слезы ручьем хлынули из моих глаз — и я ходил по комнате — и молился — и плакал... В тот вечер не теплилось во мне ни искры надежды... Что же ты, дорогая Мама, делала в семь часов в день Твоих именин? — Этот вечер Твоих именин прервал ход моих мыслей — я почувствовал, что достиг уже того возраста, когда слезы вредны — ибо на завтра сделался еще более мрачен... Домочадцев моих также мучают разные печали — и дела — словом, все в нашем доме имеют нахмуренный лоб. В самом деле, как тут не сделаться чудаком — куда ни ступишь, все озабочены, все плачут. Будь уверена, дорогая Мама, что и под другими небесами люди не счастливее, чем под нашими тучами... но стоит ли этому радоваться? Надобно непременно какого-то поэтического мира — надобно непременно надеть на нос другие очки, а не эти линзы глаз наших.

После последнего моего письма, за минувший месяц я написал новую театральную пьесу — что-то вроде трагедии под названием «Балладина»^[6]. Из всех вещей, которые мне до сих пор удалось измыслить, эта трагедия лучшая — тем более, что она отворила мне новый путь, новый поэтический край, куда не ступала нога человека, край более просторный, нежели эта бедная земля, ибо идеальный. Ты увидишь когда-нибудь, дорогая Мама, что это за дивный край — и времена. В целом трагедия напоминает старинную балладу, написана так, словно простым людом сложена, совершенно против исторической правды, порой против какого бы то ни было правдоподобия. Что касается, однако, людей, я старался, чтобы они были правдивы, и чтобы в их сердцах заключены были наши сердца... Не могу здесь дать тебе, дорогая Мама, точное представление о драматизме моей трагедии. Если она и сродни какой-либо известной пьесе, то, пожалуй, «Королю Лиру» Шекспира. О,

если бы она когда-нибудь встала в один ряд с «Королем Лиром»! Шекспир и Данте теперь — мои любимцы — уже два года. Чем больше я вчитываюсь в обоих, тем больше вижу красоты. Мама моя, как бы я был счастлив, если бы мог с этими двумя мертвецами посидеть под какой-нибудь липой — или дубом, рядом с моей собственной хатой — на моей родной земле — и мечтать — и писать мечты — и беседовать с Тобой, дорогая Мама — и страстно рассказывать Тебе о моих поэтических планах, как некогда. Здесь я так одинок оттого, что никто не слушает моих мечтаний. Как хорошо Шекспир рисует это состояние в «Ричарде II». «К чему же мне тогда язык во рту? Нет пользы в нем, как в арфе, струн лишенной, Как в редкостном и дивном инструменте, Когда он под ключом иль дан невежде, Который не умеет им владеть. Вы заперли во рту язык мой бедный Решеткою двойной зубов и губ... Я стар, чтоб вновь учить слова от няньки, По возрасту не годен в школяры. Речь предков у скитальца отнимая, Твой приговор жесток: в нем — смерть немая»^[7]. Эти слова я читаю неизменно с глубокой печалью, хотя признаю, что счастливее рыцарей Шекспира, ибо не нуждаюсь в няньке, чтобы выучиться французскому — и умею объясниться с людьми — но все равно печально.

Городок наш этой зимой довольно скучен для тех, кто желает увеселений. Театр так дурен, что, однажды посетив его, я полностью удовлетворил свой интерес. Я живу за городом и не испытываю желаний в холодные и ветреные вечера брести в такую даль в поисках скуки. Прошлогодний театр, немногим лучше нынешнего, обанкротился — поскольку здесь зараза методизма так овладела богатыми семьями, что почитая театр грехом и дьявольским искушением, они пытаются всеми способами изгнать актеров и, никогда не посещая театр, лишить его доходов. Несколько семей в столь скромном городке — это очень весомо. Что за диковинные вещи творятся на свете. Мне кажется, люди эти оскорбляют Бога, не пользуясь невинными удовольствиями жизни, которые Он им ничем не омрачил, кроме недугов, не зависящих от человеческой природы. Пускай Бог сделает меня богатым банкиром в нашей столице — и увидит, как я стану веселиться...

Зима у нас в этом году по сравнению с прошлыми суровая. Три дня назад выпал снег — я радовался как дитя виду белой земли и заснеженных елей перед моими окнами и одновременно испытывал своего рода печаль. Разные воспоминания наполнили мою голову, прежде всего воспоминания о последнем Рождестве, когда я учился в Университете^[8]. Когда я глядел на снег, мне чудилось, что я подкатываю с бубенцами к

яшунскому^[9] крыльцу... А потом я вышел в сад и лепил снежки, и бросал их в северный ветер, словно на воображаемую фигуру прошлого. Хотел ее снежками забросать...

Почти каждый день, когда я гляжу на огонь в моем камине, передо мной встает твой образ, Мама — как ты лежишь вечером на небольшой софе у окна в средней комнате напротив пылающей печи. Теперь, когда снова приближается Рождество, я желал бы, чтобы кто-нибудь мог спеть мне колядку, которую я слышал в последний год в Кременце. Все, что кануло в прошлое, имеет для меня теперь ангельское обличье и ангельский глас.

Новая поэма Адама^[10] также пробудила во мне множество звуков прошлого. Очень красивая поэма — подобная роману В. Скотта, написанному в стихах. Дворянская усадьба — нарисована превосходно; героиня поэмы, хоть и пасет гусей, заключает в себе некую свежесть прежних описаний — нечто поражающее своей простотой... Много описаний мест — неба — прудов — лесов, выполненных рукою мастера. Природа вся живет и чувствует. Поэма скорее шутливая, нежели печальная — но часто в самых веселых на первый взгляд местах охватывает печаль. Это поэма совершенно иного рода, чем все прежние произведения Адама. Прежде всего есть в этой поэме описание охотника, дующего в охотничий рог, чудесное описание — оно немного напомнило мне пана Якуба^[11] трубящего в лесу, и второе — описание еврея, играющего на цимбалах — также прелестное... Что касается самого автора, из П[ариза] мне пишут, что ему хорошо живется с молодой женой — и жена эта будто бы красавица и хорошо играет на фортепиано. Неудивительно, ведь это дочь Шимановской^[12]. Каждый вечер множество наших братьев сходятся в квартиру поэта — и развлекают его — а он, пуская дым из трубки, слушает и улыбается. Что за контраст с моими одинокими вечерами! Если будет на то воля Божья, да пребудет он со мной в этом печальном скитании моей жизни.

Дорогая, любимая Мама! Только Ты не покидай меня мыслью своей, ибо так я менее одинок, чем многие, поскольку знаю, что обладаю тем, в чем люди могут мне позавидовать — Твоей привязанностью. Когда перед сном я думаю о своем положении, у меня порой волосы встают дыбом. Кроме моих хозяек, которые очень меня поддерживают, нет у меня друзей на этом белом свете. Как-нибудь да будет... Желаю Тебе, дорогая Мама, хорошего года. А кто знает? А может?... это странное слово «может» заключает в себе волшебные звуки золотой арфы. Малейший ветерок наигрывает на струнах наших

мыслей это слово «может» и всегда только «может»... Это слово, наверное, существовало еще до сотворения мира. Предостереги меня, любимая Мама, если я начинаю впадать в мизантропию, но мне кажется, что нет — это лишь печаль, характерная для моей натуры и времени, в которое, по воле Божьей, погружен мой разум. Дорогая моя Мама, что Ты скажешь, получив столь пустое письмо — наполненное одной лишь пустой болтовней? Правда, если бы всего меня вбить молотом в письмо, оно не было бы более интересно, чем этот кусок бумаги. Думаю — мечтаю — а порой жду и надеюсь. Дорогая Мама, не теряй и ты надежды и моли Бога страстно — страстно — дабы он привел нас в тихую гавань.

[Твой] любящий Юлиуш

Анджею Товяньскому^[13]

[Париж, 1843 г.]

Пишу Тебе, Брат Анджей, чтобы высказать Тебе из глубин души моей — слова, которые я прежде прятал от мира, тяжестью сей тайны обременяя лишь себя, дабы я не мог быть никоим образом духом Твоим обвинен перед Богом как тот, кто отъединяет мир от дела духа — [виновный] в скандальной истории. Когда ты открылся, я принял свидетельство братьев моих, свидетельствующих о Тебе, уверовав, примкнул к их чувству, поверил в чистоту Твою, был верен, в поступках моих старался быть совершенен, в трудах моих — помогать тебе, в служении делу — быть первым, в телесном порядке Круга^[14] — последним. Если душой ты этого не чувствовал, то знай, а правдивые люди подтвердят, что так оно и было. Выход мой из Круга тихий, Тебя никоим образом не оскорбляющий, заставил Тебя высказаться, доверив свои слова бумаге, в которой Ты осудил мой дух, будучи отважным в суждениях — бессильным в осуждении.

Адаму Мицкевичу^[15]

[Париж (?), 1845 г.]

Брат Адам!

Напоминаю Тебе, что принятый в братья вашего Круга Анджеем Товяньским, который публично назвал меня братом,

я в первый день октября 1843 года^[16] в письме к братскому Кругу отнюдь не отрекся от братства, но наложил вето духа польского против русских стремлений, склоняющих к мессе и публичной службе не нашей веры и не нашей идеи.

Напоминаю, что и тогда, и поныне вето мое, не снятое с Круга, остается навеки, а следовательно, делает незаконными и тщетными любые шаги, которые Круг в подобном духе, связующем нас с Россией, предпримет.

Я также требую, чтобы об этом новом протесте против склонения польского духа перед императором Николаем — было в Круге объявлено.

Оставляя за собой дальнейшую свободу предпринимать шаги, которые сочту необходимыми для спасения духа отчизны моей...

За отсутствием актов, в которые я мог бы внести сей протест, заявляю, что доверяю его памяти народа моего.

Брат

Юлиуш Словацкий

Зигмунту Красиньскому^[17]

Париж, 26 (?) января 1846 г.

Ты спрашиваешь меня с нежностью едва ли не материнской или сестринской, страдаю ли я... я давно уже не слышал подобного голоса, ибо люди, которые приближались ко мне, словно к загнанной кляче — всякий видел измученные бока и кровь на содранной коже моей, и ни один не умел ничего сказать, молвил лишь одно слово, которое полагал ободрением и поощрением, это слово: «Отчего ты не тянешь?» А сами они не хотели и пальцем коснуться моего бремени, уходили прочь, оглашая всем, будто я одиночка, ворчун, лишний среди людей, обуянный гордыней; а под конец и вовсе приписывали мне слова, суждения и даже тексты, моими не являющиеся, испытывая, насколько глубок во мне этот покой, который — как и Ты сам считаешь — я из гордости возложил на лицо свое, будто маску, которую вынужден носить на этом последнем редуте современности...

Покой мой является подлинным, однако не означает отсутствия страдания. Я страдаю, ибо передо мной великая

цель, а силы на исходе... Представь себе, что человечество — мое дитя, и это дитя терзаемо болезнью и конвульсиями, а я знаю о том, что существует лекарство, имеющее целебную силу, но мысль моя изнурена болезнью — отказывается вложить в мои уста имя этого зелья, о котором вчера я знал наверняка; представь себе подобное состояние отца, и ты поймешь, что представляет собой мое одиночество и над чем трудится мысль, к прочим вещам уже равнодушная.

Мне удивительно, дорогой мой, что после стольких лет в Тебе не зародилось даже интуитивного разумения начатого здесь дела; это не идея, не набор новых идей о мире, не человек, это подлинное начало нового мира в давно страдающем материнском духе человечества. Не гляди, мой дорогой, на сценическое воплощение этой идеи, не ищи тайны духа в букве, но поверь мне, что идея эта подобна новому ключу, раскрывающему знание о человеке. Нас обвиняют в туманности мистицизма, а мы, напротив, ощутили в себе рухнувшие тайны. Разве наша вина, что мир предпочитает по-прежнему предаваться гамлетовским сомнениям?

Есть два пути, которыми дело это будет совершаться: первый — живой, и именно его избрали мои братья; если Бог им поможет и избавит от многих характерных человеческих изъянов, они откроют новую эпоху мира — и эту эпоху, согласно образу действия, ты назовешь *sancta*.

Если им не удастся, то по-сократовски будет совершена революция — медленная, без какой бы то ни было мирской славы для революционеров; эпоха в плане событий подобная, но с большими для эмоциональных сил потерями, эпоха *sacra*...

Жалей человека, которому бы пришлось на фиаско первых строить вторую. Не удивляйся, что человек такой стоит в стороне, взглядом своим ужасает потрясенных, удерживает тянущиеся к храмам толпы, и тем не менее молится за них, им помогает, а сам просит от бремени своего избавления у Господа... Жалок удел этого дела, служи ему лишь перо и чернильница...

Ты спросишь меня, отчего я не тружусь на первом пути; отвечу Тебе просто: «Тело мне не повинуется, а без тела я лишен необходимой энергии, мне не хватает той неизменной искры в глазах, что остановила бы идущих неверным путем — трудами моими, мне не хватает тех львиных прыжков, что необходимы для борьбы с убаюкивающей болтовней некоторых... Следовало бы взять в руку простой посох, обуть деревянные башмаки — и идти к прусской молодежи; я не в силах...»

«Три года я боролся за то, чтобы поставить свое тело на ноги, не прибегая с этой целью ни к лекарствам, ни к помощи докторов; более того, вопреки советам лекарей трижды ездил на море, сражался с волнами, с вихрем, страшному ненастью велел вливаться в мою кровь, солнце пил глазами и устами. Ничто не помогло: эта осень была для меня тяжела, а люди — еще большим, нежели осень, бременем. С безразличными мне не по пути; если Господь не пошлет мне новых, я останусь одиноким, не издав и слова жалобы...»

Вот Тебе мой искренний ответ на вопрос, что я делаю и что делать намерен; позволь теперь спросить Тебя, мой Зигмунт, каковы Твои окончательные цели; ибо Ты не можешь подобно другим молвить: «Польшу хочу», не поразмыслив сперва, какую Польшу и кого ради. Ни один англичанин не скажет себе: «Изобрету машину наилучшую из всех изобретенных машин» и не начнет собирать материалы, не измыслив сперва новый источник движения, поскольку каждому известно, что простое сочетание дерева, железа, пружин и веревок ничего не даст. Можешь потратить на материалы миллион, но если в мыслях своих не видишь, чему должны служить отдельные сконструированные части, ничего не добьешься... Зачатие должно предшествовать рождению... Я бы почувствовал, если бы внутри тебя уже была заключена будущая Польша.

С подлинной невинностью ангела-воскресителя ты бы уже предпринял множество шагов, ведущих к Твоей цели, и по каждому оструганному Тобой деревцу человек мудрый догадался бы о цели. Рука художника уже принялась бы рисовать мысль Твою — порой лучше, чем брошюра или газетная статья, на какой-нибудь древней могиле уже восстала бы каменная статуя, страша оживающим склепом. Отчего же Твоя прекрасная и пламенная, точно сон, мысль не затопит всю эту мертвенность, не зальет Польшу?... Прости мне то, что я скажу... Итак, мне видится, что ты слишком рано материализовал средства свои и придал жизненности силам своим; следовало еще некоторое время идти вслепую, идти, пока не засияет подлинный светлый день... Ты же выбрал полурассвет... и не доверился полностью капризному духу вдохновения... Ты неверно поступил, Зигмунт, ведь я знаю Тебя, кто Ты есть, знаком с духами Твоими; они дарили людям больше, чем те, чья глава увенчана короной... Не удивительно, что руки полны камелий, жемчуга, алмазов... Ты напрасно не поверил в перуанские богатства... ты мог их выкопать в отчизне.

Знаешь, у древних философов было правило: «Познай себя»... Это не предостережение и не призыв познать нашу моральную природу, ошибки и изъяны характера; да, познание подобных изъянов повредило бы человеку. Он не должен на них смотреть и — случайно открыв — рассматривать и любоваться ими, напротив, ему следует породить веру в свою ангельскую природу. Это предостережение философов — поддерживало атмосферу тайны. Чтобы чужой человек открывал в Тебе?..

Я высоко Тебя ценю — и поэтому часто убеждал Тебя, и я много знаю о Тебе. Однако Тебе самому известно, что такие вещи, явившись в недобрый час и попав к человеку неподготовленному, сделались бы смешны, как и тайны всего мира, будь они разглашены, показались бы святотатством...

Итак, прошу Тебя об одном... Находи сердцу своему жертвы, эти жертвы приноси Богу, пока Твоя утонченная природа не начнет Тебя учить, словно собственное дитя, видя, что это дитя сорвало с себя сорочку и башмачки сбросило. И дрожит от холода...

Тебе, возможно, непонятны просьба моя и голос мой... В таком случае прости меня, и я умолкну.

Огромный камень пал бы с души моей, если бы я увидел и ощутил в Польше великого человека, сразу бы словно тетива ослабла и напряжение спало, я вздохнул бы и возрадовался, будто окруженный сонмами ангелов... Будь им или призови его — вот чего я желаю от Тебя и почти наказываю Тебе... Эти мои слова подобны словам человека, уже завершившего свои земные дела...

И не только теперь, но и после смерти я не сниму с Тебя бремени — и глаз не буду сводить с него — которое Ты — как я полагаю — должен нести и влачить... потому что чувствую, что Ты силен и за миллион людей можешь его нести...

Не считай меня обиженным людьми, считай несущим бремя...

И слов моих не приписывай гордыне, а стиля моего — конвульсиям: так станет писать когда-нибудь Польша, от мысли движущаяся к форме, не формой бичующая себя, в ожидании, пока брызнет мысль... Меж ангельской природой света и сатанинской — пламени лишь эта разница.

Наконец, подобно тому, как я сужу Тебя, суди меня в духе любви, и я все приму покорно и с любовью. Укажи мне божьи цели и если я не иду к этим целям, покарай или направь к ним,

и я пойду или предстану пред судом духов как отступник. Мы все заняты одним делом и поэтому каждый из нас обладает властью приказывать, но силы нам дает высший мир, вплоть до целей божьих...

Я эти цели вижу, но призывать к ним пока не смею, ибо недостаточно силен, чтобы довести...

Вот письмо, вот одна из адских кар: мертвая буква и мертвая бумага меж духом и духом.

Твой

Юлиуш Слова

Северину Гощиньскому^[18]

[Париж, 1848 г.]

Я уже было написал письмо брату Рутковскому^[19], собираясь переслать ему Твой текст, когда по длительном размышлении Дух Христа запретил мне всякое участие в деле, в котором я, не будучи использован в духе любви и правды, и ныне призванный не во имя Божье, вынужден был бы служить материальным орудием, увеличивая разлом, в котором не виновен. Оставляя у себя Ваши тексты, считаю дело сделанным; с отъездом же брата Адама^[20] — передача этих текстов, уже не способных его задержать, совершилась бы не в духе правды, а в духе законности, которому я служить не могу, ибо это иллюзия и обман человека, которого таким образом сбивают с пути, убаюкивая и освобождая от подлинного действия. Мастеру^[21] следует сказать прямо, совершен ли шаг Адама — или нет — согласно велению Святого Духа, которому он доверил опеку над своим Кругом и от духа которого поклялся не отступать. Вы, Братья, судите братьев... а если меня настоящим братом не считаете, то и использовать меня в качестве орудия не должны, особенно при передаче акта, на котором я не вижу подписи мастера, так что меня ничто не защищает от ответственности. К подобному действию меня мог бы призвать какой-нибудь из павших братьев, и тогда бы вы сами меня осудили. Знаю ли я, осужден ли Мастером за свои действия брат Адам?

Я болезненно переживаю все, что вершится против Дела, и предвижу еще более страшные мучения для последнего; однако не внутренней и постоянно подпитываемой ссорой в Круге, которая ложное пламя разжигает — и в тесноте разъедает дух,

но публичным и открытым духу дела творчеством, действием, сеянием духа правды пытаюсь бороться со злом, предполагая, что тем самым продемонстрирую братьям свою любовь, если буду приносить одну только пользу и никакого скандала. Теперь действие, которого ты, возлюбленный Брат Северин, от меня требуешь, хотя бы и духовно оправданное, привело бы к публичному скандалу — подобным образом, как в свое время мой отход от Круга... Вами самими был обращен в акт ненависти и зависти — и утратил бы эту невинность внутреннюю и внешнюю, о которой Ты сам брату Адаму напоминаешь, говоря, что в душе не подозреваешь его в злых намерениях, но лишь в том упрекаешь, что состояние, в каком он находится, обратит действия его против дела. Отчего же по отношению ко мне не нашлось в Тебе этой братской любви, отчего не судил Ты столь же справедливо, позволяет ли мое положение по отношению к парижскому Кругу становиться разносчиком жалоб... и зачинщиком споров, пускай даже дух мой чист?

Прошу Тебя, Брат Северин, все это взвесить по-братски, и в любви Твоей ко мне оправдать меня, а если Ты полагаешь меня виновным в деле, молиться за меня и молить о свете для меня; теперь именно свет, наперекор земному, призывает меня требования Твоего не исполнить, и не подрывая веры в Круг, которую питает Адам, окончательный вердикт относительно действий — все освещающему духу в конце концов предоставить. В это просветление я страстно верю и в ожидании этого часа в терзаниях усмиряю дух свой — сие есть добровольное терзание об упадке мира.

Наконец взываю к Вам с величайшей печалью: не посредством споров людских, но посредством учения и действия — водрузите открыто и высоко это знамя, которого уже не видно, к которому уже даже я в трудах моих с людьми... призывать не смею, ибо вижу, как обрывки его разносит ветер. Речи брата Адама уже год в Круге ...

Корнелю Уейскому^[22]

1848, Рождество, Париж

Любимый Корнель!

В Канун Рождества я получил письмо Твое, а в праздник сам пишу Тебе, проводя вечер в беседе с Тобой. Дорога мне любовь Твоя: несколько мгновений, проведенных сообща во Христе,

связало нас сильнее, нежели долгие пройденные вместе пути людского бытия. Ибо мы вдохнули в братские уста — небесное дыхание, и теперь, всякий раз, когда у меня тяжело на сердце, мы снова тоскуем по этому единению. Думаю даже, что под действием Твоего духа моя частичка братства возросла, ибо я сильнее тоскую.

Ты дописал мне в письме подлинный конец «Ангелли»^[23], но прошу, убоись того голоса отчаяния, который слышится в этой вещице: подобного стона никто не издал — отчаяние Байрона — дитя по сравнению с отчаянием Ангелли, ибо в Ангелли отчаяние подобно Христовому. Да будут эти страшные посе́вы — далеки от Тебя. Да не искусит Тебя ныне, воплотившись в польской речи, эта пропасть, в которую Израиля толкнули пророческие стенания Исаяи, Иеремии и других последних пророков. Дух мне это продиктовал вчера, когда в мое сердце уже проливался сладкий яд стройных слов Твоих, и как видишь, восстав против себя, я выполняю свой долг по отношению к Тебе. Ибо Ты для меня — высший свет, который не скрыть туманам, который возрадуется и станет розовым факелом, осветит эти страницы, на коих и ты теперь нашел приют, и на вечерю Господню пришли фигуры, населяющие эти страницы, с музыкой веселья Твоего, покачиваясь... словно соединенные гармонией священной радости — толпы народа Твоего — крича: «Осанна! Осанна Господу!», ибо Агнец наконец обрел хвалу и мощь, и славу и власть, а время исчезнет и страдания исчезнут, и Бог утрет их слезы.

И нет иного пути к этому торжеству и возгласу, мой дорогой Брат, кроме как омыться подлинностью страданий наших, в подлинной крови, выдавленной мученическими временами, кроме как обрести в подлинной боли нутра нашего — подлинную радость Господню? Где же возлюбленная шея Твоя, дабы я обвил ее руками и снова услышал на сердце своем искреннее рыдание Твое, и словом божьим смог тебя утешить, как дитя. Агнец мой, не утрачивай белизны своей, и все тебе будет дано.

Помнишь тот вечер, когда при тусклой свече нас было трое, а один из нас пророк-ремесленник, истерически возрыдав — произнес имя города, который, омытый кровью уже узрел в окне; а мы внимали. Помнишь, тогда я осудил этот дух и велел ему не оглашать будущие беды, ибо те должны жить в духах — словно дети в материнских ложах:двигающиеся, но нерожденные, и не пугать людские сердца. Так вот теперь, когда все исполнилось, я вспомнил этот вечер, и Твоя печальная фигура у камина ясно встала перед моими глазами,

поскольку это Ты был призван стать свидетелем исполняющегося пророчества. И снова унес Тебя дух вдохновения, когда оно исполнялось. Согласно таким знакам мы могли бы логически вывести подлинную линию нашего пути на свете и видеть, подобно духам, направление нашего движения.

Будь внимателен, мой дорогой, чтобы не заблудиться, а порой через звезды взгляни на меня как на брата, чтобы, будучи в этом сильнее — не усомниться. Что до меня — Бог видит, что часто при звездах, ночью, замерев на крыльце моем, лицом обратившись к Вашим сторонам, я молюсь за Вас и в душе слышу вздохи духов Ваших поработченных, а часто будто бы и шорох плугов Ваших, которые вывело в поля раньше восходящее у Вас солнце, и будто бы голос, погоняющий несчастных набожных тружеников. Все, что поработчено и страдает — во мне страдает. Через звезды и синь — я с отчизной моей и с Вами. Но если суждено будет, то без слез, но со словом правды — если Бог не лишит меня своего вдохновения, и через достойных апостолов своих не начнет миссию, обновляющую нашу жизнь. Такого меня, мой Корнель, привлеки сердцем Своим, и продолжай сей духовный труд — подобно матросу, что тянет канат, дабы какая-нибудь далекая лодка — вернулась из открытого моря к кораблю. За каждую каплю пота Твоего, когда изможденный ты станешь вершить дело правды, словно за слезу буду Тебе благодарен. А тянуть канат — это трудиться для дела святого духа, которому, как ты знаешь, я и себя посвятил, стоя с горящим светильником на груди моей, там, где прежде билось лишь сердце, полное крови.

Целую Тебя и обнимаю, дорогой мой Брат, и благодарю за память Твою.

Юлиуш Словацкий

Иоанне Бобровой^[24]

Париж, пятница [в марте 1849 г.]

Любезная госпожа!

Весьма и весьма дурно состояние моего здоровья^[25]. Если я и вышел несколько раз, то, в сущности, подобно призраку, и способен лишь бросать остекленевший взгляд на солнце, которое вскоре перестанет освещать мои сны. Когда я проходил мимо Вашего порога, какая-то слабость и одновременно

неодолимая печаль заставили меня направить свои шаги в другую сторону: я не мог войти, клянусь всем сердцем — не мог. И все же верьте, что я с самым искренним чувством думаю о той доброте, которая и теперь с такой заботой пестует часть моего бремени и, знаю, взяла бы его на себя, будь она в силах облегчить этим мои страдания. Но все тщетно, дорогая госпожа! Во всяком случае — в эти дни таково мое убеждение. Меня терзает лихорадка, сердцебиение постоянно усиливается, а внутренняя слабость почти не оставляет надежды. Прошу Вашей молитвы и добрых мыслей, которые бы, соединившись с моими — поддержали меня в этом последнем празднике духа, который, сквозь сон, видит почки, почти раскрывшиеся на деревьях, и засыпает все глубже — до новой весны и долгого дня, когда снова поднимет голову и осветится новой радостью.

Прощайте — и обещаю прийти, если будет на то воля Божья.

Верный слуга

Юлиуш Словацкий

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Мать Юлиуша Словацкого — Саломея Словацкая, урожденная Янушевская (1792-1855), в 1818 г., после смерти мужа, Эузебия Словацкого, вышла замуж за Аугуста Бекю и взяла его фамилию.
  2. Теофил Янушевский (1798-1865), родной брат матери Словацкого.
  3. Эглантина Патти — дочь владельцев пансиона в Паки близ Женева, где Словацкий прожил почти три года. В тот период он проводил с влюбленной в него Эглантиной много времени за разговорами и прогулками, однако не ответил на чувство девушки.
  4. Бедный Люлли! (фр.)
  5. Молодец, Люлли! (фр.)
  6. «Балладина» — трагедия Ю.Словацкого, изданная в Париже в 1839 г.
  7. Пер. М. Донского
  8. Царский Виленский университет, где Словацкий учился на юридическом факультете в 1825-1828 гг.
  9. Яшуны — небольшой городок в Литве, где находилось имение, в котором любил бывать Словацкий.

10. Речь идет о «Пане Тадеуше» Адама Мицкевича, изданном в 1834 г. в Париже.
11. Якуб Волошиновский, секретарь лицея в Кременце, который закончил Словацкий.
12. Жена Мицкевича — Целина, урожденная Шимановская (1812-1855).
13. Анджей Товяньский (1799-1878) — философ, автор мистико-мессианистских трудов. В 1841 г. основал религиозное движение под названием Круг Божьего Дела, собравшее приверженцев его идей, которые получили название товянизма. Словацкий встретился с Товяньским 12 июля 1842 г.
14. Круг Божьего Дела.
15. Адам Мицкевич (1798-1855) — поэт, считавший Словацкого соперником и недооценивавший его творчество. Некоторое время они сотрудничали в Круге Божьего дела, позже однако Мицкевич говорил о своей антипатии по отношению к Словацкому.
16. Вероятно, в рукописи содержится ошибка, так как это событие произошло 1 ноября 1844 г. [Ср.: J.Słowacki, Listy: do krewnych, przyjaciół i znajomych (1820-1849), oprac. J.Pelc // J.Słowacki. Dzieła, t.XIV, Wrocław 1959, s. 425]
17. Зигмунт Красиньский (1812-1859) — поэт, друг Словацкого с 1836 г. до самой смерти.
18. Северин Гощиньский (1801-1876) — поэт, друживший со Словаким, который пытался убедить его в правильности идей товянизма.
19. Теодор Эрнест Рутковский, псевд. Теодор Боньча (1816-1881) — журналист и поэт, исповедовавший и пропагандировавший идеи товянизма.
20. Адам Мицкевич.
21. Анджей Товяньский.
22. Корнель Уейский (1823-1897) — поэт, друг Словацкого.
23. «Ангелли» — поэма Ю.Словацкого, изданная в 1838 г. в Париже, демонстрирующая пессимистический образ судеб польской эмиграции, а также борьбы за независимость Польши.
24. Иоанна Боброва (1807-1889) — подруга и муза Словацкого
25. Словацкий в это время был болен туберкулезом, поэт умер 3 апреля 1849 г.

О Зигмунте Мыцельском

*Зигмунт Мыцельский родился в 1907 году, умер в 1987-м.
Композитор, музыкальный критик, автор грандиозного дневника.*

Происходил из аристократической семьи. Учился в парижской Эколь Нормаль де Мюзик у Поля Дюка и Нади Буланже. После Второй мировой войны остался в Польше, ютился в одной комнатухе и терпел нужду. Принадлежал к узкому кругу выдающихся деятелей польской культуры, в числе его ближайших друзей были Павел Герц и Ярослав Ивашкевич. Концертируя в Западной Европе, Мыцельский поддерживал отношения с известными музыкантами и средой парижской «Культуры», прежде всего с Юзефом Чапским.

В комнате Павла Герца стояла фотография Зигмунта Мыцельского. Я внимательно рассматривал этот снимок. Жалел, что мне не довелось встретиться с этим человеком. Что не удалось с ним познакомиться. Но сегодня у меня такое ощущение, будто я хорошо с ним знаком, могу представить себе, что он думал, что чувствовал, чего желал. Чего боялся, что его радовало и что ранило. Более того, мне кажется, что мы все с ним знакомы. Достаточно открыть его дневник, потому что в нем в наибольшей степени отражается и сам Мыцельский, и мир, который он видит — всегда отчетливо, во всех деталях, мудро, так, чтобы его сумели увидеть и другие.

Четыре тома, заключенные между двумя столь значимыми для Мыцельского высказываниями: 1950 г. — «Постараюсь записывать мысли и события наиболее адекватно тому, что я думаю. Насколько это, конечно, возможно» — и фразой, завершающей последний том дневника, о том, сумеет ли Ян Стеншевский выбрать из этого текста «какие-то фрагменты — а остальное перечеркнуть, выбросить». К счастью, никто ничего не перечеркнул. Все сохранилось. Благодаря этому мы можем соприкоснуться с необычным произведением, посредством его проникнуть в жизнь исключительной фигуры польской культуры, личности многогранной и совершенной, человека внутренне независимого, обладавшего талантами, из которых в дневнике, вероятно, наиболее важной оказывается способность говорить о себе и о мире «без анестезии», всерьез и открыто. Это касается как общественных проблем, истории

Польши, ее современности, которую Мыцельский всегда видит в исторической перспективе, в контексте окружающего мира, так и собственного творчества, прежде всего музыки. Но есть в дневнике место и для размышлений о вопросах тонких, трудно выражимых, таких как религия, смерть или любовь.

Размышления Мыцельского отличаются полнотой, широким спектром затрагиваемых проблем, постоянной интеллектуальной сосредоточенностью, цельностью и лишенным пафоса величиим. Любознательностью писателя-реалиста и рафинированностью религиозного мыслителя. В его творчестве есть всё, и всё находится в гармонии, есть парение в области идей — бrenная земля под ногами. Жизнь и искусство, религия, литература и музыка, политика и история, наброски к автопортрету, разбросанные во времени, словно на полотнах Рембрандта, и образы других людей. Интеллектуальный полет и серая повседневность, Европа и Польша. Постоянная борьба с самим собой.

Я не знаю другого человека (кроме, разве что, Юзефа Чапского) подобного уровня духовного бытия, человека, который оставил бы свидетельство этого бытия, воплощенное в столь масштабных, с точки зрения исследовательской мысли, записях.

Когда я читаю этот дневник, у меня возникает ощущение, будто я нахожусь рядом с Мыцельским, слушаю его размышления, вижу других людей его глазами. Порой я даже испытываю неловкость, что он открывает передо мной так много, говорит со мной так откровенно. И утешаю себя тем, что в аналогичной ситуации находились и находятся другие читатели.

Я не могу освободиться от Мыцельского. От его гипнотической силы, свободы и мудрости. Я бы предпочел составить его портрет из фрагментов рассуждений, почерпнутых из его собственных текстов и воспоминаний друзей. Но тогда мне бы, вероятно, пришлось переписать слишком многое, подчеркнутое при чтении. Жаль, что я не могу присовокупить к этим страницам то, что порождено непосредственно музыкой. Ведь одно не подлежит сомнению, Мыцельский был композитором, преданным своему делу. Именно в музыке он желал оставить свой след. Порой ему казалось, что он почти у цели, что создал нечто, сопоставимое по масштабу с его собственными ожиданиями, произведение, несколько нот, между которыми найдена единственно верная связь, создал то, что встанет в один ряд с сочинениями тех, кем он восхищался. Но чаще композитора терзали сомнения, что — если

воспользоваться формулой Красиньского — сквозь него струится поток красоты, но он сам не есть красота. Что чего-то существенного ему все же не хватает, что есть в нем некий изъян, некое отличие, не позволяющее сосредоточиться исключительно на себе, уверовать в свой талант, пестовать себя. Вместо этого Мыцельский предпочитал помогать другим, делиться тем, что ему дано. Он раздавал то, что имел и даже то, чего ему не хватало: последние брюки, последние деньги. Не жалел и своего времени. Вероятно, не жалел также и большего — своего сердца и разума. Потому что ему казалось, что другой человек важнее, потому что дружбу он ценил чрезвычайно высоко.

В жизни Мыцельского было много тем особенно для него значимых. Всем им он оставался верен, менялась лишь перспектива. Одна из таких тем — смерть, точнее умирание, причем в сложные моменты польской истории. Девизом Мыцельского могли бы стать слова: «Следуй до конца в те остатки жизни и мира, которые носишь в себе». Есть в дневниках Мыцельского пронзительные записи о смерти Януша Радзивилла, Яна Тарновского, история — в сущности, уже посмертная — Яноша Эстерхази (и усилий его сестры, этой современной Антигоны). Есть страницы, написанные с абсолютной искренностью, в мгновения раздумий над своей судьбой — всегда отличающиеся чувством собственного достоинства, отличающиеся эмоциональностью и одновременно отстраненностью, хирургической точностью. Есть в дневнике Мыцельского запись о смерти Марии Чапской и описание последних дней жизни друга Генрика Кшечковского. «В сущности, — пишет Мыцельский, — по-настоящему меня интересуют уже только две вещи: моя собственная музыка и смерть. Смерть, то есть вера или неверие. А в отношении веры — сомнение, существует ли подлинная вера».

Смерть близкого человека всякий раз означает конец некоего мира. «Того, который человек сумел создать (в себе), который сумел охватить памятью, знаниями, трудом, творчеством. Это видение себя является своеобразной меркой — кто я, кем я могу быть. Учитывая случайность рождения и то, что можно считать собственной заслугой, совершенное усилие, сознательное, не совершенное и так далее. Исчезающий мир есть сумма этих смертей. История есть попытка отыскать этих людей. Свидетельства — это точки, в последние столетия умножившиеся многократно. Какие выбрать, чтобы провести линию, позволяющую нам очертить горизонт?»

Но прежде чем приходит смерть, начинается погружение в себя, постепенный уход, отказ от планов. Прежде чем исчезнуть из мира, человек должен отчитаться перед собой и перед другими, а в некоторых случаях и перед Богом — в собственных талантах. Мыцельский умеет писать о себе со всей суровостью, но всегда спокойно, без отчаяния, не заламывая рук. «Что может породить бульканье множества идей, проектов, моделей (музыкальных!) в голове? Нечто богатое или убогое? — подобный процесс происходит при подстраивании слов к мысли, воплощении мысли [...]. Подобный процесс происходит при пересказе сценки, разговора, события, переживания. Но в музыке материал иной [...]. Воплотить музыкальный замысел в словах, слова исполнить в музыке... Ну да. Ищи, рыскай, как пес; не ищи, открой — все то, что может быть ИЗВЛЕЧЕНО. Просто подчеркни. Сосредоточенность, необходимая для этого, быть может, подобна сосредоточенности математической мысли, а может, напротив, совершенно иной?

Слишком много, слишком быстро, слишком поздно; краткое ВСЕГДА...

Паническое настроение обратить в спокойную сосредоточенность. Спокойную и максимально интенсивную».

Невозможно набросать, даже приблизительно, все значимые точки на карте дневника Мыцельского, в парадигме его жизни. Можно лишь указать фигуры и вопросы, к которым он обращается чаще других. Записи Мыцельского перемежаются интересными своим особым местом выписками из прочитанных книг, а также письмами к и от друзей, взять хотя бы переписку с Адамом Михником, значимую для понимания судеб обоих ее героев, фрагмент письма Лешека Колаковского к Юзефу Чапскому о вопросах веры, с комментарием Мыцельского. Есть также постоянный напряженный диалог с Польшей, с миром, порожденный как любопытством, так и независимостью суждений. Есть размышления о польском католицизме в связи с крещением Павла Герца — и сразу после этого заметка, посвященная повседневности. Потому что текст Мыцельского — это и своеобразный бытовой роман, рисующий панораму ПНР, это и описание мышинной возни, борьбы за сохранение лица в повседневном существовании, среди тягот обычной жизни. А рядом — повторяющееся в нескольких версиях повествование о серебряных ложках. Воспоминание о мире прошлого, далекого, постепенно стирающегося из памяти, сводящегося к нескольким предметам, обладающим силой воскрешать Атлантиду. И, наконец, есть вера в музыку, если уже не свою, то сочиняемую другими, музыку мира, основу

духовной жизни. «Печаль, — пишет Мыцельский, — следует обращать в поэзию. Обратный процесс ничего не дает, хотя это удел большинства. Не способные к поэзии печальны и не знают, что это такое, не знают, почему они печальны, обмануты, наконец безоружны.

Музыка — выход. Для немногих. Религия также. Объяснить собственную, а следовательно и людскую катастрофу. Судьбу. Защита от отчаяния — источник нашего мышления, нашего чувствования, нашего творчества».

Я много лет веду бесконечный разговор с Мыцельским, читаю его дневник, слушаю его сочинения, ищу в них одновременно красоту, назидание и утешение. Я отношусь к его произведению как к выдающемуся свидетельству интереса к миру, готовности к постоянной его интерпретации, без облегченных оценок, к видению одновременно панорамному и детальному. Я сопоставляю с ним собственные взгляды на польскую историю в перспективе общественной и частной, вглядываюсь в проступающий из нот и букв портрет последовательного художника, свободного человека, преданного друга, композитора и выдающегося польского писателя.

У Мыцельского я учусь, как сохранить свободу во многих измерениях, на разных уровнях существования. Пожалуй, никто так открыто, как он, не писал о своей эротической жизни, о мгновениях счастья и моментах терзаний. Не пытаюсь опереться на психологические построения. Мало кто так любил Польшу и ужасался ей. «Легче, — писал Мыцельский, — делать „революцию“, чем государство». Он не умел, не хотел жить за пределами Польши, и все же размышлял о жизни в ней исключительно критично, причиняя боль себе и другим, потому что, как мне представляется, столь многое его здесь раздражало, виделось свидетельством наследуемой из поколения в поколение интеллектуальной лености и обычной подлости. «Стась Прушиньский, — писал он, — верно сказал, что если некогда Варшава была Парижем Севера, то теперь это даже не Радом Европы». И в другом месте: «Один иностранец, хорошо знавший довоенную Польшу, говорил мне в „Бристоле“, что Польша без евреев, шляхты и блядей не имеет смысла». Мыцельский, возможно, лучше других знал, что в каждом народе дремлет бесконечное множество версий коллективного существования, и их материализация зависит лишь от стечения обстоятельств. Он повторял: «В определенных условиях даже швейцарцев можно превратить в орду, готовую перерезать горло остальному миру». Он чувствовал, что все меньше связывает его с окружающими, что

он бродит по земле, словно мертвец, и, вероятно, не нашел своего призвания, суть которого не в силах точно определить. Порой предпочитал молчание, гордое одиночество, хотя предполагал, что случись ему полностью освободиться от обременявших его обязанностей — «скроется под поверхностью жизни и беззвучно уйдет на дно».

В тех случаях, когда требовалось высказаться, пойти наперекор власти, он не колебался. Мыцельский обладал мужеством выразить свое несогласие, громко сказать «нет», как, например, после ввода войск в Чехословакию. Он знал, что в лучшем случае обрекает себя на изоляцию, что от этого пострадает его музыка. Но все же не сомневался, что поступает правильно. Мыцельский ценил близость друзей, их преданность, порой любовь. Они тоже могли на него рассчитывать. В своем дневнике он создал галерею портретов глубоких, точных в деталях, мастерски передающих атмосферу, игру светотени. Станислав Колодзейчик, Павел Герц, Ярослав Ивашкевич, Ежи Анджеевский, Генрик Кшечковский, Стефан Киселевский, а также женщины Эльжбета Грохольская и Марсель де Манциарли.

Мыцельский был также исключительно внимательным читателем. Он живо реагировал на то, что обнаруживал в книгах, всегда выделял в прочитанном главное. Обладал даром восхищаться как отдельной поэтической строкой, так и многосюжетным романом — лишь бы текст уловил частичку жизни, служил окном, широко распахнутым в мир. Сознавал, что как художник грешит, вероятно, излишней сосредоточенностью на себе. Повторял, что его единственным спасением является «постоянный выход за пределы самого себя. К предметам, к проблемам, к идеям». Потому предпочитал тех, кому удалось хотя бы на мгновение отказаться от собственного «я» в пользу отдельных «ты», не говоря уже о тех немногих, кто умел лавировать среди проблем, связанных исключительно с множественным числом. Мыцельский любил повторять слова Чапского, что «искусство есть публичное снятие штанов. Кто на это не решится, тот ничего не добьется». Сам он, однако, предпочитал общение с чужими мыслями. Мыцельский стремился сохранять ясность видения, не деформированного игрой амбиций, честолюбием. Критически настроенный по отношению к себе, у других он искал исключительно «добрые стороны». Радовался, когда мог что-то воспринять, чему-то научиться. А ведь эти самые люди терзали его, ежедневно докучали, каждый чего-то хотел, претендовал на время и внимание. «Я ощущаю в людях, — писал Мыцельский, — их истинную изнанку, не выраженную

внешне, чувствую, какие они, когда находятся наедине с собой, когда мыслят и чувствуют наедине с собой. А в художнике мгновенно вижу его изнанку — которую выдает то, что он делает, то, что он совершил, зачастую я также вижу и то, чего он совершить не сумел. [...] Для людей искусство — обман, а жизнь — правда. Для меня — наоборот».

Много лет назад я читал неаполитанскую новеллу Джозефа Конрада «Il Conte»^[1], не зная, что она повествует об истории деда Зигмунта Мыцельского Зигмунта Шембека. Сколько же такого рода портретов можно обнаружить в дневнике Мыцельского, из скольких записей могли бы родиться пульсирующие жизнью рассказы, подобные конрадовской истории об утраченной чести, о любви и о стыде. Сам Мыцельский — лучший кандидат в главные герои этих повествований, поскольку на самом деле происходил из того же мира, пробуждающего одновременно жалость и ужас. «Он смотрит, — писал Войцех Карпиньский, — с любовью и ужасом — вызванными жестокостью мира, человека. Со страстью, но без желчи и зависти, без цинизма и равнодушия, без ослепленности или фанатизма. Умение увидеть главное в неожиданной детали и воплотить эту деталь в слове, мгновенно попадающем в цель».

Уже в конце жизни Зигмунт Мыцельский пишет: «Человека можно оценивать при помощи разных мерок: кто что сделал, совершил, или что сумел дать другим (ближнему! Самому близкому!), чем кто является внутри, а также снаружи — чем является в глазах другого? Что вообще такое — „ценность“ человека? Сколько в этом его заслуги, вины, сколько случайности — сколько определено обстоятельствами происхождения, способностями, сколько — тем, как мы распорядимся данным от природы, воспринятым от среды? Что с того, что я поляк, что родился в так называемой дворянской среде, что у меня были родители, обладавшие жизненной мудростью, и большой дом — когда я настолько разошелся с этой средой? Откуда эта вплетённость в мир музыки, откуда хаос и лень, страсть и стремление избежать усилия, небрежность? Откуда эмоции, нереализованные возможности, реальные прихоти? Отчаяние, усилия? [...] Покидая этот мир, я не могу не думать о том, что есть, и о том, чего нет. Замкнутый в своей личности, я стою перед невообразимым небытием. Без страха, но одинокий относительно всего».

В библиотеке Павла Герца, среди справочных изданий, необходимых для работы переводчика и издателя, имеются также книги некоторых друзей, как правило, снабженные

дарственными надписями, выходящими за рамки формул вежливости. Порой, как в случае Ярослава Ивашкевича, это целое письмо, написанное на титульном листе. Дарственные надписи бывают знаком дружбы, преданности и близости, хотя иной раз в них также звучат иронические нотки или ощущается отстраненность. В этих текстах можно увидеть отголоски споров, дискуссий, которые Герц вел с автором. Есть среди них записи, свидетельствующие о значимости момента, хранящие память о событиях личной жизни, глубоко скрытых, чаще всего остающихся за кадром. Таковы дарственные надписи Зигмунта Мыцельского. Они повествуют о природе дружбы — от обоих остались удивительные размышления на эту тему. Мыцельский многократно писал о Герце, сочинил на его стихи вокальный цикл, поскольку верил, что слова друга доскажут то, что сам он стремился выразить в своей музыке, что вместе они создадут произведение, открывающее правду о мире. «Павел, — замечает Мыцельский, — не умеет лгать, когда пишет то, что пишет. Скорее он лжет в жизни. Но как раз это я всегда готов ему простить». Первую дарственную надпись Мыцельский сделал на сборнике рассказов, рецензий, фельетонов и речей «Бегство с нотного стана», который послал в Париж на Пасху 1957 года. «Посылаю тебе эту сборную солянку — бигос, а не choucroute garnie [...] Юзеку Чапскому я также пошлю этот томик, но ты покажи его моим друзьям, которых встретишь. Покажи то, что сочтешь нужным. Сегодня я хотел купить что-нибудь на Пасху — но ничего нет. Глупо, что нет ветчины, колбасы, раз есть яйца и масло, хоть и горькое, как сказала мне бабка, частница на рынке; а я пишу, что, наверное, оно горькое, как слезы, хотя слез никогда не пил. Но верю на слово, что горькие». Другая дарственная надпись, на визитке Мыцельского, приложена к Римскому Миссалу, подаренному Герцу на память о принятии таинства крещения в 1982 году. «Дорогой Павел, ты хотел иметь Римский Миссал. В день, когда ты принял решение креститься, я дарю тебе этот Миссал, который моя мать сумела прислать мне в лагерь для военнопленных. У меня есть второй экземпляр, принадлежавший ей. Я дарю тебе его, думая о нашей дружбе, о нашей жизни, о нашей стране, о нашем искусстве и о наших молитвах, таких, на какие способен каждый из нас».

Перевод Ирины Адельгейм

Зигмунт Мыцельский

Две встречи с Вагнером

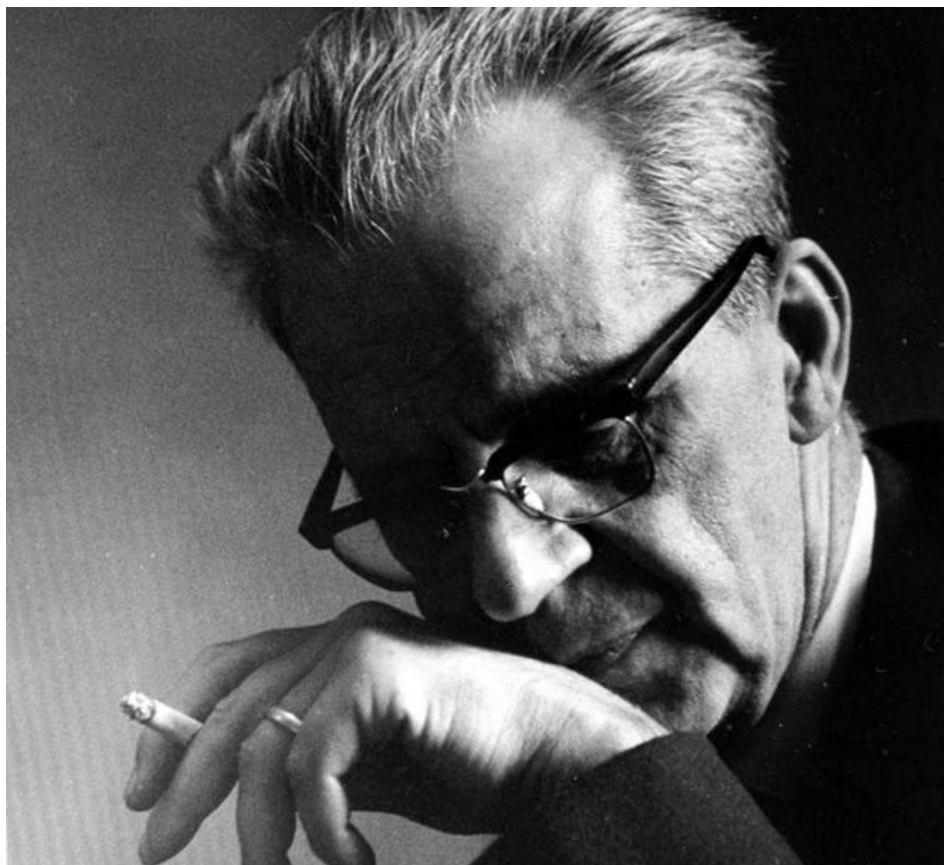

Фото: Andrzej Zborski/FOTONOVA

**15 V 1963. В специальном номере журнала «Рух музичны»,
выпущенном к 150-летию Рихарда Вагнера.**

Летом 1929 года, по дороге из Парижа в Краков, я остановился в Байройте. Оперный театр был закрыт, так что я пошел посмотреть виллу Ванфрид, но и здесь ворота оказались заперты.

Стемнело, но я настойчиво стучал. Вышел, ворча, сторож или садовник. В это время посетителей уже не пускают. Из окна выглянула какая-то пожилая женщина.

— Что случилось?

— Молодой человек говорит, что он проездом из Парижа, хочет войти.

— Из Парижа? Пускай подождет.

Я подождал, пока женщина спустилась вниз – это продолжалось довольно долго.

— Vous venez de Paris?^[1] — спросила меня старушка — я только теперь разглядел, что стоящая передо мной женщина годится мне в прабабушки.

— Да, я музыкант, учусь в Париже, мне бы хоть заглянуть...

— Молодой музыкант, из Парижа... — Старушка выглядела растроганной. — И как теперь в Париже? Много концертов?

— Иной день и десяток наберется, — поддержал я беседу. Мы уже подходили к дому, женщина спрашивала, что я хочу увидеть. Однако темнело быстро, так что я попросил только показать мне, где находится могила Вагнера.

— Могила моего мужа... Я провожу вас. — Однако произнеся эти слова, она остановилась. Мы уже зашли за угол. Женщина подняла тонкую трость:

— Идите прямо, туда.

Я не знал, уходить мне или остаться с дочерью Листа, госпожой д'Агу, женой Ганса фон Бюлова, *secundo voto*^[2] госпожой Вагнер. Хотелось прошептать, если не воскликнуть: «Так вы еще живы?!» Но старушка осталась у дверей, а я пошел дальше, бормоча какие-то благодарные слова.

Козима! Так я разговаривал с девяностодвухлетней Козимой, которая знала *их всех*?! Тех, чьи ноты занимают полку у моего рояля?!

В следующее мгновение я уже стоял у толстой отполированной каменной плиты, под которой покоился автор «Тристана».

Спустя тринадцать лет, зимой, на рассвете, немецкий солдат вел меня под дулом пистолета к немецкому кулаку, за чьими коровами, телками и быками я должен был ухаживать — в общей сложности несколько десятков голов скота. В полдень меня позвали в дом и в холодных сенях показали две миски. В одной была каша для собаки, в другой — для меня. На каждой порции лежал кусок шкурки от сала.

Собачка весело подбежала, помахивая дворняжьим хвостиком и — о чудо — вместо того, чтобы броситься к своей миске, подошла ко мне. Я услышал раздраженный голос бауэрши,

призывавший ее к порядку. Не пристало песику общаться со столь презренным существом, как этот славянский солдат. Но собачка продолжала ластиться. Я погладил ее, бауэрша прикрикнула: «Сента!» Я отдал шкурку от сала Сенте, дочери Даланда, и та осталась со мной. Бауэрша потеряла терпение. Это провокация! «Ein Frecher Pole»^[3], — услышал я. Еще бы, оголодавший ободранец — и подкармливает немецкого песика. Но мой слух уже был далеко, я больше не слышал голоса бауэрши. Положив руку на голову Сенты, я прислушивался к звукам баллады: «Видали ль вы корабль в морях?»^[4], а когда шел в поле и ветер дул с Северного моря: «В морях, отверженец земли», — продолжал я мысленно темы раннего Вагнера из «Летучего голландца».

А теперь я думаю о воротах виллы Ванфрид, о Сенте и Северном море, о волнах моря вагнеровской музыки, богатого, переполненного разрывающими его звуками, об этом народе, среди которого я провел пять лет, странных, мертвых, заставивших меня обращаться мыслями к ариям Страстей Господних: «Erbarme dich»^[5].

Козима, Изольда, Сента, песни Тристана на слова Матильды Везендонк, и эти холодные сени, с теплой собачьей головой — что бы сказал на это старик Вагнер, что бы сказала Козима? Она бы, вероятно, предпочла сказочку о Сенте воспоминаниям Матильды Везендонк!

Из книги: Z. Mycielski, «*Postludia*», Kraków 1977

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. Вы приехали из Парижа? (фр.)
  2. По второму мужу (лат.)
  3. Дерзкий поляк (нем.)
  4. Перевод О. Лепко
  5. Сжался! (нем.)

Из редакционной почты

Письмо в редакцию «Новой Польши»

Уважаемые Дамы и Господа!

В двойном номере «Новой Польши», №7-8 (209) за 2017 год, который попал в мои руки только сегодня, мое внимание обратила единственная публикация, относящаяся к Украине — «Украинское наследие парижской Культуры» (с. 76-77). Представлено в ней рецензию авторства Евгения Соболя на сборник статей под редакцией Богумилы Бердыховской «"Kultura" — Ukraina. Zamiłowanie do spraw beznadziejnych. Ukraina w "Kulturze" 1947-2000».

Хотелось бы высказать по этому поводу несколько замечаний. Увы, упомянутая публикация является одной из немногих, единичных статей на украинскую тему за последние годы. Листая журналы за 2017-2018 год, я выделил еще две публикации — интервью с Андрием Павлышином и заметку о пребывании Ежи Помяновского в Луцком госпитале (№ 9, 2017). Возможно, что именно из-за нехватки украинских авторов в журнале и опыта в презентации украинской проблематики, упомянутая рецензия Евгения Соболя получилась дескриптивной и мало информативной. Рецензент так и не смог объяснить, почему Богумила Бердыховская выбрала подзаголовок с таким знаменательным названием: «Zamiłowanie do spraw beznadziejnych». Почему «безнадежные дела» и в чем суть «влечения» к ним? Рецензент, употребляя такое определение как «харьковские пролетарские писатели» не считает нужным его объяснять. Читатель незнакомый с культурной ситуацией в Украине 20-30-х годов XX века мог бы подумать, что речь идет о писателях-пролетариях или о рабочих, проживающих в Харькове. На самом же деле, Микола Хвильевый, Микола Бажан, Микола Кулиш и ряд других литераторов, которые вошли, например, в ВАПЛІТЕ (Свободная академия пролетарской литературы) писали для рабочих и крестьян, хотя по образованию и профессии были интеллектуалами.

В рецензии можно встретить также грубые фактографические ошибки. Нет такого понятия как «Червинская земля», следует писать «Червенская земля» (от летописного Червена). Литературоведа «Миколу Глобенка» исковеркали на какого-то «Миколу Хлобенко».

С сожалением констатирую, что нет в Польше журнала, который издавался бы по заказу польского государства на страницах которого можно было бы детально обсудить польско-украинские политические, культурные, экономические связи. Предпочитается российская тематика за счет украинской...

В завершение хочется также сказать, что уже свыше 10 лет мы получаем из Института Книги (Варшава) журнал «Новая Польша» на несуществующую организацию, «Институт украинской археологии», которые приходят на имя проф. Ярослава Дашкевича, умершего 25 февраля 2010 г. Даже после моего обращения ситуация не поменялась. Действительно, надо ли там в Варшаве знать о существовании в Украине какого-то института или о смерти известного украинского армениста? Главное строить «польско-российское взаимопонимание»...

С уважением,

Мирон Капраль,

проф., д. и. н. Руководитель Львовского отдела Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

(перевод с украинского языка)

Ответ редакции «Новой Польши»

Редакция «Новой Польши» считает, что и письмо проф. Мирона Капралья, и наш ответ следует опубликовать, поскольку его сомнения могут разделять другие украинские читатели нашего ежемесячника. Журнал «Новая Польша» был учрежден в 1999 году с целью ведения польско-российского диалога и презентации польских дел и событий в России. Именно так была сформулирована его миссия. Для нас естественным был и остается факт, что вопрос польско-украинских отношений является одной из наших важнейших тематических сфер. Мы много раз старались представить российским читателям нашу точку зрения, которая — обобщая — базируется на признании украинского стремления к сохранению целостности государства и укрепления его связей с Западом. Мы высказываемся также в пользу диалога о сложном прошлом без политического давления.

Несколько раз мы издавали спецномера на украинском языке при сотрудничестве с украинскими авторами и переводчиками. На каждый такой номер нам приходилось изыскивать дополнительное финансирование, поскольку бюджет журнала ограничен изданием одиннадцати номеров на русском языке в год.

Понимая тонкий характер этого вопроса, мы не стремились активно распространять русскоязычную «Новую Польшу» в Украине. Со временем, однако, появилась такая потребность, и мы начали отправлять наш журнал в украинские библиотеки и частным получателям. Мы рады, что можем делать это и дальше.

Ниже мы публикуем ответ автора упомянутой рецензии, Евгения Соболя.

Стоит, наверное, также вернуться к вопросу заглавия антологии Богумилы Бердыховской. „Zamiłowanie do spraw beznadziejnych” (Влечение к безнадежным делам) — это цитата из письма Ежи Гедройца, которое характеризует подход автора не только к украинским, но и польским, и вообще центрально-восточноевропейским вопросам. Есть в нем большой заряд самоиронии, за которой, однако, стояло упорство и непоколебимая поддержка для украинского вопроса.

Я лично помню, что лозунг (а в некоторых ситуациях тост, поднимаемый диссидентами) звучал и по-прежнему звучит: «За успех нашего безнадежного дела».

Петр Мицнер,

Заместитель главного редактора «Новой Польши»

*

Я был глубоко удивлен, прочитав письмо профессора Мирона Капраля в редакцию «Новой Польши». Автор сетует — совсем необоснованно — на небольшое количество текстов об Украине в нашем журнале и критикует именно текст на украинскую тему. Отвечая на претензии, хочу прежде всего подчеркнуть, что рецензия является художественным текстом и толкование заглавия не входит в обязанности ее автора. Г-н проф. Капраль пишет тоже, что в рецензии есть серьезные фактографические ошибки. Согласно определению, фактографическая ошибка — это придумывание несуществующих фактов либо манипуляция фактами. Две опечатки, которые появились на

стыке трех языков — украинского, польского и русского — в записи названия «Червенская земля» и фамилии Глобенко — не принадлежат к этой категории ошибок. Следует признать, что книга Бердыховской — это сложный вызов для рецензента. Она включает в себя свыше сорока статей и эссе, из которых мне удалось затронуть в своей рецензии только часть. Настоящая рецензия этой книги должна бы занять несколько десятков страниц! Поэтому, решаясь на публикацию столь сжатой версии, я сознательно согласился на некоторые упрощения и сокращения.

Евгений Соболев